

В. Кудров

КРАХ

СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

**Москва
2000**

УДК 330.342.173

ББК 65.013.7

К 88

В монографии дается оценка того наследия, которое Россия получила от бывшего СССР в виде советской модели экономики и сформированными в ней особым общественным менталитетом, структурой экономики, сверхкрупными производствами и непрофессионализмом по отношению к современным требованиям рыночной экономики. Помимо авторских оценок, в книге содержатся оценки этого наследия со стороны представителей советско-российской экономической науки и западной советологии.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов экономических вузов и всех тех читателей, которые следят за ходом социально-экономических преобразований в нашей стране.

*Рецензенты: академик Н.П. Шмелев,
д.э.н., профессор М.А. Портной*

Мнения, высказанные в докладах серии, отражают исключительно личные взгляды авторов и не обязательно совпадают с позициями Московского общественного научного фонда.

Книга распространяется бесплатно.

ISBN 5-89554-199-2

© Кудров В.М., 2000.

© Московский общественный научный фонд, 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4	
1. Об истоках большевизма	7	
2. Кавалерийская атака на капитал и первые шаги к новой экономической модели		40
3. Основные черты советской модели экономики	59	
4. Централизованное планирование	98	
5. Советская модель экономики и советская экономическая наука	126	
6. Советская экономика и ее модель глазами западной советологии	166	
7. Советская модель экономики в других социалистических странах	185	
Заключение	210	

Введение

В нашем современном российском обществе до сих пор сохраняется широчайший спектр суждений, часто весьма противоречащих друг другу по поводу многообразных социально-экономических проблем, так или иначе связанных с большевизмом и октябрьским переворотом 1917 года или непосредственно порождённых ими. Сказанное относится и к различиям в оценках тех или иных событий и фактов из нашей послеоктябрьской истории, социально-экономической политики СССР и России.

Изданная в последнее время научная литература и публицистика, симпозиумы и «круглые столы», теле-и радиопередачи, наконец, просто встречи и беседы с представителями многообразных слоёв общества разных возрастов и профессий воочию показали, что дифференциация мнений российской элиты и населения в целом по названным вопросам сегодня не только не уменьшилась, но даже усилилась. При этом бросается в глаза, что если одни, в основном негативно оценивая прошлое, считают его уже преодолённым и не имеющим перспектив вновь стать реальностью, то другие стремятся не только изобразить его в розовом свете, но и в той или иной степени возродить. Значительно меньше людей задумываются над тем, что наше прошлое настолько укоренено в нас, что существует повсеместно и сегодня, и многие тяготы трансформационного периода проистекают именно из этого.

Но понять это трудно, ибо экономические реформы в России, проводившиеся в 1992-1998 гг., закончились неудачей. Народ стал жить хуже, производство сократилось. Но когда серьёзные реформы в России проводились последовательно и до конца? Может быть, лишь только в советские времена, когда была уничтожена рыночная модель в нашей экономике и на ее месте построена модель нерыночная, командно-административная. Но это и привело нашу страну в тупик.

Долгое время мы считали, что социализм (первая фаза коммунистической формации), который на деле в нашей стране осуществили большевики, это не только самый прогрессивный, но и весьма прочный общественный строй, своего рода монолит, способный успешно решать многие стратегические задачи развития производства, его эффективности, потребления и жизненного уровня людей. В других социалистических странах, возникших после второй мировой войны, также питали иллюзии в отношении сущности и перспектив развития этого строя.

Экономическая основа социализма – государственная собственность вместе с централизованным управлением и планированием всей экономики, подкрепленная невероятной мощью партийного аппарата, а также КГБ и армией, казалось, образовала такую крепость и мощь, что попросту в мире нельзя было сыскать сил, чтобы ее поколебать. Но в 1989-1991 гг. социализм рухнул почти везде, как картонный домик. Силы разрушения, как оказалось, нашлись, более того, они уже давно зрели внутри общества и экономики “реального социализма”. В годы “военного коммунизма”, индустриализации, коллективизации и войны, т.е. в периоды чрезвычайщины и мобилизации, эти силы не могли проявить себя, и лишь в послевоенные годы мирного развития наружу вышли все внутренние противоречия, вся гнилость и нежизнеспособность “нового строя”. Однако они не были глубоко осмыслены и проанализированы на научной основе в нашей стране.

Более того. После падения “реального социализма” прошло уже немало времени, а серьёзных и капитальных исследований экономики нашего недавнего прошлого в России как не было, так и нет. Есть, правда, призывы разработать новую парадигму экономических знаний. Но как это сделать, не разобравшись и не отказавшись от старой парадигмы и ценностей “реального социализма”? Значит, велика еще инерция прошлого. И чем скорее мы с этим разберемся, тем легче нам будет идти вперед. Переход к новой парадигме невозможен также и без отказа от старых ошибочных теоретических конструкций и большевистской практики, от вредных традиций российского социального реформаторства.

К сожалению, современная российская экономическая наука не сбросила окончательно груз прошлого и часто недооценивает тот вред, который порой наносила советская экономическая наука нашему обществу. Напомню, что в бывшем СССР общественные науки в целом – и экономическая наука в частности, особенно политэкономика социализма, – официально считались партийными науками. На деле это означало, что партия ждала от обществоведов не оригинальных исследований и неожиданных выводов, а прежде всего поддержки и пропаганды своих решений и своей политики. Многие партийные решения, в частности и те, которые принесли много горя стране, готовились при непосредственном участии советских обществоведов. Тем не менее социалистические заблуждения советской экономической науки не канули в прошлое. Многие российские экономисты и сегодня открыто призывают хотя бы к частичному возврату в прошлое.

Вообще призыв к частичному возврату прошлого в условиях, когда рынок ещё незрел, не сформирован, а экономика лежит на дне кризиса, вполне понятен. Непонятно другое: почему советская

экономическая наука не поняла самой сути советской принудительно-плановой, нерыночной, а потому и бесперспективной экономики; почему она и сегодня (а она продолжает жить и сегодня) не хочет понять суть экономики рыночной и найти рациональные пути движения к ней.

1. Об истоках большевизма

Советская система и советская экономическая модель созданы руками трех поколений российских большевиков. Большевизм – это крайне левое, радикальное, или экстремистское ответвление от марксизма, оформившееся в начале этого века и добившееся политической победы в России в 1917 г. Идеология большевизма во многом противоречила основополагающим идеям Маркса, но зато полностью отвечала национальным традициям и текущему моменту в истории нашей страны. В сущности, главный и самый широкий исток большевизма лежал в стремлении огромной массы людей изменить, т.е. улучшить социальные условия своего существования. А условия эти и в ныне развитых странах в прошлом были порою ужасающими. Ужасающими они были и в России. Идеиная подпитка большевизма поэтому шла как извне, так и изнутри своей страны.

Внешние конкретные источники большевизма связаны прежде всего с марксизмом, практикой “государст-венного социализма” в Германии при Бисмарке, а также со всевозможными утопическими теориями и религией, пришедшими с Запада. Именно Маркс создал удобную идеологическую конструкцию вокруг идей классов и классовой борьбы, обнищания пролетариата, неравенства в распределении доходов и богатств, в результате чего призвал к “экспроприации экспроприаторов”. Хотя жизнь очень скоро показала, что классовые различия совсем не обостряются, что наряду с классовыми в обществе существуют и многие другие (ещё более острые) различия – национальные, религиозные, клановые, культурные, номенклатурно-бюрократи-ческие и т.д., тем не менее для революционеров-профессионалов было очень удобно взять на вооружение идею создания райского процветающего общества, существующего без классов на базе обобществления средств производства и рационального (по науке) управления.

Революционеры-профессионалы, бунтари всех мастей (в истории их было великое множество, и, приходя к власти, они обычно приносили великие несчастья своему народу) создавали на этой идейной основе в 19-20 вв. культ революции, насильственного переворота вообще. Но потом неизбежно оказывалось, что это прямой путь к личной диктатуре, абсолютной власти, к авторитаризму и даже тоталитаризму, т.е. безграничному насилию.

В древние времена и в средневековье такие общественные формы образовывались в государствах фараонов, инков, иезуитов в Парагвае, в Китайской империи. Существовали они в Древней Спарте, христианских, индийских общинах, различных мессианских сектах в разных странах. Вспомним и первобытный коммунизм у племен на заре человечества. Это был мир не свободных людей, или товаропроизводителей, а мир кланового, военного, религиозного или бюрократического насилия и принуждения в интересах единоличного или группового (коллективное руководство!) господства. Например, в Парагвайской республике долгое время в средние века всё управление в стране осуществлял Орден иезуитов, католический монашеский орден, основанный в 1534 г. в Париже монахом Игнатием Лойолой. Основными принципами Ордена, претворявшимися в Парагвае на практике, были следующие: строгое повиновение младших старшим, централизация, абсолютный авторитет главы Ордена, взаимный шпионаж, оправдание любых средств высокой целью.

В таких общественных формах человеческой жизни и производства нет ни свободы, ни товарно-денежных отношений, но есть распределение по указанию сверху, нет хозяйственного расчета, определения истинной стоимости (ценности) вещей. Недаром Маркс писал, что в основе стоимости лежат общественно-необходимые затраты рабочего времени, и игнорировал потребительную стоимость (полезность), спрос и предложение, различия в качестве труда. А в годы “военного коммунизма” большевики стали уже вводить вместо денег талоны и ордера с указанием, что на производство данного продукта потрачено 2,5 или 12 трудовых часов, разрабатывались энергетические сертификаты и т.д.

Всё это прямо вытекало из следующих предначертаний Ф.Энгельса: “Непосредственно общественное производство, как и прямое распределение, исключает всякий товарный обмен, следовательно, и превращение продуктов в товары... а значит и превращение их в стоимости. Когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их для производства в непосредственно обобществленной форме, труд каждого отдельного лица, как бы различен ни был его специфический характер, становится с самого начала и непосредственно общественным трудом. Чтобы определить при этих условиях количество общественного труда, заключающегося в продукте, нет надобности прибегать к окольному пути; повседневный опыт непосредственно указывает, какое количество этого труда необходимо в среднем... План будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда. Люди сделают тогда все это очень просто,

не прибегая к услугам прославленной стоимости”. Я полагаю, что из подобных рассуждений возникли троцкистские идеи трудовых армий и боевых профсоюзов, вся советская практика планирования и ценообразования, а также уравнительного распределения доходов в СССР. Из подобных рассуждений начинается прямая и хорошо выглаженная бульдозерами дорога к государственной и партийной экономической науке, опирающейся на ЦК КПСС, КГБ и иные надёжные столпы.

Находясь под гнетом государственного бюрократического аппарата, многие марксисты и иные утописты издавна призывали к отмене не только денег, но и государства. Однако как только они приходили к власти, то в первую очередь проявляли заботу об укреплении государственных рычагов управления. И примером здесь служил германский опыт “государственного социализма” при Бисмарке (70-90 гг. XIX в.). Именно немцы провозглашали уже тогда централизованное государственное управление и планирование в интересах якобы свободы. И хотя социалистическая идея родилась не в Германии, именно здесь она развивалась наиболее сильно, получила воплощение в марксизме и была затем благожелательно воспринята в России. Как свидетельствует Ф.Хайек, немцы даже вынашивали претензию на организацию новой Европы. Именно Бисмарк создал “образец экономического устройства”, в котором “были заранее созданы все условия, необходимые для победы социализма”, а все люди перестали быть частными лицами и превратились в госслужащих. Их целью стало не личное или семейное счастье, а укрепление организационного единства государства, приобретшего небывалую власть и силу. Сторонником ценностей “прусского социализма” был и О.Шпенглер, который выступал за единство и дисциплину нации, за создание государственного, т.е. этатистского социализма.

Важную роль играют и различия в национальном характере, в особенностях исторического развития, если всерьёз говорить о направлениях социального обустройства в разных странах. На эту сторону дела обратил в своё время внимание наш выдающийся народник-революционер и анархист М.Бакунин. В своей книге “Государственность и анархия” он писал: “...В немецкой крови, в немецком инстинкте, в немецкой традиции есть страсть государственного порядка и государственной дисциплины, в славянах же не только нет этой страсти, но действуют и живут страсти совершенно противные; поэтому, чтобы дисциплинировать их, надо держать их под палкою, в то время как всякий немец с убеждением свободно съел палку. Его свобода состоит именно в том, что он вымуштрован и охотно преклоняется перед всяким начальством”.

И далее: Все желания и требования немцев “были устремлены, главным образом, к одной цели: к образованию единого и могучего пангерманского государства в какой бы форме оно ни было, республиканской или монархической, лишь бы это государство было достаточно сильно, чтобы возбудить удивление и страх во всех соседних народах... Для коммунистов или социальных демократов Германии крестьянство, всякое крестьянство есть реакция; а государство, всякое государство, даже бисмарковское – революция”.

Разнообразные утопические и религиозные концепции социализма существовали задолго до Маркса и Бисмарка. Они, с одной стороны, утверждали общечеловеческие принципы справедливости (“не убий”, “не укради” и т.д.), формировали идеи социальной защищённости, равенства и братства, провозглашали перспективы построения “земли обетованной”, “городов Солнца” и т.д., а с другой стороны, утверждали необходимость отмены частной собственности, предпринимательства и торговли. Известно, что католическая церковь вплоть до XVIII в. выступала против частной собственности, рассматривая последнюю практически как кражу, а в годы средневековья в Европе прошло немало религиозных бунтов против частной собственности.

Всё это формировало социалистические идеи, марксизм и не могло не оказывать воздействия на российский большевизм. Родоначальникам этих идей и в голову не приходило, что реализация их на практике выльется в рабский труд, равенство в нищете, обязательную принудительную веру, поразительную неэффективность производства, авторитаризм и даже тоталитаризм с претензией на мировое господство с явной агрессивностью.

Чрезвычайно важным оказалось и воздействие на формирование большевизма внутренних конкретных российских источников, значение которых недооценивается и до сих пор. Говоря о внутренних источниках большевизма в России, я имею в виду прежде всего российских народников, хотя многие из них жили за границей. Хочу пояснить: из всех утопических теорий, конечно, марксизм является главным идейным источником большевизма, но нельзя сбрасывать со счетов и внутренний источник, каковым было российское народничество и первое поколение российских марксистов, вышедших из народничества.

Прежде всего следует ещё раз сказать о российских исторических традициях, связанных с централизованным государственным управлением громадной территорией с разнообразной палитрой этнического, социального, экономического и политического разнообразия в региональном аспекте. Речь идёт и о традициях дикого крепостничества, очень напоминающего рабство, об отсутствии Ренессанса и реформаторских движений, характерных ещё для средневековой Европы. О неразвитости и слабости отношений частной собственности и восточном деспотизме (вспомним не только Ивана Грозного, но прежде всего Петра I). Все это формировало особый менталитет коммунальности, общинности, артельности, который в советское время стали называть коллективизмом. Этот менталитет возникал естественным путём на почве

борьбы за выживание на огромном пространстве огромной страны с суровым климатом при обилии враждующих между собой сил, на почве крепостничества и трудностей, подчас несоизмеримых с теми, что преодолевались людьми на Западе. Кроме того, страна испытала самое негативное влияние не только татарского ига (уберегли от него Запад), но и больших и малых крестьянских бунтов и восстаний.

Огромное влияние на формирование народнического революционного движения в 60-80-х годах прошлого века оказали традиции государственной деспотии и крепостничества. Крестьянская реформа 1861 г. решила далеко не все проблемы и носила половинчатый характер. Она освободила крестьян от крепостного права, но не сделала их подлинными хозяевами своей земли. Они продолжали арендовать земли у своих помещиков. Это и породило особый критический энтузиазм и революционный настрой в широких слоях российской интеллигенции и особенно молодежи. В то же время народники боялись грядущего капитализма в России и верили в её особый некапиталистический путь развития.

А. Марксизм

Для многих сейчас уже совершенно очевидна необходимость перехода от былой идеализации и даже сакрализации марксизма-ленинизма и советского общественного строя к пониманию их несостоятельности в разных, если не во всех аспектах, особенно в их претензиях на практике на гуманность и прогрессивность, а в теории на научность, адекватность объективным закономерностям и на монополию в общественной науке. Ведь еще совсем недавно было принято считать, что все мировое обществоведение делится на две части: научную, марксистскую, и ненаучную, вульгарную, немарксистскую, т.е. буржуазную.

Наша страна, да и ряд других государств, многомиллионные народы заплатили безмерную цену за свою прошлую абсолютную веру в марксизм и его национальные разновидности, за свои розовые надежды на его всесильность. В конечном счёте им пришлось воочию убедиться, что марксизм представляет собой мировоззрение, оторванное от реальных тенденций развития общества, точнее самую большую утопию из всех, какие знало человечество, но утопию, обращённую к обездоленной, люмпенизированной части человечества, которая особенно податлива на политические манипуляции и способно служить слепым орудием в руках корыстных и безответственных политиканов-диктаторов. Как справедливо пишет Я.А.Певзнер, "...марксизм-ленинизм-сталинизм-маоизм – исторически сложившийся второй этап утопического социализма. Его резкое отличие от первого (Мор, Фурье и пр.) состоит в следующем: там были мечта, теория, пожелания, не оказавшие никакого влияния на реальное положение дел, ... здесь же было "дело", охватившее 1/3 мира, которое свелось прежде всего и главным образом к разрушению старого. А как только перешли к новому, так сразу же выяснилось, что прежние идеи социализма – пустышка, блеф, обман".

Хотя Марксу и Энгельсу принадлежит великая заслуга как одним из основателей социал-демократического движения, известные претензии марксизма на роль "не догмы, а руководства к действию", оказавшись воплощёнными в жизнь, во многом обнажили отрицательные черты марксизма как учения, его функцию разрушителя немалой части того ценного, что создавалось в истории цивилизации.

Внешнюю глубину и научность марксизма-ленинизма нельзя оторвать от теории революции, от пафоса революционной борьбы, которыми были проникнуты вся жизнь и деятельность Маркса и Энгельса, а затем Ленина. В основе всего этого – революционное нетерпение, болезненные процессы первоначального накопления капитала в условиях раннего, а точнее, дикого капитализма, и знаменитые "три источника", содержавшие, как известно, массу ошибочных, не подтвердившихся позже положений.

Будучи фанатом революции и классовой борьбы, находясь на позициях классовых предпочтений, Маркс не любил славян, и в частности русских. В статье "Демократический панславизм" он пишет: "Славяне – мы ещё раз напоминаем, что при этом мы всегда исключаем поляков – постоянно служили как раз главным орудием контрреволюции. Угнетаемые дома, они вовне, всюду, куда простиралось славянское влияние, были угнетателями всех революционных наций". Вождь мирового пролетариата делил таким образом нации на революционные и контрреволюционные, подобно тому, как классы он делил на эксплуататорские и эксплуатируемые.

Но больше всего досталось от него русскому народу. В той же статье он пишет: "...ненависть к русским была и продолжает быть у немцев их первой революционной страстью; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределённое демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как в врагам".

Итак, похоже, что истоки коммунистического терроризма, введенного большевиками в России, прослеживаются уже в этой статье. В другой своей статье, которая называется совсем просто "Русские", Маркс

также высказывает свою негативную оценку этой нации: “Полмиллиона вооруженных варваров только ждут подходящего момента, чтобы напасть на Германию и превратить нас в крепостных православного царя”.

Всё это, по меньшей мере, вздор, но мировой опыт показал вздорность и пресловутого тезиса Маркса о том, что вся прежняя, до победы социализма, история была лишь предысторией человеческого общества. И этот постулат нельзя отрывать от других положений марксова и марксистского исторического материализма, его экономической и политической теории.

Классики марксизма рассуждали так: общество делится на классы эксплуататоров и эксплуатируемых; рабочие продают свою рабочую силу капиталистам, создают прибавочную стоимость, присваиваемую буржуазией; эксплуатируемые сметаю класс эксплуататоров, грабят награбленное и строят рай на земле; общественное развитие происходит в результате прогресса производительных сил, ведущего к смене формаций. Последней формацией является коммунизм, выше которого ничего нет и быть не может; единственный фактор производства – живой труд, который эксплуатируют; главный порок капитализма в том, что для него целью производства является прибыль, а не благосостояние людей; к рабочему классу относятся главным образом лица, занятые физическим трудом по найму, наниматели же являются эксплуататорами, а все остальные относятся к промежуточным слоям; рабочий класс в силу своего общественного положения естественным образом стремится к социализму; путь к социализму лежит через насильственную революцию; её цель – уничтожение буржуазного государства и частной собственности, создание пролетарского государства, или диктатуры пролетариата с общественной или государственной собственностью вместо частной; необходимое содержание социализма и перехода к коммунизму – уничтожение товарно-денежных отношений, рынка и денег, а содержание социалистической экономики – высокая централизация управления и планирование всех её частей и элементов; господствующее положение в обществе должна занимать коммунистическая партия, а все остальные партии должны быть либо уничтожены, либо не иметь права на существование.

Марксов анализ состоит из десятка банальностей, именуемых категориями типа базис и надстройка, формация, антагонистические и неантагонистические противоречия, первичность материального производства и т.д. Главный же вопрос, вопрос о глубинном содержании исторического процесса в прошлом, настоящем и будущем, был представлен в марксизме, скажем прямо, извращённо.

История общества фактически представляет собой историю долгого становления цивилизации, главной чертой которой стала не борьба классов, а формирование некой гармонии, объединения людей на почве создания материальных и духовных ценностей. Это было и остается процессом консолидации, сложной, противоречивой, нередко мучительной, поскольку она сопровождается борьбой этносов, наций и стран, социальных страт и нравов, а главное, всегда была (и не может не быть) объединением людей, совершенно разных по характеру своего труда, по их вкладу в производство, но неизменно (даже если вклад равен нулю или минусовой величине) претендующих на максимальную “получку”. Это относится ко всем классам, профессиям и социальным прослойкам, включая и рабочий класс.*

Возникновение же марксизма обусловлено теми же факторами, что и рождение других направлений утопического социализма. А его быстрое распространение было связано с тем, что на первоначальных ступенях – с XVIII и до первой половины XX веков – уровень социально-экономического развития, анархия и стихийность производства были таковы, что открывали перед владельцами средств производства возможности беспощадной эксплуатации на протяжении 12-14 часового рабочего дня без дней отдыха, использования труда детей и сопровождались периодическими кризисами перепроизводства, массовой и хронической безработицей, удержанием заработной платы ниже прожиточного минимума.

Как известно, в течение длительного времени бедственное положение широких слоёв населения сочеталось с почти непрерывными войнами. Согласно Марксу и особенно Ленину такие факторы политики, как противостояние государства демократическим силам с использованием методов террора, региональные и мировые войны, захваты колоний, прямо вытекали из коренных особенностей капитализма, его частнособственнической природы. Между тем дело обстояло по-другому. Основным средством борьбы буржуазии за прибыли была и остается конкуренция, а во внешней агрессии инициативная роль принадлежала наследию феодализма в лице монархического дворянства, военщины и разных видов тоталитаризма. Реальное соотношение сил, формы и методы борьбы в разные периоды и в разных странах складывались неодинаково, но генеральная линия общественного прогресса заключается в том, что при всех зигзагах верх берёт в конечном счёте либерально-демократическое направление, — и это выразилось, например, в таких свершениях исторической важности, как ликвидация многовековой (со времен Древнего Рима и до 50-х годов XX в.) колониальной системы и неотразимые удары по всем разновидностям тоталитаризма.

История общества – это история борьбы между демократией и диктатурой, между угнетением и свободой. Это – борьба между свободой предпринимательства и административным управлением экономикой и обществом, между централизованным планированием и рынком, правом на частную собственность и её запрещением. При этом в условиях товарного хозяйства и политической демократии решающую роль в общественной жизни играют не эксплуатация, не антагонизм классов, а взаимодействие работодателя и

наёмного работника, капитала и труда, свободы и дисциплины, эффективное функционирование модели саморазвития, основанной на механизме рынка и конкуренции. С ликвидацией феодализма враждебное противостояние одних сил с другими, хотя и не исчезает, но отступает под натиском мирных, конструктивных форм состязания, а его главной ареной и главным механизмом является регулируемый демократическими силами рынок.

Самое важное в научном подходе к истории заключается в том, что марксистское деление на классы – это в сегментации общества не только не единственное, но и не главное. Не главным является и деление общества по религиозному, этническому признакам, по уровню доходов и т.д. Главное же в общественных отношениях – это деление на творческих и нетворческих, любящих добро и добру враждебных, работающих и ленивых, здоровых и больных, порядочных и бесчестных, умельцев и неумёх, надёжных и не очень. На этой почве образуются социальные группировки, партии и общественные организации.

По мере развития капитализма постепенно огромную роль стали играть такие факторы, как укрепляющиеся демократизм и парламентаризм, а также социальные факторы, факторы эффективности производства, личного потребления населения, от которого Маркс абстрагировался в своём анализе, возрастала роль экономической науки. Расширялся и укреплял свои позиции в обществе средний класс, образовавшийся на базе значительного повышения среднего уровня жизни, а с середины XX в. и на базе сокращения дифференциации в распределении доходов. Всё большая часть людей стала понимать, что “теория” классов, якобы прогрессивных и реакционных, главных и неглавных, это социальный расизм, который истинная наука не признаёт.

Таким образом, теория классов и классовой борьбы в марксизме – это примитивная и бессодержательная позиция. Собственники и неимущие были всегда и всегда сосуществовали и договаривались между собой. И совсем необязательно, что если неимущие приходят к власти, то хозяйство и государственное устройство страны начинают работать лучше, чем прежде. Всегда и везде существуют руководители и исполнители. И хороший эффективный руководитель – это, прежде всего, профессионал, авторитетная личность. Кстати, рабочий класс, по определению, – это класс не руководителей, а исполнителей.

Следующий вопрос марксистской экономической теории, который не подтвердился жизнью, – это вопрос об измерении труда. Объективный процесс развития рынка, товарно-денежных отношений, против чего так неистово выступал марксизм, развитие цивилизации вывели человечество на дорогу к нормальной, обеспеченной и защищённой законом жизни. А разница в оплате труда зависит не только от затрат труда, но и от полезности создаваемого продукта, соотношения между спросом и предложением на него. Именно поэтому доходы популярных артистических звёзд, композиторов, писателей, художников и т.д. порой намного превышают прибыли капиталистов. И российские большевики-ленинцы, советские чекисты, матросы и красногвардейцы просто не могли понять, что Шаляпин, Рахманинов, Бунин и другие гении русской культуры попросту уникальны и невозпроизводимы и поэтому заработанные ими миллионы, недвижимость и т.д. они имели не по закону эксплуатации, а по закону рынка, спроса и предложения, т.е. вполне заслуженно. И распространив на них практику пайкового распределения, мы лишились их навсегда.

В процессе строительства после октябрьского переворота 1917 г. реального социализма мы создали антидемократическое общество с монополией одной партии, абсолютной властью одного человека, а большинство населения, именно тех, “кто был ничем”, не только оставили с “ничем”, но и поставили в ещё худшее положение. Прежние мелкие собственники (крестьяне, кустари, лавочники и пр.) не только потеряли свою собственность – гарантию честного и свободного труда, но и даже те ограниченные права участия в забастовках, митингах, чтения газет разных направлений и др., которые они имели до революции. Они потеряли право на свободу вероисповедания, на свободу передвижения и т.д. Получили же они право на подневольный, принудительный и малопродуктивный труд. Получили право на образование, которое оказалось в рамках тоталитарного режима и было в значительной мере идеологизировано. Получили право на бесплатное лечение, которое, как правило, было плохим.

Но главная цель и смысл октябрьского переворота оказались в другом. Незначительная часть общества, его ничтожное меньшинство, получила необъятную власть и “стала всем”. Монополия одной партии по существу привела к формированию в стране эксплуататорского класса особого рода, гнёт которого оказался намного сильнее того гнёта, который большевики приписывали буржуазии в капиталистических странах.

Здесь можно провести прямую параллель с фашизмом, возникшим сначала в Италии в начале 20-х годов, затем в Германии в начале 30-х годов. Фашисты также отбирали элитный общественный слой, из которого формировалась монополярная партия, они также противопоставляли друг другу разные слои общества и на самый верх последнего посадили своего вождя, или фюрера, располагавшего безграничной властью. Ни о какой народности или демократичности такого общества речь идти не может. Однако в отличие от большевиков фашисты не уничтожали свой собственный народ, не ликвидировали полностью частную собственность, рынок и предпринимательство. Но в главном у них было много общего: люмпенизированная социальная база, поддержка рабочего класса и железная диктатура. Недаром в Италии и Германии фашисты и

коммунисты имели практически один и тот же электорат и конкурировали за него между собой. Прав был Генрих Бёллер, сказав, что “фашизм – это коммунизм бедных”.

Необходимо понять и бессмысленность самого понятия “коммунизм” как конечной цели, т.е. прекращения развития общества на том его уровне, когда воплощается в жизнь лозунг “каждому – по потребностям”. Истинная общественная наука выдвигает на первое место не достигнутый уровень развития, а стимулы и возможности его продолжения. С этой точки зрения коммунизм – по сути античеловеческая теория, ибо декларируемый ею будущий строй означает предел социально-экономического развития. Точно также известная формула социализма – “от каждого по способностям, каждому – по труду” заключает в себе ставшую роковой пустоту и неясность: что значит “по труду”? По часам труда или по его результатам? Если по часам, то это и есть та самая “мелкобуржуазная уравниловка”, которая на словах осуждалась большевизмом, а на деле пронизывала всю общественную жизнь в СССР и сочеталась с огромными привилегиями номенклатуры, с неравенством, вытекавшим из её интересов. Если же по результатам, — а только это и можно рассматривать как принцип, — то где та мера, при помощи которой результаты можно определить? Где тот эталон, при помощи которого категория “общественно-необходимый труд”, занимающая в экономической теории Маркса одно из центральных мест, может быть наполнена реальным содержанием и перестать быть мифом? Практическая проверка марксистской идеи о труде, как о мериле ценности произведенных благ при социализме, в ранние советские годы доказала её полную нерациональность и неприемлемость. Как писал известный российский экономист Б.Бруцкус, в годы военного коммунизма “только те предприятия сохранили в РСФСР свою жизнеспособность, которые, несмотря на громы и молнии Главков и Центров, а они были далеко не картонные, не утрачивали своих связей с вольным рынком и заботились о самоснабжении, не полагаясь на милость Главков и Центров. Мало того, в конце концов, эти предприятия, не питавшиеся государством из общего котла, давали и государству больше, чем состоящие у него на полном содержании”.

Тем не менее и Маркс, и Энгельс задавались вопросом об измерении общественного труда. Так, в письме к Марксу Энгельс писал в 1882 г.: “...Совершенно невозможно выразить экономические отношения в физических мерах”.

Знаменательно это суждение хотя бы потому, что письмо было написано незадолго до смерти Маркса, т.е. тогда, когда Энгельс уже создал свои основные произведения. Ведь к физическим мерам относится и время, а в таком случае, как же всё-таки найти необходимый измеритель? Отсутствие в марксизме ответа на этот кардинальный вопрос обуславливает невозможность анализа механизма функционирования капиталистической рыночной экономики на марксистской основе. И, естественно, нельзя анализировать классовые отношения в отрыве от того, как функционирует экономика.

В самом деле, сосредоточившись преимущественно на таких категориях, как прибавочная стоимость и прибыль, Маркс увидел их эксплуататорский характер в самом их производстве на основе частной собственности и совершенно абстрагировался (по крайней мере в своих основных теоретических положениях) от не менее, а скорее более важной проблемы – куда и как направляется прибыль, как поднимать эффективность её использования, *не уничтожая её самое?*

Ещё при жизни Маркса и особенно после него мировая экономическая наука дала на вопрос об эталоне измерения труда подлинно научный ответ. Его суть в том, что затраты и результаты труда сопоставляются и взаимодействуют в такой бесконечномерности, которая не может даже частично преодолеваться иначе, как с помощью рынка. Известные науке математические выкладки неопровержимо доказывают, что для решения соответствующих уравнений, не поддающихся счёту, не было и не может быть иного механизма, кроме рынка, рыночного ценообразования. Непонимание этой истины или полная отрешённость от данной объективной истины не только определили утопичность марксизма, но и привели в сочетании с огромной разрушительной энергией его последователей к тем катастрофам, которые легли больше всего на плечи советского народа.

Действительно, по смыслу марксистской теории социализм – это такое общественное устройство, которое ликвидирует не только частную собственность, но и конкурентный рынок и рыночное ценообразование, заменяя их государственной собственностью, прямым государственным администрированием в сферах производства и распределения благ и услуг. При этом в качестве альтернативы рынку и конкуренции выступают план и соцсоревнование. С ликвидацией рынка в СССР был полностью отрезан путь для измерения результатов труда самими людьми – потребителями и производителями. И это был громадный регресс по отношению к товарному производству, полное нарушение принципа оплаты по результатам труда. В итоге было создано общество хронического дефицита и абсолютного всевластия номенклатуры. Для десятков миллионов советских людей главным делом жизни стала добыча дефицитных товаров, а для правящей номенклатуры “социалистический строй” был средством достижения своего всевластия, неограниченной возможности командовать и определять судьбы людей.

Отказ марксизма от товарного производства и рынка при социализме обосновывался теорией обобществления производства. Эта же “теория”, в свою очередь, базировалась на идее концентрации и

централизации производства, преувеличении роли крупного производства, крупных форм его организации и недооценке мелкого и среднего производства.

Однако за долгий период времени наука и история доказали, что подлинный прогресс состоит не в уничтожении рынка, а в его постепенном и непрерывном совершенствовании. Рынок выступает в роли активного двигателя социально-экономического прогресса, развития демократии и демократических институтов. При этом преодоление дефектов рынка осуществляется с помощью нерыночных средств (прежде всего государства), формируемых на демократической основе, но при безоговорочном признании хозяйственной необходимости самого рынка, а также того, что он представляет собой необходимую базу для демократии.

Печальная судьба была предопределена и марксовой теорией трудовой стоимости, согласно которой цена товаров определяется количеством затраченного в производстве временем без учёта соотношения между спросом и предложением и полезности произведённых благ. Не случайно поэтому развитие мировой экономической науки совершалось в обход марксизма, который остался на обочине прогресса мировой общественной мысли. А настоящим переломом, открывшим путь к прогрессу экономической науки, было появление ещё за 20 лет до смерти Маркса теории предельной полезности К. Менгера. Эта теория во многом опровергала его взгляды и, по свидетельству современников, произвела на него столь сильное впечатление, что он практически прекратил работу над “Капиталом”. И экономическая теория стала истинно научной лишь постольку, поскольку способствовала развитию товарно-денежных отношений. И в этом плане она была обращена против Маркса и особенно против советского, ленинско-сталинского марксизма.

Не менее тяжёлой ошибкой является трактовка классиками марксизма мелкого крестьянского хозяйства, как неэффективного, во-первых, и как базы для постоянного зарождения новых эксплуататоров, во-вторых. Критикуя Прудона, Энгельс писал, что “крупное землевладение представит нам желаемую основу для того, чтобы при помощи ассоциированных работников повести земледелие в крупном масштабе, при котором только и возможно применение всех современных вспомогательных средств, машин и т.п., и тем самым наглядно показать мелким крестьянам преимущества крупного хозяйства на началах ассоциации”.

Именно на базе такого рода высказываний Маркса или Энгельса в СССР было ликвидировано индивидуальное трудовое крестьянство и искусственно организованы колхозы и совхозы – аграрные фабрики социализма, убедительно доказавшие на деле свою экономическую неэффективность, неспособность прокормить народ собственной страны.

Советское нерыночное хозяйство как не ориентированное на потребителя, с самого начала было обречено. Что же мешало его ликвидации, переходу нашей экономики на давно обнаруживший своё превосходство механизм регулируемого рынка? Такое положение дел правомерно связывается прежде всего и главным образом с самодержавием партийно-государственного аппарата. Нарастали *одновременно* дефицит и инфляция, причём советская инфляция носила непрерывный характер, ибо сбалансированность масс товаров и денег никогда не обеспечивалась. Всегда спрос превышал предложение товаров и услуг, и дефицит последних лишь нарастал. А героический труд на производстве стал скорее исключением, чем правилом. В условиях уравниловки многие “советские люди” предпочитали халтурный труд при низкой оплате напряженному и продуктивному труду при высокой оплате. Фактически в СССР было создано общество, в своей значительной части люмпенизированное, с очень большим удельным весом людей неумелых и нерадивых, что находит отклик в ошибках и трудностях экономических реформ в наши дни. Причём люмпенизированные слои и не желали перемен к лучшему, в частности перехода к рыночной цивилизации, опасаясь её, и потому оставались приверженцами “социалистического выбора”. Другой же части населения, наоборот, хотелось бы прогрессивных перемен, она могла и хотела работать продуктивно и в полную силу, но оставалась бессильной перед властью. Практически была потеряна мера труда, а следовательно, и мера человека.

В поисках исходных моментов, определивших характер Октябрьской революции, движущих сил и путей последующего общественно-экономического развития нашей страны следует решительно выступать против оценки пролетариата как такого особого класса, на который история возложила задачи свержения господства буржуазии, “экспроприации экспроприаторов” и создания своей диктатуры как системы, которая открывала бы дорогу к полной ликвидации государства, неправоммерно рассматриваемого марксизмом как исторически преходящий институт классового господства. Послеоктябрьский опыт России наглядно раскрывает многоплановую фальшь этой концепции.

Во-первых, ни из чего не следует, что октябрьский переворот был поддержан большинством рабочего класса, а тем более его передовыми слоями, т.е. квалифицированной частью. Клеймение Энгельсом, а затем Лениным тех слоёв пролетариата, которые не поддерживали крайне левые организации, как “рабочей аристократии”, вызывает недоумение и неприятие. Во-вторых, по Марксу, диктатура пролетариата должна быть обращена против буржуазии, т.е. собственников, эксплуатирующих людей наёмного труда, а отнюдь не против большинства населения. Между тем даже в 1917-1918 гг. руководство РСДРП (большевиков), получив на выборах в Учредительное собрание в момент своей наивысшей популярности лишь меньшинство голосов, не

только разогнало его, но и начало затем последовательно уничтожать те социальные слои, которые ничего общего с буржуазией не имели (прежде всего крестьянство). Компенсировать же быстрое падение своего влияния большевики не могли иначе, как при помощи красного “террора”.

В качестве примера можно сослаться на уничтожение партии левых эсеров – братьев по классу, с которыми большевики делили власть в первое время после октябрьского переворота до 6-7 июля 1918 г. С левыми эсерами, которые ещё в начале этого года имели 30% голосов на V съезде Советов, было покончено.

Итак, после октябрьского переворота подавляющее большинство населения нашей страны, а именно “те, кто был ничем”, не только остались с “ничем”, но и оказались поставленными в ещё худшее положение. Не говоря уж о политической несвободе, массы трудящихся потеряли право собственности как средство честного, не связанного с эксплуатацией, труда, — имеется в виду труд крестьян, лавочников, кустарей и т.д. Были резко ограничены права на свободу вероисповедания, передвижения и т.д. “Право на труд” обернулось правом на труд подневольный, принудительный, малопродуктивный. А право на образование утвердилось в обществе не только у нас, но и в других странах Европы и в Америке, причем у нас образование, как и производство и вся общественная жизнь, было в очень большой мере идеологизировано, заключено в тиски тоталитарного режима. В СССР была создана возможность бесплатного, хотя часто и скверного, лечения, но это, как свидетельствует практика многих стран, не является исключительно советским достижением.

В то же время лишь каких-нибудь 5-7% общества стало “всем” и получило “необъятную власть”. Их лидером, их воплощением был Сталин. Он же остаётся их идеалом и в наши дни. Этот правящий класс породил всевластие приспособленцев, лгунов, карьеристов. В качестве “руководящей и направляющей силы” во всей политической, экономической и духовной жизни общества, в партийном и государственном строительстве утвердилась большевистская, коммунистическая партия, как единственная; едва ли не беспрецедентные, господствующие позиции заняла вездесущая тайная полиция, а печать стала послушной этим силам.

Всё, что с нами произошло после Октября 1917 г., чётко прописано у классиков марксизма, особенно касательно диктатуры пролетариата и гражданской войны. Маркс писал, что нужно сменить оружие критики на критику оружием, и призывал к революционному террору, чтобы “сократить, упростить и концентрировать кровавую агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества”. Здесь “только одно средство – революционный терроризм”. Маркс призывал не бояться гражданской войны и смело штурмовать несправедливый, отживший своё эксплуататорский капиталистический строй и наворованную буржуазией частную собственность. При этом всячески осуждались такие “буржуазные” феномены, как парламентаризм, демократия, система защиты прав и свобод граждан, что со временем породило и феномен правового государства, от которого старательно отрешивались КПСС и все советские руководители, исключая М.Горбачёва. Более того, Ленин выдвинул принцип: нравственно всё то, что служит интересам революции и построения коммунизма. От этого безнравственного принципа не отходил затем ни один правитель СССР.

А что такое пролетарская революция? По этому поводу Энгельс писал следующее: “Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств, чрезвычайно авторитарных. И если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать своё господство посредством того страха, который внушает реакционерам её оружие”.

Так что мы получили всё то, что и было прописано классиками марксизма. Однако большевики пошли намного дальше. Они, например, объявили о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране, причём не высокого, а скорее среднего или даже низкого уровня экономического развития, например, в России. И взялись на практике осуществить это дело. Впоследствии было объявлено, что социализм можно построить и в стране, не знавшей капитализма и практически не имеющей пролетариата, а именно в Монголии.

Такова “теория”. Но этого мало. Ленин, Троцкий и другие большевики были убеждёнными сторонниками жёсткой трудовой повинности, трудовых армий. Всем памятен нелепый принцип: “Кто не работает, тот не ест”. И старики, и дети, следовательно. Трудящийся не имеет права выбора, его принуждают, назначают туда, куда нужно начальству, а его мнение немногочисленно стоит. И диктатура пролетариата жёстко расправлялась с непослушными. “В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, — писал Ленин, — дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы... В другом поставят их чистить сортиры. В третьем – снабдят их, по отбытии карцера, жёлтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал над ними, как за вредными людьми. В четвёртом – расстреляют на месте одного из десяти, виновных в туеядстве. В пятом – придумают комбинации разных средств”. И вот, человек, который в одно время писал, что государство при коммунизме отомрёт, что при коммунизме будет достигнуто “царство свободы”, тут же однозначно подчеркивает: “Нам нужно государство, нам нужно принуждение”. Так и произошло.

То, что мы получили в конце концов – сталинизм, брежневизм, неудавшуюся перестройку и неудавшуюся до сих пор трансформацию к рынку и демократии – всё это страшная и роковая цена за слепую приверженность марксистской утопии.

Абсолютно прав наш российский философ А.Ципко, который пишет: "... Наша многолетняя борьба с психологией собственника, за психологию несобственника, была величайшей глупостью, коль скоро уничтожение частной собственности, по сути, обернулось не только разрушением основ экономики, но и основ самой общественной жизни". Эта глупость порождена марксизмом, его теорией, а марксизм – это реальный и, пожалуй, самый важный источник российского большевизма.

Нельзя не сказать о том, что Маркс отличался неуважением, высокомерием и даже грубостью по отношению не только к своим политическим оппонентам, но и настоящим учёным. Многих крупных экономистов, ставших со временем классиками, он называл "вульгарными экономистами". Резко и грубо критиковал Маркс русского народника и анархиста, интересного мыслителя М.И.Бакунина. Более того, по его инициативе Бакунин был исключён из I Интернационала на Гаагском конгрессе в 1872 г. Событие это стало одной из серьёзных причин раскола в Международном товариществе рабочих. В своей книге "Государственность и анархизм" М. Бакунин написал о Марксе следующее: "Г. Маркс играл и играет слишком важную роль в социалистическом движении немецкого пролетариата, чтобы можно было обойти эту замечательную личность, не постаравшись изобразить её в нескольких верных чертах.

По происхождению г. Маркс — еврей. Он соединяет в себе, можно сказать, все качества и все недостатки этой способной породы. Нервный, как говорят иные, до трусости, он чрезвычайно честолюбив и тщеславен, сварлив, нетерпим и абсолютно, как Иегова, господь Бог его предков и, как он, мстителен до безумия. Нет такой лжи, клеветы, которой бы он не был способен выдумать и распространить против того, кто имел несчастье возбудить его ревность или, что всё равно, его ненависть. И нет такой гнусной интриги, перед которой он остановился бы, если только, по его мнению, впрочем большею частью ошибочному, эта интрига может служить к усилению его положения, его влияния или к распространению его силы. В этом отношении он совершенно политический человек... Редко можно найти человека, который бы так много знал и читал и читал так умно, как г. Маркс. Исключительным предметом его занятий была уже в это время наука экономическая. С особым тщанием изучал он английских экономистов, превосходящих всех других и положительностью познаний, и практическим складом ума, воспитанного на английских экономических фактах, и строгою критикою, и добросовестною смелостью выводов... Но что замечательнее всего и в чём разумеется г. Маркс никогда не признавался, это то, что в отношении политическом г. Маркс прямой ученик Луи Блана... Впрочем эта странность объясняется просто: риторик француз, как буржуазный политик и как отъявленный поклонник Робеспьера, и учёный немец, в своем тройном качестве гегельянца, еврея и немца, оба отчаянные государственники и оба проповедают государственный коммунизм, с той только разницею, что один вместо аргументов довольствуется риторическими декламациями, а другой, как приличествует учёному и тяжеловесному немцу, обстановкаливает этот, равно им любезный принцип, всеми ухищрениями гегелевской диалектики и всем богатством своих многосторонних познаний". И ещё: "По воспитанию и по натуре он (К.Маркс – В.К.) якобинец и его любимая мечта – политическая диктатура". Нетрудно вспомнить, что дела последователей Маркса полностью подтвердили эти оценки.

М.Бакунин указывает и на противоречие в марксистской теории о диктатуре пролетариата и освобождении рабочих. При диктатуре меньшинства страданий у большинства не убавится, считает он. Более того, все разговоры марксистов о народном государстве представляют собой "ложь, за которою кроется деспотизм управляющего меньшинства". Совсем неплохое предвидение.

Тем не менее в целом Маркса и Энгельса можно считать трагическими фигурами. При их жизни их идеи пролетарской революции и строительства коммунистического общества нигде не подтвердились на практике. После их смерти они прочно воплотились в жизнь только в России, затем через 30 и более лет в ряде других стран, но к концу XX в. эти страны, за исключением КНР, КНДР и Кубы, также отказались от идеалов коммунизма. Коммунистические партии в большинстве постсоциалистических стран либо переродились в социал-демократические западного образца, либо перешли в оппозицию с надеждой вновь завоевать государственную власть. Но эти надежды вряд ли будут реализованы на практике, ибо большинство населения этих стран отдаёт себе отчёт во всех бедах, которые оно пережило, когда коммунисты были у власти.

Итак, марксистское экономическое учение – чисто умозрительное, утопическое учение, восходящее своими корнями к таким утопистам, как Сен-Симон, Фурье, Оуэн, Кампанелла. Главная сторона этого учения – не создание, а разрушение. Такие практики, как Ленин, Троцкий и Сталин, воплощавшие это учение в жизнь в нашей стране, не создали адекватной альтернативы рыночной экономике, не сформировали хозяйство, основанное на активной внутренней мотивации к прогрессу, даже к переменам вообще. А ведь разные хозяйственные системы, разные общества отличаются между собой прежде всего механизмами мотивации к труду. Эти механизмы формируются на базе собственности, характера общественного устройства и принятого законодательства, поддерживаемого всем обществом.

Таким образом, приходится констатировать, что марксизм не создал ни в теории, ни на практике надёжную новую хозяйственную систему, способную выдержать соревнование с рыночной системой, предпринимательством и демократией.

Б. Народничество

Внутренняя социально-экономическая и политическая ситуация в России после реформы 1861 г. послужила той питательной средой, в которой сформировались конкретные революционные течения. Идейная база этих течений создавалась на почве работ Герцена и Чернышевского, Бакунина и Нечаева, Лаврова и Ткачёва, а также Плеханова.

Но если быть более точным, то российская общественная мысль впервые “заболела” социализмом намного раньше, а именно: после выступления декабристов в 1825 г. Именно они “разбудили” (выражение Ленина) не только Герцена, но и значительную часть дворянской и разночинной интеллигенции, весьма обострённо воспринимавшей социальные проблемы и болезни своей страны. У российской интеллигенции образовался своего рода комплекс вины перед своим народом, который породил не только просветительский, но и революционный российский социализм, напрямую связанный с террором.

К счастью, другая часть российской интеллигенции разглядела в этом революционном романтизме и фанатизме “во благо народа” проявление неразумной “бесовщины” и встала на путь серьезных научных размышлений о природе российского общества и нормальных перспектив его развития в процессе социально-экономических реформ, становления демократии и гражданского общества, как это объективно происходило на Западе. Но перевес, пожалуй, был на стороне первых.

А.Герцен, вышедший из кружков московских социалистов в молодости, находясь в России, был западником, а уехав за границу и не приняв Запада, стал славянофилом, известен как идеолог “крестьянского социализма”, как один из основоположников народничества. Он считал российскую действительность того времени наилучшим образом подготовленной для социального возрождения страны. В газете “Колокол” он резко обличал самодержавие и крепостничество, требовал освобождения крестьян с наделением их землей и верил в самобытность России, в её светлое будущее, особую судьбу на базе развития крестьянской общины. Герцен считал, что благодаря общинным традициям именно России легче перейти к социализму на основе общественной собственности, чем эгоистическому и частнособственническому Западу. В то же время, в отличие от многих своих последователей-народников, он выступал против революционного террора, диктатуры и централизованной власти и стоял за демократию и свободу личности.

Н.Чернышевский, так же как и Герцен, видел в крестьянской общине особый путь России, путь к социализму, который является магистральным путем для всего человечества, но при этом ратовал за нового человека и его свободу. В то же время он выступал за создание революционной элиты, тайных групп революционеров-профессионалов типа супермена Рахметова, аскетов, готовых на самопожертвование, подчиняющихся строгой дисциплине и не чурающихся террора во имя достижения всеобщего равенства.

Этот тип российского якобинца нам хорошо понятен, ибо детально описан и в художественной литературе. Чернышевский верил в социалистические идеалы-утопии будущего справедливого общества, в объективную обусловленность социализма в России и стал, как и Герцен, идейным вдохновителем революционного движения в России в 60-80-х годах XIX в., т.е. народничества.

Под прямым влиянием Чернышевского в 1866 г. в Московском университете был создан строго законспирированный кружок “бессмертных”, точнее суперменов-смертников (организация называлась “Ад”), девизом которого стал тезис: “цель оправдывает средства”. Цель – социальный переворот, средства- террор, царубийства и пр.

М.Бакунин также был одним из идеологов народничества. Но одновременно яростно пропагандировал анархизм, бунтарские методы революционной борьбы, выступал за ликвидацию государства. Был постоянным оппонентом Маркса и его теории диктатуры пролетариата и централизма будущего общества. “Кто с нами, славянами, — писал Бакунин, — тот на верной дороге. Наша натура проста и велика, нам не подходит расслабленное и разжиженное, чем пичкает мир одряхлевшая, старая Европа. Мы обладаем внутренней полнотой и призваны перелить её, как свежие весенние соки, в жилы окаменелой европейской жизни”. В 1864-1865 гг. он организовал международное тайное революционное общество “Интернациональ-ное братство”, в 1868 г. – “Альянс социалистической демократии”.

Главным делом жизни Бакунина были мобилизация всех возможных революционных сил, противостоящих европейской реакции, формирование федерально-безгосударственной организации общества. Он полагал, что основой человеческого бытия должна стать автономная коммуна, а экономическое и политическое устройство общества нужно базировать на принципах свободной ассоциации и федерации. Государственную организацию общества он считал противоречащей законам природы и верил в “боевой, бунтовский” путь русского народа.

Не следует забывать и о “нигилистическом” культурном бунте, выразившемся в создании целой критической литературы в лице В.Белинского, Д.Писарева и др., направленной против самодержавия и существовавших в то время общественных порядков и призывавшей к яростной борьбе. Образ “нигилиста”,

столь удачно нарисованный И.Тургеневым, стал формировать сначала образ народника, а потом эсера и большевика-террориста, ненавидевшего современное ему общество и окружающие его нормы и порядки.

С.Нечаев вступил на революционный путь на волне, вызванной убийством царя Александра II и последовавшим за ним террором. Еще при жизни стал легендой, многие его сторонники находились под гипнозом его личности, убежденности и демонизма. Он породил понятие “нечаевщины” – особого пути революционного движения в России, связанного с разгулом “российского якобинства”, доведенного до фанатизма, когда цель оправдывает любые средства во имя свержения царизма – оплота тирании. Сам Нечаев воплощал в себе черты полного самоотречения и самопожертвования в интересах “дела”. Нечаева многие обвиняли в бланкизме, т.е. кружковщине, сектантстве и заговорществе. Нечаев – организатор тайного общества “Народная расправа”, в 1869 г. убил по подозрению в предательстве студента И.Иванова и бежал за границу. Ф.Достоевский в “Бесах” изобразил этот эпизод и нарисовал образ экстремиста Шигалева, шатающегося от безграничной свободы к безграничному деспотизму. Достоевский однозначно выразил своё резко отрицательное отношение к “шигалищине”, бунтарям-революционерам, попирающим правовые и нравственные нормы “поганого общества”. Он считал, что общество вполне вправе этому противостоять и решать свои проблемы иным путём.

Соратники Нечаева составили свод правил и программу революционных действий, получивших название “нечаевского катехизиса”. Уже тогда были провозглашены преступные тезисы о том, что нравственно все то, что способствует торжеству революции, и безнравственно всё то, что этому мешает, или совсем уж недавно: “кто не с нами, тот против нас”. В “катехизисе” говорилось, что “он (революционер – *В.К.*) не признаёт общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех её проявлениях и побуждениях нынешнюю общественную нравственность... он не революционер, если ему чего-либо жаль в этом мире”. Считалось, что революционер находится вне общества, “работает” на его уничтожение и имеет полное право на насилие. Многие видели в Нечаеве будущие черты Л.Троцкого.

Несколько в стороне от Нечаева выступал П.Лавров, делавший акцент не на профессионалов и революционеров-суперменов, а на хождение в народ, на подготовку революции путём разъяснительной работы с народом. Эффект оказался громадным: начиная с весны 1874 г. тысячи молодых юношей и девушек пошли в народ, разъясняя ему суть тирании, его прав и свобод, а также идеи утопического социализма. Это был особый тип миссионерства, которое натолкнулось не только на пассивность и безграмотность широких народных масс, но и на сопротивление властей, сопровождавшееся массой арестов и судебных процессов. Последние, в свою очередь, вызвали встречную волну террора со стороны революционеров, мстивших за своих товарищей. Лавров стал любимцем молодежи, в отличие от Герцена и Чернышевского, он не делал ставку на крестьянскую общину и призывал сам народ осуществить необходимые преобразования. В этом он находил поддержку у Герцена и Бакунина, с которыми тесно сотрудничал, находясь в эмиграции.

В то же время в России все более становилось ясным, что для настоящей революции требуется организация. Сам Лавров говорил о необходимости создания политической народной партии.

П.Ткачёв, учитывая опыт Лаврова, стал духовным наследником Нечаева и других народников, связующим звеном между Чернышевским и Лениным и, как считает Т.Самуэли, прямым предшественником и вдохновителем В.Ленина. Это был мощный и оригинальный мыслитель, создавший своего рода смесь между якобинством, народничеством и марксизмом. Ткачёв стал одной из центральных фигур революционных брожений в России 70-80 годов прошлого века.

Как и Чернышевский, он верил в крестьянскую общину, в особый некапиталистический путь для России, но не разделял взглядов Лаврова, считая, что они лишь замедляют революционный процесс в России. Лавров же обвинял Ткачёва в “нечаявщине”.

Опираясь на Маркса и Нечаева, Ткачёв создал свою теорию революции применительно к России. Она включала в себя следующие три пункта:

1. Любая революция совершается не большинством, а меньшинством народа (именно меньшинство быстрее и лучше осознаёт потребности всего народа).

2. Чем скорее идёт процесс борьбы, тем лучше для революции. Он считал, что Россия развивается по тем же законам, что и Европа, где уже давно нет революционной ситуации. Община разваливается, крестьянство расслаивается, промышленность бурно развивается, и революция должна свершиться в ближайшие 10-20 лет, пока капитализм окончательно не обосновался в России, ибо рабочему классу легче иметь дело с политической силой царизма, чем с силой крупного капитала.

3. Необходимо создать революционную партию, за границей она должна иметь свой журнал в эмиграции, который будет помогать партии и революционному процессу. Партия же должна быть конспиративной, хорошо организованной. Именно в незрелой России такой партии легче убедить народ в преимуществах коллективной собственности.

В отличие от своих предшественников, Ткачёв пришёл к выводу о необходимости захвата власти революционерами с целью осуществления своих общественных идеалов с помощью этой власти, т.е. “по приказанию начальства”, как потом скажет Г.В.Плеханов.

Через 30 лет Ленин в работе “Что делать?” будет развивать подобные же мысли и программные положения. Готовя со своими соратниками большевистский переворот в России, он во многом отошёл от теории революции К.Маркса и опирался на российские революционные традиции. Как уже упоминалось, Маркс никогда не говорил о социалистической революции в какой-либо одной, тем более недостаточно развитой стране. Наоборот, он говорил о революции в нескольких развитых странах одновременно.

Вообще в развитии народничества в России можно отметить два этапа: 1) 60-80 гг. прошлого века, когда развивалось революционное народничество, требовавшее радикальных действий; 2) со второй половины 80-х гг. до конца века, когда в народническом движении стали преобладать не революционные, а либеральные течения.

Российское народничество вобрало в себя ярких и талантливых представителей русской интеллигенции, которые отражали всё растущее недовольство в народе самодержавием и сложившимися общественными порядками. Но, к счастью, как ни звали народники Русь к топору, никакой революции на протяжении всего XIX в. у нас не произошло. Произошли лишь смута, террор, укрепилось нетерпение революционеров, которые в начале 20 в. все же привели к революции.

В условиях крепостничества народ вообще не принимал тот общественно-сословный дворянско-помещичий строй, который сложился в России уже в XVIII в., в нём постоянно зрело вековое чувство обиды и протеста. А русская интеллигенция – глубоко народное, чисто российское, глубинное явление, — стала авангардом в борьбе за социалистическую идею, в том числе и методами насильственной революционной борьбы и таким образом взяла на себя ответственность за бунт и смуту, которые стали чуть ли не постоянно действующими факторами во внутривнутриполитической жизни страны.

При этом не следует думать, что народ понимал, что такое социализм или коммунизм. Народ хотел не социализма, а просто дележа богатств, накопленных дворянством, помещиками и буржуазией. А социалистическая идея давала лишь идеологическое обоснование и санкцию к этому дележу. Потом, когда революция свершится, народ испытает огромное разочарование и пустоту. Возврат же к нормальному общественному бытию станет затяжным и болезненным.

Но кто подсчитал те жертвы и общественные растраты, которые сопутствовали революциям, бунтам и смутам? Кто ответил за невиданную эксплуатацию и гнёт в годы тоталитаризма, правления большевизма, национал-социализма и подобных им “измов” не только в СССР или Германии, но и во многих других странах? Как сказал известный австрийский экономист Л.Мизес, “все чудовищные войны и революции, чудовищные массовые убийства и ужасные катастрофы не изменили основного: идёт отчаянная борьба между теми, кто любит свободу, благосостояние и цивилизацию, и растущим приливом тоталитарного варварства”.

В истории российского народничества и раннего марксизма особое место занимает Г.Плеханов, который после 1875 г. стал одним из руководителей “Земли и воли”, “Чёрного передела”. С 1880 г. жил постоянно в эмиграции, где и стал убеждённым марксистом, верящим в возможность победы социалистической революции лишь в условиях достижения обществом высокого уровня индустриального развития, которое и формирует материальные предпосылки социализма в недрах буржуазного общества, наличия мощного пролетарского слоя, одновременного и мирного революционного преобразования сразу в ряде стран, а не “в одной отдельно взятой стране”. Стал основателем первой марксистской российской организации – группы “Освобождение труда”. Был одним из создателей РСДРП и газеты “Искра”.

Став марксистом, Плеханов отошёл от народничества, заняв по отношению к нему, как и Ленин, критическую позицию. После второго съезда РСДРП (1903 г.) Плеханов, как известно, выдвинулся в качестве одного из лидеров меньшевиков (российских социал-демократов), предсказал печальное будущее большевизма, в 1905-1907 гг. выступал против вооружённой борьбы с царизмом, в 1917 г. – за продолжение войны с Германией, поддержал Временное правительство и не поддержал октябрьский переворот большевиков, которых называл “кривыми вожаками”, “алхимиками революции”, “контрреволюционерами”. В октябре 1917 г. он писал: “... Готов ли наш рабочий класс к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру? Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой рабочего класса, не колеблясь ответит на этот вопрос решительным отрицанием. Нет, наш рабочий класс ещё далеко не может с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть, значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем для всей России”.

Аналогичную точку зрения развивали в начале XX в. западная социал-демократия и западные марксисты, во многом не поддерживавшие экстремизм российских большевиков. Например, Р.Люксембург писала, что “лишение прав не как конкретная мера ради конкретной цели, а как общее правило длительного действия, это вовсе не необходимое проявление диктатуры [пролетариата], а нежизнеспособная импровизация...

Ленин и Троцкий поставили на место представительных учреждений, вышедших из всеобщих народных выборов, Советы как единственное истинное представительство трудящихся масс. Но с подавлением политической жизни во всей стране неизбежно будет затухать и жизнь в Советах. Без всеобщих выборов, неограниченной свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений замирает жизнь в любом общественном учреждении, она превращается в видимость жизни, деятельным элементом которой остается одна только бюрократия. Общественная жизнь постепенно угасает, дирижируют и правят с неуёмной энергией и безграничным идеализмом нескольких дюжин партийных вождей, среди них реально руководит дюжина выдающихся умов, а элита рабочего класса время от времени созывается на собрания, чтобы рукоплескать речам вождей, единогласно одобрять предложенные резолюции. Итак, по сути – это хозяйничание клики; правда, эта диктатура, но не диктатура пролетариата, а диктатура горстки политиков, т.е. диктатура в чисто буржуазном смысле, в смысле господства якобинцев (перенос сроков созыва съездов Советов с раз в три месяца до раз в шесть месяцев). Более того: такие условия должны привести к одичанию общественной жизни – покушениям, расстрелам заложников и т.д. Это могущественный объективный закон, действие которого не может избежать никакая партия”.

Западная социал-демократия пошла другим путем и добилась, как известно, впечатляющих исторических результатов, сыскав широкую поддержку народных масс, не поступившись демократическими и социальными ценностями.

Интересно, что еще в 1903 г., сразу после второго съезда РСДРП, один из виднейших меньшевиков, П.Аксельрод, высказал важное предупреждение: “Если на Западе преобладают процессы саморазвития и самовоспитания рабочего класса, то в России особую роль приобретает воздействие на рабочих радикальной интеллигенции, объединенной в организацию профессиональных революционеров. При этом вся социал-демократическая партия превращается в построенную по строго иерархическому принципу пирамиду, на вершине которой стоят партийные “столоничальники”, а внизу находятся бесправные “рядовые члены”, своего рода “винтики” и “колёсики”, которыми по своему личному усмотрению распоряжается вездесущий руководящий центр”. Сказано это, как видим, предельно точно.

Молодой Ленин считал Г.Плеханова своим учителем, он также критиковал народничество. Но критика эта распространялась не на их политические взгляды, методы организации и революционной борьбы, а на позиции по социально-экономическим вопросам. Как потом стало ясно, бланкистские и якобинские взгляды и методы революционного народничества в России большевики воспроизвели в полной мере и в неизмеримо более широком масштабе.

Таким образом, российский большевизм был сформирован не только западным марксизмом, но и всем революционным процессом в самой России во второй половине XIX в. Большевизм стал естественным продолжением российских национальных революционных традиций. Поэтому российский социализм или коммунизм, никогда и не был социализмом или коммунизмом в чисто марксистском смысле этих понятий.

Под влиянием растущего нигилизма, отщепенства, радикализма и бунтарства в среде российской интеллигенции постоянно существовала известная революционная заряженность в обществе. Как писал известный российский социал-демократ П.Струве, “идейной формой русской интеллигенции является ея отщепенство, ея отчуждение от государства и враждебность к нему. Это отщепенство выступает в духовной истории русской интеллигенции в двух видах: как абсолютное и как относительное. В абсолютном виде оно является в анархизме, в отрицании государства и всякого общественного порядка, как таковых (Бакунин и князь Кропоткин). Относительным это отщепенство является в разных видах русского революционного радикализма, к которым отношу, прежде всего, разные формы русского социализма”. Фактически народники и ранние марксисты, не говоря уже о большевиках, были реальными провокаторами бунтов, смуты и революций.

Тем не менее в конце XIX – начале XX вв. революционные брожения в России наталкивались не только на поддержку известных слоев российской интеллигенции, но и на сопротивление со стороны других слоев, не говоря уже о правящих кругах. В этом отношении характерно мнение известного статистика, руководителя Статистического Комитета и Статистического Совета России в начале 20 в. П.И.Георгиевского, который был принципиальным противником социалистических идей в России, пользовавшихся большой популярностью, в частности, в студенческих аудиториях. Он писал: “Отравление учащейся молодёжи социалистическими фантазиями, подносимыми ... под видом положений науки с университетской кафедры, может иметь для молодежи, а в лице нескольких поколений её – и для целого государства, самые печальные последствия, предупредить которые, по мере сил, я считаю своим нравственным долгом. В течение всей моей учёной и преподавательской деятельности, т.е. более 30 лет, я всегда печатным и устным словом ... ратовал против социализма, как ненаучного и опасного верования”.

Однако не приходится забывать, что социалистические революционные идеи имели большое хождение в России и пользовались широкой популярностью. Весьма характерное настроение российского общества накануне октябрьского переворота 1917 г. хорошо описывает А.Солженицын устами своего героя: “Весь продовольственный кризис – от игры спроса и предложения, от спекуляции. А установить завтра

социалистическое распределение – и сразу всем хватит, ещё с избытком. Голод прекратится на второй день революции. Все появится – и сахар, и масло, и белый хлеб, и молоко. Народ всё возьмёт в свои руки – и запасы, и хозяйство, будет планомерно регулировать, и наступит даже изобилие. Да с каким энтузиазмом будут всё производить! Можно больше сказать: разрешение продовольственного кризиса и невозможно без социализма, потому что только тогда общественное производство станет служить не обогащению отдельных людей, а интересам всего человечества!”

Да, социалистические идеи, возникшие как на Западе, так и в нашей стране, воплощённые большевиками в жизнь, стали верой и религией для народа на многие десятилетия. Они привели к ложному политическому выбору в октябре 1917 г., к формированию глубоко ошибочной по своей сути нерыночной советской модели экономики. Эта ошибка могла привести лишь к тому, что мы и получили, ибо утопические идеи могут дать не полезные, а бесполезные, утопические и нежизнеспособные практические результаты.

Подводя итоги этому историческому воспоминанию об истоках большевизма, нельзя не сказать о том, что как внешние, так и внутренние его истоки, как оказалось, все же были не более, чем утопическими учениями. Об утопизме марксизма-ленинизма сказано уже немало. Утопизм российских народников, отрицавших развитие капитализма в России и формирование российского пролетариата, просто поражает. Но дело в другом.

Российское народничество оказалось мощным революционным движением. Оно сформировало и свою теорию “русского социализма”, в принципе отличную от западного марксизма, или “германского социализма”. Краеугольным камнем “русского социализма” был упор не на рабочий класс, а на крестьянство (на “крестьянский тулуп”, как говорил И.Тургенев), как якобы реальную социальную базу для революционного переворота, неприятие капитализма. В крестьянстве их привлекала прежде всего община – эдакое коллективное братство, которое проложит стране особый путь назревших экономических и социальных преобразований. Частично это результат влияния русского славянофильства, частично – непонимания исторической неизбежности капитализма, индустриализации и разложения крестьянства.

Стремление создать некое “мужицкое царство” без капиталистов, которые принесли Западу повседневный расчёт, прагматизм и бездуховность, могло создавать впечатление своей практической реализуемости лишь до начала промышленной революции в России. По мере же индустриализации и усиления пролетариата в России стал развиваться марксизм, который резко выступил против народничества, взял на вооружение марксистские постулаты, поставив в центр политическую борьбу и вооружённое восстание, но в процессе своего развития во многом отступил от Маркса, возродил многие народнические методы борьбы и после октябрьского переворота 1917 г. создал в нашей стране государство и общество, которые, в конце концов, не были приняты Историей.

В целом рассмотренные внешние и внутренние источники большевизма породили не только революционную идею о построении нового справедливого общества, которая была поддержана определенной частью населения России (особенно из интеллигенции и рабочих), но и программу действий большевиков после революции.

2. Кавалерийская атака на капитал и первые шаги к НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Опираясь на отобранный ими предшествующий опыт, большевики создали профессиональную партию революционеров, именно они удачно воспользовались катастрофическим положением России в период первой мировой войны и зрелищем в течение долгого времени широким социальным недовольством, в частности, недовольством институтом авторитарной власти царизма в стране.

Как справедливо оценивает акад. Н.Петраков, Ленин, по существу, создал партию захвата власти, партию не парламентского типа, а антиконституционную организацию. Поэтому-то и произошёл разгон Временного правительства и октябрьский переворот в 1917 г., затем разгон Учредительного собрания. К этому можно добавить секретное финансирование партии большевиков Германией за прогерманскую позицию в первой мировой войне, практику “экссов”, или вооруженных ограблений в целях пополнения партийной кассы до революции, сеть агентов и комиссаров не только в армии, но и по всей стране.

В 1923 г. некоторые высказывания Ленина прорыночного толка оказались неугодными ряду партийных руководителей и, прежде всего, Сталину, и он, находясь на больничной койке, был подвергнут информационной блокаде. После смерти Ленина его политическое завещание было скрыто от общественности руководителями партии на десятки лет. Политика заговоров проводилась потом не только Сталиным, но и Хрущевым, Брежневым и Андроповым. Такая же политика имела место вплоть до развала СССР.

Формирование классической советской модели экономики (её порой называют сталинистской или сталинской моделью) началось при В.И.Ленине в годы “военного коммунизма” и после известного перерыва, связанного с НЭПом, продолжилось и завершилось И.В.Сталиным в годы индустриализации и коллективизации. Эта модель сохранилась у нас также вплоть до развала СССР в 1991 году.

Как уже говорилось, в теоретическом плане большевики опирались на утопические идеи Маркса и Энгельса о том, что социализм – это справедливое общество, которое свободно от таких губительных пороков капитализма, как эксплуатация, безработица, рыночная стихия, нищета, паразитизм буржуазии, погоня за прибылью. Что вместо всего этого социализм позволит реально удовлетворять реальные потребности людей, создать совершенную общественную систему и экономику, движимые исключительно научным квалифицированным управлением и планированием сверху. Со временем эта система завоюет весь мир, освободит развивающиеся страны от колониальной эксплуатации и так разовьёт производительные силы всего человечества, что обеспечит всем рай на земле. Для этого и стала создаваться в нашей стране особая экономическая модель, как инструмент реализации, казалось бы, самых благих пожеланий с помощью не рыночного механизма, а централизованных решений и команд, что и сколько производить, кому и по какой цене продавать.

В течение более 70 лет эта модель распространялась на другие страны. Её опробовали не только Китай, Куба, страны-члены СЭВ, но и многие развивающиеся страны (Эфиопия, Танзания, Никарагуа, Индонезия и др.), всего порядка 30. Поэтому важно понять, почему она не выдержала испытание временем и безо всякого кровопролития перестала существовать, кончила свою жизнь естественной смертью.

Захватив власть в октябре 1917 г., большевики в январе 1918 г. силой разогнали Учредительное собрание, где имели менее 25% голосов, и установили в стране террор. Все несогласные и классово чуждые оказались под угрозой своего существования. Огромную роль в то время играли силовые структуры – отряды Красной гвардии и ВЧК, руководимая Ф.Дзержинским. В конечном счёте всё это привело к гражданской войне. По имеющимся данным, если на фронтах войны с Германией погибло около 5 млн. россиян, то в годы бессмысленной гражданской войны было убито, умерло от голода и эмигрировало около 13 млн. человек. Как справедливо определяет Я.Певзнер, “октябрьский переворот был не более чем мятежом, путчем, совершенным марксистским меньшинством, не получившим поддержки народа, но оказавшимся успешным в смысле захвата власти...”. И далее: “Не теория, а прежде всего политическая обстановка принесла с собой октябрьский переворот, разгон Учредительного собрания, в котором большинство принадлежало социалистическим партиям, позорный предательский Брестский мир, завершивший раскол между большевиками и всеми демократическими силами России и положивший начало трехлетней гражданской войне”.

Гражданская война была для Ленина логическим продолжением классовой борьбы, только более решительными методами. Большевики вполне логично ввергли страну в эту братоубийственную бойню. Так с самого начала отчётливо обозначился преступный характер большевистской партии. Захват ею политической

власти сопровождался и захватом большевиками экономической власти – земли, банков, крупных промышленных предприятий, железных дорог, помещичьих имений и др. Рабочие занимали предприятия и прогоняли их хозяев. Был установлен рабочий контроль за производством и межхозяйственными связями. Но управление производством на деле перешло не в руки рабочих и крестьян, как утверждалось в лозунгах и политических требованиях, а в управление большевиков. Ленинский девиз: “Грабь награбленное!” – был не пустой фразой, а руководством к действию. Устанавливался механизм внеэкономического принуждения, строгой дисциплины, опиравшийся на жёсткий контроль сверху. Повсеместно вводились наказания за невыполнение приказов вышестоящих начальников. Приказы эти не подвергались обсуждению. Этот механизм впоследствии укреплялся, масштабы его действия расширялись. Он стал неременной составной частью СМЭ.

На каждом национализированном предприятии были созданы фабрично-заводские комитеты, подчинявшиеся либо непосредственно ВСНХ, либо местным совнархозам, состоявшим из преданных делу революции большевиков. При этом $\frac{2}{3}$ состава этих комитетов назначались соответствующим совнархозом и лишь $\frac{1}{3}$ избиралась профсоюзным собранием предприятий. Продукция национализированных предприятий не продавалась как раньше, а распределялась в порядке натурального обмена. Была введена карточная система, все получали одинаковый голодный паек, вместо денег выдавались трудовые единицы. “Тенденция к всеобщей натурализации нашего хозяйства должна сознательно проводиться нами со всей энергией”, — писала в 1920 г. большевистская “Правда”. Национализированные предприятия стали не собственностью рабочих коллективов, а государственной собственностью, которой стали управлять Совет народных комиссаров (СНК) и наркоматы. К 1920 г. было национализировано 80% крупных промышленных предприятий. Промышленность страны в годы “военного коммунизма” погрузилась в состояние полного паралича.

Рынок практически перестал функционировать, вместо денег в роли всеобщего эквивалента стали выступать то бутылка керосина или водки, то фунт соли или коробка спичек, то кусок мыла или аршин ситца. При этом в одном месте России фунт соли можно было обменять на пуд хлеба, а в другом — пуд соли обменивался на полпуда хлеба. При этом в Программе партии, принятой в 1919 г., ставилась задача продолжать замену торговли планомерным натуральным распределением продуктов и последовательно изымать из оборота деньги.

Как писал в те годы известный российский экономист Б.Бруцкус, “принцип социализма не есть творческий, не к расцвету, а к разложению ведет он экономическую жизнь общества”, поскольку нарушается хозяйственный принцип соответствия затрат и результатов. Все национализированные и ставшие государственными предприятия стали работать по принципу “общего котла” без какой-либо связи с реальным спросом, затратами или рентабельностью. Рыночные операции прекратились, и все произведённые товары сдавались в распоряжение новых властей и распределялись ими. Это и были реалии нового строя с его натурализованной моделью экономики.

В годы “военного коммунизма” появились утопические проекты натурального учёта вместо денежного. Так, П.Амосов и А.Савич предложили всеобъемлющую систему натурального учёта в математической форме, которые бы контролировали движение каждого продукта в натуральном выражении от одного предприятия к другому и от производителя к потребителю. Это был первый зародыш будущей системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ) в послевоенной советской экономической науке.

С.Струмилин выдвинул концепцию натурального учёта затрат труда в единицах времени – тредах. Даже капитал он предлагал измерить в тех же тредах.

А на селе земля была национализирована первым же большевистским декретом. Вся она была объявлена государственной собственностью, российские крестьяне надолго перестали быть собственниками своей земли. Были введены продразверстка, и насильственное изъятие продуктов у крестьян стало нормой. Хранение инвалюты и золота было запрещено, последние в случае обнаружения подлежали конфискации. Во многих российских семьях конфисковывались произведения искусства, антикварные ценности, украшения из золота, серебра, драгоценных камней.

Массовому разграблению подвергалась Русская Православная Церковь. Часть отобранных у народа ценностей (помещенная, кстати, в Гохран или государственные музеи) была затем элементарно разворована партийным и кэзбистским начальством. Как свидетельствовал зав. Золотым отделом Гохрана Я.Юровский, “все крадут – и спецы и все – ибо Ра(боче) – Кр(стьянская) И(нспекция) и чекисты все прозёвывают... Ни правильного учёта, ничего путного... Ежедневно пропадает до $\frac{1}{2}$ милл(иона) руб(лей) золотом”. Я.М.Свердлов тайно от всех имел свой сейф и, по свидетельству известного историка А.Латышева, “копил там золотые монеты, более 700 золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями... Вопросами реализации “золотого фонда” из Гохрана за рубежом занимался нарком внешней торговли Л.Б.Красин”. Эта практика сохранялась и в последующие годы.

С самого начала прихода большевиков к власти в управлении страной и на местах шло насаждение централизма и авторитаризма, вместо демократического централизма в стране реально к власти пришла узкая правящая группа, состоящая из Ленина и его ближайшего окружения. В 1918 г. реально сформировалась

самодержавная тройка – Ленин, Свердлов и Сталин. Остальные видные революционеры оставались в стороне. И лишь потом заработали такие органы, как Политбюро, ЦК и пр.

Итак, большевики очень быстро ввели две вертикали управления экономикой (партийную и хозяйственную), которые заменили собой прежние традиционные горизонтальные товарно-денежные связи. Третья вертикаль вскоре дополнила первые две. Это – ВЧК, которая вела постоянные наблюдения за ходом экономических процессов в стране и железной рукой устраняла сохранявшиеся элементы товарно-денежных отношений, а торговцев, ремесленников и лавочников уничтожала как враждебный класс. Цель заключалась в ликвидации рынка, замене его централизованным распределением продукции. Иными словами, задача заключалась не только в том, чтобы ликвидировать частную собственность, враждебные социализму классы и группы населения, но и рынок, товарно-денежные отношения в стране.

Позднее был создан план ГОЭЛРО и на его основе Госплан СССР. План стал реальным заменителем рынка. К этому следует добавить введение государственной монополии на внешнюю торговлю в апреле 1918 г.. Но ещё раньше большевики отказались от выплаты царских долгов, что вместе с введением монополии на внешнюю торговлю заставило Запад заморозить российские активы за рубежом и объявить эмбарго на торговлю с нами. Но столь решительная кавалерийская атака на капитал была предпринята большевиками в полном соответствии с учением Маркса и Энгельса о социализме, как о плановой (научной) нетоварной системе, где отсутствуют деньги и нормальный товарообмен, существует централизованное управление экономикой.

В.И.Ленин любил сравнивать такую экономику с часовым механизмом или с четко работающей фабрикой или машиной. Он писал: “Превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководствовались одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи”. И еще: Социализм “есть построение централизованного хозяйства из центра”.

Это был явно упрощённый взгляд на экономику, как на какой-то гигантский организм, все части и элементы которого получают команды из одного центра и механически их выполняют. Это механический монстр без души, без чувств, без обратной связи и нормальной мотивации к труду.

Давно придуманная, но нигде ранее не апробированная схема легла в основу крутых переворотов в огромной стране для огромного народа, послушно ей последовавшего. Это ли не преступление? В этой связи любопытно вспомнить Бисмарка, который говорил, что социализм надо бы опробовать на народе, которого не жалко. Таким народом для него были поляки, отнюдь не немцы. Большевики же легко ввергли свой народ в исторический эксперимент, оказавшийся для него трагическим. Известный российский физиолог, академик И.Павлов как-то в сердцах, будучи уже старым, бросил вождям большевиков: “...Мы с вами очень похожи, такие же революционеры. Только я всю жизнь проводил опыты над собаками, а вы над людьми”.

Но всё это, так сказать, в теории, а для практической реализации старой утопии использовался реальный опыт военно-административного государственного управления экономикой в России и Германии в период Первой мировой войны. В обеих странах государство вынуждено было использовать чрезвычайные и мобилизационные меры военного времени для снабжения армии и населения продуктами питания с полным игнорированием рыночных отношений. Поэтому, например, продразвёрстка – это не изобретение большевиков. Это – инструмент или способ изъятия у крестьян овса для нужд кавалерии, хлеба и других продовольственных продуктов для армии с помощью военизированных отрядов в России ещё в 1915 и 1916 гг. В Германии ещё в 1914 г. были установлены твёрдые цены на закупаемое государством продовольствие для армии, появились элементы планирования производства и распределения продукции. Да что там опыт Первой мировой войны! В период Парижской коммуны тоже была своя продразвёрстка, продотряды, запрещение частной торговли хлебом и полная финансовая дестабилизация. Все эти “прелести” – обычные черты пролетарских революций.

Концлагеря и инструменты массового уничтожения людей были созданы не Гитлером в фашистской Германии, а у нас, в Советской России большевиками-ленинцами. В 1919 г. на базе замечательного русского монастыря был организован на Соловецких островах Белого моря первый в мире концлагерь под названием “СЛОН” – “Соловецкий лагерь особого назначения”, а именно: для истребления недовольной интеллигенции.

Как пишет В.Солоухин, “интеллигенция уничтожалась с “заделом” вперёд на многие годы. В некоторых городах (мне известно, например, про Ярославль) отстреливали гимназистов. Их легко было определить по форменным фуражкам – как фуражка, так и пуля в затылок. Чтобы не выросло нового русского интеллигента... Уничтожая гимназисток, смотрели также на красоту. Красивых уничтожали в первую очередь. Чтобы не нарожали потом красивых русских детей. А дети вырастут и тоже станут интеллигентами”.

В результате введения “военного коммунизма” в экономике страны были быстро разрушены сложившиеся хозяйственные связи, возникла страшная дезорганизованность, процветала полная неразбериха и бесхозяйственность, появился дефицит всего и вся. Предприятия перестали отвечать за самокупаемость,

прибыль. Все расходы они стали покрывать за счёт бюджета, что называлось сметным финансированием. Впоследствии большевики возведут этот механизм в “преимущество” социализма.

В центре внимания большевиков находились в это время не вопросы производства, которое обвалью падало, а вопросы распределения и перераспределения продукции в натуре, свёртывания рынка (карточки, талоны, продразвёрстка), принудительного объединения всего населения в потребительские кооперативы. В 1921 г. В. Ленин так охарактеризует экономическую политику большевиков в период “военного коммунизма”: “Свою строительную, хозяйственную работу, которую мы тогда выдвинули на первый план, мы рассматривали под одним углом. Тогда предполагалось осуществление непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, **приспосабливающего старую экономику к экономике социалистической. Мы** предполагали, что создав государственное распределение, мы этим самым непосредственно вступили в другую, по сравнению с предыдущей, экономическую систему производства и распределения. Мы предполагали, что обе системы – система государственного производства и распределения и система частного производства и распределения – вступят между собой в борьбу в таких условиях, что мы будем строить государственное производство и распределение, шаг за шагом отвоёвывая его у враждебной системы”. “Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, так и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали – или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчёта – непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране”.

Как уже отмечалось, в годы военного коммунизма натурализация всех хозяйственных связей рассматривалась не как временное явление, а как закономерный, теоретически обоснованный классиками марксизма процесс отмирания рынка, товарно-денежных отношений и его замены натуральным распределением продуктов по плану, по заданию “сверху”. Была введена воинская и трудовая повинность, централизованное, насильственное изъятие продуктов у крестьян. Лозунг “кто не работает, тот не ест!” был включен в текст первой советской конституции.

В своей книге “Терроризм и коммунизм”, изданной в нашей стране в 1920 г., Л. Троцкий писал: “..Необходимо раз-навсегда уяснить себе, что самый принцип трудовой повинности столь же радикально и не возвратно сменил принцип вольного найма, как социализация средств производства сменила капиталистическую собственность ... (при этом) проведение трудовой повинности немыслимо без применения... методов милитаризации труда”. И во всем этом кошмаре (как мы бы сказали сегодня) плановое распределение рабочей силы “и есть сущность трудовой повинности, которая неизбежно входит в программу социалистической организации труда”.

Троцкий пишет, что рабочего надо посылать трудиться не туда, куда он сам хочет, а туда, где его работа нужна обществу. Это и есть, по его убеждению, свободный труд, труд на себя и на общество в отличие от принудительного труда при капитализме. Особенно Троцкий ценил бесплатный, т.е. совершенно свободный даже от денег, труд, труд на субботниках, например, который иницируется идейными соображениями и является абсолютно бескорыстным. При этом он не забывает отметить, что “репрессии для достижения хозяйственных целей есть необходимое орудие социалистической диктатуры”.

Ясно, что все это привело не только к развалу экономики, но и к смуте в обществе. В 1920 году промышленное производство в стране сократилось по сравнению с 1913 г. в 7 раз, в том числе группа “Б” в 8 раз, производство хлеба и многих других сельскохозяйственных продуктов сократилось вдвое. Резко сократился товарооборот, прервалась торговая связь между отраслями и отдельными частями страны. Процесс натурализации хозяйства, начавшийся в годы войны с Германией, резко усилился. “Ещё сравнительно так недавно, года полтора тому назад, мы хотели вытравить из языка самые слова “товар”, “товарообмен”, “товарное обращение”. Нам казалось, что сфера непосредственного социалистического распределения будет быстро расширяться, что стихийная власть рыночных отношений отходит в прошлое, что сфера товарного производства, совпадающая с мелкобуржуазными формами, станет всё решительнее суживаться, да и здесь на первый план будет выдвигаться почти непосредственный “продуктообмен”, для которого денежные единицы имеют чисто счётное значение”, – писал позже И. Скворцов-Степанов.

Неутешительны были не только цифры о производстве продукции, но и цифры о потреблении населения, его жизненном уровне. В 1920 г. потребление мяса, рыбы и жиров было на 70-80% ниже уровня 1913 г., а потребление картофеля в 2 раза выше. Значительно сократилась урожайность всех сельскохозяйственных культур. В 1921-1922 гг. в стране был страшный голод, вызванный продразвёрсткой и общей антикрестьянской политикой большевиков. Голод, приведший к миллионам жертв.

Столкнувшись с экономическим крахом, большевики стали судорожно печатать деньги, возникла небывалая инфляция. В результате крестьяне перестали продавать свою продукцию государству. В этих условиях и была введена продразвёрстка, призванная в насильственном порядке отбирать у крестьян

продовольствие (оплата производилась по твёрдым ценам; отбирались не так называемые излишки, а практически почти всё, что можно было отобрать). Большевики в тот период на деле установили диктатуру пролетариата и подвергли жестоким репрессиям буржуазию, интеллигенцию и крестьян.

Главной опорой советской власти в деревне Ленин считал бедняка. Зажиточных же крестьян, так называемых кулаков – основу сельскохозяйственного производства и аграрного сектора страны, – он называл “самыми зверскими, самыми грубыми, самыми дикими эксплуататорами”, “кровопийцами”, “пиявками”, “вампирами” и призывал вести с ними “беспощадную войну” на уничтожение. Одним из любимых и часто повторяемых им в годы военного коммунизма и гражданской войны слов было слово “р-растр-релять”.

Всё это не могло не вызывать сопротивления в обществе, несмотря на голод и разруху. Произошло крупное восстание военных моряков Кронштадта, серия крестьянских восстаний на Тамбовщине и в Сибири. Все они были жестоко подавлены. В стране началась страшная гражданская война, унесшая миллионы человеческих жизней. Произошёл и исход значительной части российской интеллигенции в эмиграцию (около 2 млн. человек), поскольку она явно не одобряла строительство социализма, начавшееся в нашей стране. Среди нее были талантливейшие ученые, писатели, музыканты, художники и т.д. На место уехавших приходили “свои”, пролетарские ученые, писатели и прочие деятели интеллигентного труда, создавалась новая социалистическая система образования и подготовки кадров, ставшая вскоре реальной опорой новых большевиков. Так сознательно разрушался интеллектуальный потенциал страны.

Одним из самых омерзительных проявлений антинародной деятельности большевиков были гонения на Русскую Православную Церковь и лично на патриарха Тихона. В своём секретном письме членам Политбюро в 1922 г. В.И.Ленин писал: “Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше”. Начались политические аресты и создание первых концлагерей. По приказу Ленина были разрушены десятки тысяч церквей, 14 тыс. священников расстреляны.

Всё это явилось началом того невиданного геноцида в СССР, который сопровождал большую часть всей советской истории, и по сравнению с которым гитлеровский геноцид в отношении евреев может показаться детской игрушкой.

С социальной точки зрения насильственное переустройство общества является преступлением против человечества. Искаржить судьбы, заморить голодом, убить десятки миллионов людей во имя утопии – это не только советский феномен, но и его многократное повторение в других странах после второй мировой войны.

После разгона Учредительного собрания в январе 1918 г. стало ясно, что в стране устанавливается однопартийная недемократическая система. В июле этого года левые эсеры были устранены из всех органов власти за несогласие с политикой большевиков. В это время Ю.Мартов, бывший друг В.Ленина, дал следующую оценку происходящего: “Власть советов превратилась в безответственную, бесконтрольную, несправедливую, тираническую и дорогостоящую власть комиссаров, комитетов, штабов и вооруженных банд”. Но большевики, как известно, не только уверенно провозглашали социалистические лозунги, а взялись распространить свою революцию на весь мир. В ноябре 1920 г. Ленин говорил: “Мы... начали наше дело исключительно в расчёте на мировую революцию”. Не без влияния большевиков (прямо и через Коминтерн) социалистические революции произошли в Венгрии, Германии и Словакии в 1919 г. В Венгрии советская республика просуществовала 4 месяца, в Германии (в Баварии) – две недели, в Словакии – около трёх недель. Зато в нашей стране советская республика просуществовала с 1917 по 1991 г., т.е. 74 года.

За эти годы большевики и коммунисты, руководившие нашей страной, неоднократно предпринимали прямую экспансию коммунизма. Это и Прибалтика, и Бессарабия, Западная Украина и Польша, а также Финляндия непосредственно перед Великой Отечественной войной. Это и “мировая система социализма” после войны. Но первая попытка такой экспансии была предпринята ещё осенью 1920 г., когда Красная Армия под командованием М.Тухачевского осуществила бросок на Варшаву и имела намерение войти в только что получившую позорный мир Германию и совершить там социалистический переворот. Как известно, эта попытка завершилась поражением. Позднее был создан СССР, и в этом новом названии уже не было ничего напоминающего образ России, зато содержалась явная амбиция и претензия на мировую революцию, на присоединение к нашей стране других советских социалистических республик, в том числе и из стран Запада.

Таким образом, социализм пропитан всевозможными утопическими социалистическими идеями, рождёнными в разное время как на Западе (включая марксизм), так и изнутри – из отечественных котлов экстремизма и левачества, порожденных царским деспотизмом и общей социальной неустроенностью. Большевики – носители всех этих “ценностей” – создали методами мобилизации и чрезвычайщины жестокую централизованную авторитарную систему управления, нерыночную модель экономики, ввергли народ в

гражданскую войну и принесли ему такие страдания и потери, которые несоизмеримы со страданиями и потерями в период татарского ига. Социалистическая революция в России это не только смена форм собственности, создание новой экономической модели, новых социально-экономических отношений, но и геноцид, гражданская война, жестокая борьба против религии, совести и нормальных личностных проявлений. Созданная в декабре 1917 г. ВЧК уже в первые годы советской власти залила страну кровью, породила генетический страх в народе.

В годы “военного коммунизма” на ВЧК вначале возлагались функции по борьбе с контрреволюцией и саботажем, но вскоре к ним прибавились задачи по борьбе со спекуляцией, должностными преступлениями, шпионажем, по безопасности Красной Армии и транспорта. 21 февраля 1918 г. Совет народных комиссаров утвердил ленинский декрет “Социалистическое отечество в опасности!”, где в 8-м пункте сказано: “Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления”.

Сначала расстреливались сотни и тысячи неугодных, в годы гражданской войны – сотни тысяч. Председатель Всеукраинского ЧК М.Лацис весьма характерно и откровенно писал в том же 1918 г. следующее: “Мы железной метлой выметим всю нечисть из Советской России. Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Советов оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какое у него происхождение, какое образование и какая его профессия. Вот эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть Красного террора”.

Практически ВЧК получила неограниченные права, был введен в действие преступный институт заложников, проводились систематические облавы, вооружённые чекисты ходили по квартирам. Вакханалия расправ и убийств стала обыденной нормой. Всё это продолжалось до 1953 года – года смерти Сталина.

Забегая опять несколько вперёд и пытаюсь сравнить практику “военного коммунизма” при Ленине с практикой вхождения в полную власть Сталина, с его индустриализацией, коллективизацией и тотальным террором, можно утверждать, что Ленин совершил лишь подготовительную, так сказать черновую работу по формированию нового общества и адекватной ему экономической модели. Он выкорчевал скудные ростки правового государства, парламентаризма, демократии, свободы слова и самоуправления (земства, городские муниципалитеты), которые худо-бедно, но всё же появились в царской России, он ликвидировал демократический режим, существовавший в годы правления Временного правительства, разогнал Учредительное собрание, запретил все оппозиционные партии, надел намордник на печать, подавил крестьянские бунты, санкционировал первые политические процессы, закончившиеся смертными приговорами (против религиозных деятелей, руководителей партии эсеров и т.д.).

При этом широко утверждалось, что строительство социализма идёт в России на строго научной основе. Однако практика большевиков вызвала серьёзный отпор со стороны не только многих учёных (Л.Мизес, Б.Бруцкус и др.), но и их политических оппонентов (Г.Плеханов, Ю.Мартов и др.).

В 1922 г. вышла книга крупнейшего австрийского экономиста Людвиг фон Мизеса, в которой дана сокрушительная критика марксизма и первых практических шагов большевиков в годы “военного коммунизма”. Он призвал “спасти мир от нового варварства”, указал, что “даже беднейшие пострадают от социализма не меньше других”, что идея коллективизма – это идея бунта массы, толпы, а сам “коллективизм – это противостояние, это оружие всех тех, кто стремится убить разум и мысль”. Коллективизм, считал Мизес, обслуживает нужды политики, покрывает тиранию, осуществляет на практике принцип уравнительного распределения при всеохватывающем государственном управлении и ведёт общество в исторический тупик.

Несомненно, что Ленин, Троцкий, Бухарин и другие руководители-большевики хорошо знали подобную критику, но реагировали на неё как на вражеские измышления, пытающиеся свернуть их с истинного пути. Культ революции и насильственного переворота оказался сильнее науки, сильнее разума и мудрого предвидения. Ведь Англия исторически только выиграла, не допустив революцию в 17 в. и установив у себя прочные правовую и парламентскую системы, перешедшие со временем в систему гражданского общества. Франция же только проиграла со своими революциями, смутами и баррикадами, безумным бесправием, испытав, как и Россия, ужасные их последствия. Гражданское общество здесь было сформировано позднее.

Сущность капитализма – рынок, сущность социализма – распоряжение высших властей о производстве и распределении товаров и услуг. В последнем случае, писал Л.Мизес, нормальный экономический расчёт невозможен, и общество просто “прогорит”, не умея соизмерять затраты и результаты своей производственной деятельности, не зная истинной ценности результатов труда, да и мотивации к достижению высоких результатов.

“Попытка социалистического переустройства мира может разрушить цивилизацию, — писал Мизес. Но никогда такая попытка не приведет к существованию процветающего социалистического общества... Социалистические методы производства ведут к падению производительности... Опыт показывает, что нигде нельзя встретить большей бесхозяйственности и расточительности в отношении труда и материалов всякого рода, чем на государственных предприятиях. В то же время именно частное предприятие побуждает своего

владельца ради собственных интересов работать с величайшей экономией... Социалистическое общество представляет собой поразительное авторитарное сообщество, в котором приказывают и подчиняются. Именно это и обозначают слова “плановая экономика” и “устранение анархии производства”. Устройство социалистического общества легче понять, если сравнить его с армией. Многие социалисты и в самом деле предпочитали говорить об “армии труда”. Как в армии, так и при социализме каждый зависит от приказа высшего руководства... Можно сказать, что человек становится пешкой начальства... В социалистическом обществе невозможен экономический расчёт, а значит, нельзя быть уверенным в величине издержек и прибыли или использовать калькуляции для контроля операций. Одного этого достаточно, чтобы считать социализм нереализуемым... (Но есть и второй аргумент: при социализме нет необходимой организационной формы для эффективной экономической деятельности, т.е. свободной фирмы, нет и предпринимательского слоя с его внутренней энергией и инициативой)...

Капиталистическое устройство общества – единственная форма организации экономики, при которой возможно непосредственное применение принципа личной ответственности каждого гражданина. Капитализм и есть та форма общественного хозяйства, в которой устраняются все вышеописанные недостатки социалистической системы”.

Не менее интересны взгляды и высказывания, принадлежащие нашему талантливому экономисту Б.Бруцкису, вынужденному покинуть страну в 1922 г. Выступая в 1920 г. на собрании петроградских учёных с докладом “Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе”, он говорил, что “экономическая проблема марксистского социализма не разрешима, что гибель нашего социализма неизбежна”. В своих работах он подчёркивал такие несуразности советской экономической модели, как невозможность реального соизмерения затрат и результатов и уравнительное распределение доходов, что лишает экономику внутренних стимулов к качественному совершенствованию, а лишь стимулирует расширение её масштабов.

В работе “Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта” он писал: “Подобно рыночным ценам, и другие категории капиталистического хозяйства теряют при социализме своё значение: в социалистическом обществе нет ни заработной платы, ни прибыли, ни ренты, ибо в нём все работают и получают полный продукт своего труда без вычета нетрудовых элементов дохода. Социалистическое общество признаёт издержки производства лишь в одной форме – в форме затраты труда; количество же этой затраты измеряется временем. Труд и только труд обладает ценностеобразующей силой даже в капиталистическом обществе, — так утверждает Маркс в I-м томе “Капитала”; тем более это положение справедливо для социалистического строя. Распределение хозяйственных благ должно быть согласовано в социалистическом обществе с эгалитарным принципом, ибо если свобода есть руководящий лозунг буржуазии, то равенство есть руководящий лозунг промышленного пролетариата. Во имя этого лозунга им совершается великий переворот”.

По существу это убийственная характеристика социализма как общественной системы. Я не буду приводить здесь многочисленные мнения политических оппонентов большевиков, их современников. Они не менее убедительны и обоснованы, чем уже приведенные выше. Приведу лишь горькие, но очень ёмкие и верные слова нашего большого писателя, В.Солоухина, из его работы “Читая Ленина”: “...Россию завоевала группа, кучка людей. Эти люди тотчас ввели в стране жесточайший оккупационный режим, какого ни в какие века не знала история человечества. Этот режим они ввели, чтобы удержаться у власти. Подавлять всё и вся и удержаться у власти. Они видели, что практически все население против них, кроме узкого слоя “передовых” рабочих, то есть нескольких десятых процента населения России, и все же давили, резали, стреляли, морили голодом, насильничали, как могли, чтобы удержать эту страну в своих руках. Зачем? Ради чего? С какой целью? Ради того, чтобы осуществить в завоёванной стране свои политические принципы. Всеобщий учёт и контроль производимых продуктов, государственную монополию на все виды товаров и их распределение по своему усмотрению. И это было бы полбеды. Но из углубленного прочтения Ленина узнаём, что эти учёт и распределение в свою очередь являются средством, а не целью. Средством к тому, чтобы осуществить всеобщую трудовую повинность в стране, то есть заставить людей принудительно трудиться, заставить их подчиняться воле одного человека – руководителя, диктатора, то есть средством к тому, чтобы все население страны превратить в единый послушный механизм... Зачем? Ради чего? Зачем живых, инициативных, самостоятельных людей превращать в единый, послушный, но зато безмозглый государственный механизм, весь подчиняющийся нажатию одной кнопки?”

Ленин лишь начал это сатанинское глубоко враждебное народу дело, Сталин его завершил в полном соответствии с предшествующими марксистско-ленинскими предначертаниями. Как пишет известный исследователь ленинизма-сталинизма А.Автарханов, “всякий согласится, что Сталина можно обвинить только в том, что он был слишком скрупулёзен в деле выполнения “советской законности”, завещанной Лениным”.

Реальные результаты практики “военного коммунизма” показали, что созданная в нашей стране общественная система и присущая ей экономическая модель оказались неспособными обеспечить достойную жизнь для людей. Всё это вызвало необходимость перехода к НЭПу и на его основе оживить производство,

достичь довоенного уровня. Через много лет подобные же попытки прибегнуть к рыночным механизмам будут неоднократно повторены.

Кроме того, известно, что в качестве образца для пролетарского восстания, строительства социализма в нашей стране на безрыночной и безденежной основе Ленин всегда рассматривал опыт Парижской коммуны 1871 г. При этом всегда умалчивалось о её военно-политическом и экономическом провале. Этот “ценный” опыт вполне пригодился и для полного провала безрыночного “военного коммунизма” в СССР.

Однако важно продолжить анализ генезиса созданных в короткий период “военного коммунизма” основ советской модели экономики (СМЭ).

3. Основные черты советской модели экономики

После вынужденного непродолжительного отступления в период НЭПа (В. Ленин честно заявил о провале политики “военного коммунизма”, после которой была сделана попытка эксперимента в духе “рыночного социализма) большевики с конца 20-х годов вновь вернулись к командно-административной модели, сделав её классической. Правда, для повторного уничтожения рынка в нашей стране, начиная с 1929 г. – года “великого перелома”, надо было не только провести сталинскую индустриализацию и коллективизацию, но и продолжить невиданный в мире геноцид, уничтожив заодно и первое поколение большевиков, так называемых “старых большевиков”, или ленинскую гвардию. Им на смену пришли “новые большевики”. Известный знаток становления тоталитарного режима в СССР П. Струве писал: “Этот строй восторжествовал в результате гражданской войны и утвердился при помощи небывалого террора ... осуществившего “тотальное” истребление реальных потенциальных противников нового режима”.

К концу 20-х годов в государственной собственности была крупная промышленность, весь транспорт, почти вся кредитная система, в частной собственности находились почти всё сельское хозяйство, около $\frac{1}{3}$ промышленности (прежде всего группа “Б”), значительная часть розничной торговли и незначительная часть кредитной системы (общества взаимного кредита). Рынок был завален товарами, производство росло быстрыми темпами, жизненный уровень населения был уже заметно выше, чем в довоенном 1913 г. В политической жизни страны шли острые дискуссии, активно проявляли себя как левый, так и правый уклоны (впоследствии на вопрос, какой уклон хуже, Сталин ответил ставшей знаменитой фразой: “Оба хуже”). Все это не создавало гарантии для абсолютной авторитарной власти И. Сталина и его приспешников. Поэтому волевым порядком был осуществлен перелом власти в направлении возврата к методам и модели “военного коммунизма”, перестройки экономики страны на путях индустриализации и коллективизации. Для первого необходимо было резко усилить хозяйственную вертикаль власти, особенно Госплан, централизованное планирование, для второго – силовые структуры, в частности, НКВД, способные насильственно загнать крестьян в колхозы и совхозы. И то, и другое было не просто шоковой терапией, а чудовищной встряской страны и общества с главной целью – поставить их в полное подчинение, под полный контроль одного ХОЗЯИНА-ДИКТАТОРА, создать в стране тоталитарный, диктаторский режим.

Это была очередная революция сверху, ознаменовавшая переход от революционной диктатуры “старых большевиков” к партийно-бюрократической, личной и идеологической, т.е. к консолидированной диктатуре “новых большевиков”, уже сложившегося сталинского аппарата. Это был сталинский “термидор”, связанный не с развитием рынка или капитализма, а с появлением нового слоя руководителей и хозяев. При этом, как и в годы “военного коммунизма”, использовались чрезвычайные военные и мобилизационные методы принуждения.

Известно, что Сталин не любил интеллигенцию, не уважал умственный труд. Руководил страной железной рукой по принципу главаря бандитской шайки, приближал угодных, уничтожал негодных. Создал гигантскую машину обработки людей в нужном ему духе подчинения и преклонения, насилия над людьми, над личностью. Со временем без идолизации вождя, система, казалось, просто не сможет работать. Работал отрицательный принцип подбора кадров: чем более низки и беспринципны люди, готовые на исполнение любых грязных дел, тем выше пост они занимали. В группах руководителей типичной была круговая порука. Ориентация не на закон или совесть, а на интересы и мнение начальства, на групповые интересы, на личные симпатии, антипатии и взаимные выгоды. Выше всего ставился не профессионализм, а преданность идее, “делу партии и народа”, т.е. интересам вождя, особенно высоко ценилась лояльность. Потенциальные соперники или критики убились решительно.

Славословие вождя, партии, партийной идеологии и “успехов социализма” было всеобщим и ошеломляющим. Сталин был всем: вождем, рулевым, гением всех народов и всех наук, идеей, идеологией, вашим личным советником и спасителем, т.е. Богом. Съезды, конференции и собрания превратились в массовые зрелищные мероприятия, захватывавшие всю страну. Показные красочные военные и спортивные парады на Красной площади, жизнерадостные и патриотические фильмы и песни стали эмблемой того времени. Но при этом никаких прав у людей не было: ни свободы мысли или выбора, ни на забастовки или политические группировки, ни на критику системы или инакомыслие. А правящая верхушка страны, связанная круговой порукой, постепенно затвердевала и превращалась в неприступную касту, купаясь в неслыханных привилегиях и паразитируя на ничего не понимающем народе.

Было ли что-либо подобное в истории? С такой силой, размахом и в масштабах такого народа и такой страны – конечно, нет. КГБ – прямой наследник ВЧК — превратился не только в личную гвардию вождя, в

главный орган и инструмент террора, но и в составную часть всей политической власти, в её особый теневой кабинет. Воля и разум миллионов людей были либо раздавлены, либо пущены в нужное правителям руло. Оглотелая партийная пропаганда оболванивала людей, как хотела, библиотеки очищались от неугодной литературы.

Всё это примеры насильственной большевистской коммунизации страны на основе, как мы видели, марксистско-ленинской теории и идеологии. Личность и совесть были не нужны. Нужны были иные, “современные” качества – послушание, дисциплинированность, безусловное выполнение указаний сверху. Не Сталин и партия для народа, а народ для них. К тому же народ должен был постоянно славить вождя и партию за “мудрое руководство” и “успехи в строительстве социализма”. Отвергалась как буржуазная и даже высмеивалась как какая-то чуждая идея правового государства, гражданского общества.

В 30-е годы КГБ получил ещё большую власть, став своего рода теневым правительственным кабинетом и огромной машиной по проведению массовых репрессий. Повсюду работали “особые совещания”, “двойки” и “тройки”, специальные присутствия, подписывающие массовые расстрелы. В масштабах огромной страны с разбивкой по областным организациям в КГБ составлялся спускаемый сверху план расстрелов. Ежов, Ягода, Берия стали страшными символами классового геноцида и кровавого фундаментализма.

Пик репрессий пришёлся на 1937 год. 30 июня этого года Нарком внутренних дел СССР Н.Ежов подписал приказ о борьбе с антисоветскими элементами, в котором говорилось: “Перед органами государственной безопасности стоит задача – самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой и подрывной работой против основ советского государства”.

Всё это находило оправдание и поддержку не только в руководстве страны, но и у советских правоведов, которые поэтому автоматически становились не только участниками, но и организаторами преступлений. Вот что говорил, например, Генеральный прокурор СССР А.Вышинский: “...Бывают такие периоды, такие моменты в жизни общества и в жизни нашей, в частности, когда законы оказываются устаревшими и их надо отложить в сторону”. А один из ближайших соратников Сталина, Л.Каганович, очень чётко определил суть созданного в стране общественного устройства: “Мы отвергаем понятие правового государства. Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьёз о правовом государстве и тем более применяет понятие “правовое государство” к Советскому государству, то это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве”.

Советские люди всё это безропотно терпели и в большинстве своём поддерживали. Сопrotивление, конечно, было, но масштаб его был незначительным и, главное, оно подавлялось обычно в самом начале и в самом корне. Настолько тотальной была слежка.

Сопrotивление чаще всего носило не прямой, а косвенный характер. Работали театры и филармонии, ставились порой великолепные классические и современные спектакли и концерты. Чтобы хоть как-то уйти от суровой действительности на работе и в учёбе многие люди, особенно интеллигенция, регулярно ходили на них, получая истинное духовное удовлетворение. Многим это заменяло хождение в церковь.

Широкое распространение, начиная с 60-х годов, получил коллективный туризм. В туристских песнях обычно под гитару, в походах и массовых туристских тусовках молодежь ощущала чувства и атмосферу свободы и человечности, что напрямую не направлялось против социализма или существовавшего режима в стране, но всё же было противно им. Это подрывало режим и власть изнутри.

В публицистических и литературных выступлениях советских писателей появлялись произведения, так или иначе противостоящие духовным и идеологическим партийным постулатам. Сначала – это Ахматова и Зощенко, затем Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Окуджава, Черниченко, Шатров и др. Их публикации советская интеллигенция ожидала с нетерпением и встречала с искренним восторгом.

Но более прямая критика советского тоталитаризма содержалась в ряде произведений советской симфонической музыки. Так, великий Д.Шостакович в своей знаменитой 7-й симфонии нарисовал образ не только фашистского нашествия, но и советского тоталитаризма. В своей 9-й симфонии он дал музыкальный портрет Сталина. А другой музыкальный гений, С.Прокофьев, в своей симфонии для виолончели с оркестром цитирует в нелепо искажённом виде известную песню о Сталине (“Горный орел”).

Однако не это было главным при реальном социализме. Масштабы расправ и репрессий не поддаются какому-либо определению. Практиковались регулярные чистки среди членов партии, работников управленческих организаций и т.д. По существу всё это было продолжением гражданской войны, развязанной большевиками, их беспощадной войной с собственным народом, который этого не понимал. Но из своего чрева он выдал огромную армию доносителей и палачей, которые тоже считали себя строителями социализма.

Выступая на XIV съезде партии в 1925 г., секретарь Центральной контрольной комиссии говорил: “... Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, т.е. смотреть и доносить... Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доноительства, а от недоносительства... Можно быть прекрасными друзьями, но раз мы начинаем расходиться в политике, мы вынуждены не только рвать нашу дружбу, но идти

дальше – идти на доносительство”.

Всё это несомненные признаки разращения и порчи нации, народа и страны. И мы, сегодняшние дети этого прошлого, заражены неизбежно и невольно многими микробами “реального социализма”.

В отличие от Ленина, Сталин менее всего был похож на революционера и на теоретика социализма. Он был прежде всего аппаратчиком, бюрократам-консерватором, реакционером аракчеевского типа. Он и формировал слой “новых большевиков”, весьма отличных от большевиков ленинской закалки. Аресты, убийства, преследования и ложь стали нормой.

Никогда человеческая жизнь не ценилась так дешево, никогда и нигде человек не был так обезличен, унижен и пригнут к земле. Люди резко переменялись: появилось не только тотальное послушничество, но и заботность, покорность и безысходность. Власть сознательно культивировала в народе комплекс рабов, послушных винтиков. Но это лишь с одной стороны. С другой стороны, появились молодые активисты, всякого рода “передовики”, по которым всем остальным следовало равняться. Напористые и энергичные, они не руководствовались принципами морали, они кричали на всех собраниях, поддерживая существующий режим и преследуя лишь одну цель – сделать себе карьеру, занять руководящий пост, быть во власти.

При этом не формальным, а реальным собственником всей страны и всего народа стал Сталин, реальными собственниками средств производства в стране стали и новая, подчиненная ему, советская номенклатура, особенно высшие партийные и министерские чиновники, а также директора заводов. Они распоряжались всем и вся, делали всё, что хотели, став эксплуататорами своего народа. Они, по существу, и поделили между собой всю советскую экономику.

Свой план захвата единоличной власти Сталин стал осуществлять вскоре после назначения генеральным секретарем ВКП(б) на 11-^{ом} съезде партии (1922 г.). Он сразу понял, что тот, кто будет управлять партийным и советским аппаратом, тот и будет реально править партией и страной. И к этой цели он шёл медленно, но верно, проявив несокрушимую волю и энергию, удивительную изворотливость и хитрость, не пренебрегая ничем. По существу Сталин, как и Ленин, осуществил свою революцию, отказался от старых кадров, подготовил свои более надежные, сначала отбросил, а затем и ликвидировал оппозицию, построил собственный военный коммунизм.

В стране с широким размахом создавался культ личности единоличного руководителя страны, её хозяина – И.В.Сталина. Однако культ личности Сталина породил миллионы культов и культиков личности во всей иерархии власти, особенно номенклатурной. Начальники всех уровней стали рассматриваться как высший слой общества, считалось, что они не только способны грамотно управлять делом, но и заботиться о своих подчиненных, предвидеть перспективы. Народу внушалось, что начальники ведут его правильной дорогой, постоянно думая о нём, как старший брат о младшем. К начальникам и их должностям внушались преданность и беззаветная любовь. Всё это должно было отражать “единство партии и народа” (ибо, чтобы стать начальником, надо было быть членом партии), стабильность внутривластной обстановки в стране. Но начальство часто менялось и даже объявлялось предателями, вредителями и шпионами, на их место приходили другие, ещё более “правильные”. И народ подобострастно принимал и их. Бюрократический аппарат сохранял свою силу и власть. Угодничество и подобострастие, моральное разложение также сохранялись. И лишь после XX съезда КПСС и известного доклада Н.С.Хрущёва о разоблачении культа личности Сталина народ начал кое-что понимать в сути “нового передового строя”.

Большую роль в новом социалистическом строительстве играло централизованное планирование. С самого начала планы носили директивный характер и содержали явно завышенные задания, которые и не могли быть выполнены. Однако тут же была введена система постоянной фальсификации всей отчетности на базе так называемых сопоставимых цен 1926/27 г., включая практику приписок в “социалистическом соревновании”, которая позволяла постоянно “рапортовать” о достигнутых успехах. Объём отчетной продукции вздувался и за счет оценки новой продукции в ценах освоения, включения в итог потерь и других факторов. В целом темпы роста промышленного производства в 30-х годах завышались более чем в 2 раза, национального дохода – почти в 2 раза. Как сказал великий поэт, поистине “тьмы низких истин нам дороже, нас возвышающий обман”. ЦСУ СССР подтасовывало цифры, и все были довольны: верхи тем, как успешно они всем руководят, низы тем, как хорошо и счастливо они живут, особенно на мрачном фоне западной действительности.

Статистические органы страны, как и все иные советские ведомства, ориентировались на интересы правящей клики, предвидели и предвосхищали настроения и мнения своих руководителей и умело старались им угодать. При этом широкомасштабный поток угодничества и корыстолюбия снизу порождал эффект незнания истинного положения дел в стране у её правящей верхушки.

Как свидетельствует академик Н.Петраков, советские руководители жили под информационным колпаком и не знали многих реалий. “Этот информационный колпак, под которым постоянно находились почти все руководители нашей страны, это нежелание узнать правду, реальное положение вещей... характерно вообще для политического строя, созданного большевиками. “Если факты противоречат теории, тем хуже для фактов” – это позиция, восходящая ещё к ленинским временам. Точно так же вёл себя и Сталин, затем Хрущёв

и Брежнев. Правду скрывали от народа, но парадокс заключается в том, что правду скрывали и от самих себя. Информационные фильтры ставились на пути руководителя с тем, чтобы он получал ту информацию, которая ему приятна. Постепенно это стало нормой поведения как раз тех служб, которые обязаны чётко информировать руководство о происходящих событиях”.

Критерием оценки при социализме стало не удовлетворение конкретного спроса, не оптимальное использование ресурсов, а выполнение и перевыполнение спускаемых сверху планов, точнее мнение начальства на этот счет. Приоритет наращивания валовой продукции, ее количества, темпов роста вообще, т.е. экстенсивного типа производства, насаждался сверху, всячески поощрялись и поддерживались стахановские, изотовские и иные движения рекордсменов, которым создавались тепличные условия, чтобы потом объявить их примером или образцом для подражания.

Приоритет получала тяжелая промышленность. Более 90% промышленных капиталовложений направлялось в группу А, доля ее стала быстро расти. При этом строились предприятия не оптимальных, а прежде всего крупных и даже гигантских размеров, многие из них были плохо управляемыми нерыночными монстрами, но зато их было легче держать под контролем из центра.

Специально был придуман (ссылаясь на известную работу В.И.Ленина) “закон преимущественного роста производства средств производства”, согласно которому везде и всегда темпы роста производства машин и сырья должны обгонять темпы роста производства предметов потребления. Для Сталина сталь поэтому стала конечным и приоритетным продуктом, а хлеб – промежуточным и не столь уж важным. Личное потребление населения, вся социальная сфера общества существовали и развивались исключительно по остаточному принципу финансирования.

Прибыль, рыночные отношения спроса и предложения рассматривались как пережитки капитализма, которые со временем должны себя изжить и исчезнуть. Цены на продукцию устанавливались административным путем, причем искусственно занижались цены на продукцию именно тяжелой промышленности для стимулирования спроса на нее. С ликвидацией НЭПа сразу же возник дефицит товаров народного потребления и уже в 1928 г. были введены карточки: сначала на хлеб, затем на сахар и ряд других продовольственных товаров. В 1931 г. на карточки стали продаваться и многие промышленные товары. Люди стали покупать не то, что им нужно, а то, что есть в продаже. Широкомасштабная индустриализация вызвала невиданный приток малоквалифицированной рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, качество выпускаемой продукции не шло ни в какое сравнение с конкурентоспособной продукцией в странах с рыночной экономикой.

С началом индустриализации в стране был введен механизм “ножниц цен”, в соответствии с которым административно назначаемые цены на промышленные товары для села и сельского хозяйства росли, а цены на сельскохозяйственные продукты снижались. За счёт крестьян проводилась широкомасштабная индустриализация, строились гигантские заводы, крестьянин трудился всё больше, но получал всё меньше.

Одновременно раскручивалась и инфляция. Так, в 1930 г. денежная масса в стране увеличилась на 45%, что было вдвое больше прироста производства промышленных изделий потребительского назначения. В результате, крестьяне отказывались продавать зерно и другие сельскохозяйственные продукты государству, за что и были ликвидированы Сталиным, как класс.

На этом фоне на селе развернулась гигантская по своему размаху насильственная коллективизация 25 млн. крестьянских хозяйств (“эта зверская затея”, как говорил Б.Бруцкус), придуманная и разработанная ещё раньше Л.Троцким. Крестьяне на деле лишались своего единственного преимущества, заключавшегося в личной заинтересованности в результатах своего труда, привязанности к своему земельному наделу. И поскольку крестьяне оказали сопротивление, стали резать скот (потери крупного рогатого скота за годы коллективизации составили свыше 16 млн. голов), против них были использованы, помимо общего административного давления, ещё два рычага прямого геноцида: раскулачивание и искусственная организация голода в 1932 и 1933 гг.(повторения голода 1921-1922 гг., спровоцированного политикой “военного коммунизма”). Создание социалистических государственных латифундий в сельском хозяйстве сразу же гарантировало снабжение хлебом государства (в самих колхозах оплата труда до 1966 г. производилась в натуре, т.е. в трудоднях), хотя урожайность зерна пшеницы практически не превышала уровень 1913 г. (8 ц. с га). Заработали планы заготовок сельхозпродуктов (ностальгическое воспоминание о продрозверстке) и радостные рапорта об их выполнении и перевыполнении. Колхозы и лагеря конкретно воплощали в себе старые идеи большевиков о трудовых армиях. В процессе раскулачивания было изгнано на поселение (“лишенцы”) или отправлено в ГУЛАГ (“зэки”) не менее 5 млн. самых работающих и квалифицированных крестьян. Вместе с акциями по организации голода это привело к гибели примерно 10 млн. человек, при вполне достаточном урожае и значительном экспорте зерна.

Как свидетельствует Л.Троцкий, в самый разгар сплошной коллективизации и голода в деревне жена Сталина, Н.Аллилуева, видимо, под влиянием своего отца, настаивала на необходимости перемены политики в деревне. Кроме того, мать Аллилуевой, тесно связанная с деревней, постоянно рассказывала ей о тех ужасах,

которые там творятся. Н.Аллилуева говорила об этом Сталину, который запретил ей встречаться с матерью и принимать ее в Кремле. Аллилуева встречалась с ней в городе, и настроения ее все укреплялись. Однажды на вечеринке, не то у Ворошилова, не то у Горького, Н.Аллилуева осмелилась выступить против Сталина, и он публично обложил ее матом. Придя домой, она покончила с собой.

Индустриализация и коллективизация привели к запланированному расширению государственной собственности, социализации (коммунизации) экономики, дали в руки руководства страны невиданные доселе ресурсы и возможности делать так, как оно считает нужным. На базе советской модели экономики (СМЭ) в стране была создана мощная материально-техническая база, основанная на сверхмонополизме и сверхконцентрации производства и управления в руках министерств, Госплана и прежде всего ЦК ВКП(б), на предприятиях-гигантах в промышленности и агрофабриках в виде колхозов и совхозов в сельском хозяйстве. Всё это наследство потом станет почти непреодолимым препятствием для всех попыток реальных рыночных преобразований.

Тем не менее не приходится забывать, что эта гигантская концентрация власти в одних руках дополнялась ещё одним важным элементом – расширением функций органов безопасности, НКВД, созданием всесоюзной “устрашилки” – ГУЛАГа, куда отправляли всех недовольных или потенциально несогласных. НКВД имел свои ячейки или своих представителей во всех управленческих структурах, во всех более или менее значимых субъектах общественной жизни страны, осуществляя тотальную слежку за людьми. В концлагерях и тюрьмах за годы советской власти погибло не менее 20 млн. человек. А это значит, что значительная часть советского общества состояла из людей, которые доносили, обвиняли, допрашивали, судили, сажали, охраняли, этапировали и расстреливали миллионы невинных людей, т.е. соучаствовали в преступлениях. И за всё это ответственность несёт не только Сталин и партия, но и всё общество, весь народ.

В 1936 г. на фоне всех этих преступлений и тотального правового беспредела в стране была принята весьма демократическая Конституция, которая не имела никакого отношения к реальной действительности.

А в Германии в это время набирал силу фашизм. По своему смыслу и духу сталинизм, а точнее весь наш реальный социализм, начиная с Ленина, был предтечей, а потом и в тесной связи с развитием фашизма. Когда ещё Гитлер не был у власти в Германии и фашизм реально победил только в Италии, наш старый русский политик В.Шульгин написал (1926 г.), что “фашизм и коммунизм (ленинизм) два родных брата”. Именно этим объясняется трогательная любовь Сталина к Гитлеру в 30-е годы, его вера в надёжность и союзничество последнего для нашей страны. Именно Сталин, ВКП(б) и Коминтерн в начале 30-х годов активно выступали против объединения всех антифашистских сил в Германии. Немецкие социал-демократы – главные противники Гитлера – были объявлены “социал-фашистами”, правоуклонистами и главной опасностью в развитии прогрессивных общественных процессов в Германии, что и освободило фашистам и их вождю Гитлеру дорогу к власти в 1933 г.

На деле же коммунизм, или “реальный социализм”, оказался намного хуже фашизма. Известный разведчик и писатель М.Любимов полагает, например, что “сталинские “органы” в известном смысле перещеголяли гестапо: последнее в основном расправлялось с “чужаками” – евреями, славянами и прочими неарийцами, чекисты же пропускали через мясорубку свой собственный народ и преуспели в этом”. По имеющимся сводным данным, жертвами государственных репрессий и терроризма с октября 1917 по 1959 г. стали 66,7 млн. человек. Это, так сказать, прямые потери. Если же учесть и потери косвенные (неродившиеся дети), то эта цифра перевалит за 100 млн. человек. Академик Н.Петраков всё социалистическое строительство в СССР оценивает, как “экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней”. Именно эти слова стали подзаголовком его известной книги “Русская рулетка”.

Упор на тяжелую промышленность в процессе индустриализации страны был неразрывно связан с милитаризацией экономики, с подготовкой к будущей войне с перспективой ее перерастания в мировую революцию – главную цель большевизма. Строились тракторные заводы, готовые выпускать не только трактора, но и танки, получило серьезное развитие самолетостроение, производство обычного стрелкового оружия. Начало второй мировой войны Советский Союз встретил по существу в рядах гитлеровской коалиции, став союзником фашистской Германии. Пакт Молотова-Риббентропа от 23 августа 1939 г. создавал надежный тыл для нападения Германии на Польшу, а затем её войне с Францией и Великобританией. Существует мнение, что без советских поставок Гитлер вообще вряд ли бы начал войну в 1939 г.

Начиная с февраля 1940 г., когда между Москвой и Берлином было подписано торговое соглашение, одной только нефти СССР продал Германии 1 млн. тонн. Но, кроме того, поставлялись черные металлы, хром, марганец, фосфаты, медь, олово, никель, каучук, а также пшеница и соевые бобы. СССР в значительной мере свёл на нет и эффект от морской блокады Германии и, кроме того, закупал для неё сырьё в третьих странах. Сталин хотел перехитрить Гитлера и направить Германию на войну с Францией и Великобританией, тем самым ослабив систему капитализма. На этом пути ему виделись радужные перспективы для мировой революции. Но он жестоко просчитался: гитлеровская Германия в конце концов напала на Советский Союз.

Тем не менее производство в стране росло, жизненный уровень населения после снижения в начале 30-х гг. стал повышаться, и перед войной плановая система обеспечивала довольно сносную реальную зарплату, сносный (без излишков и экстравагантностей) товарный набор для семьи, что вместе с отсутствием безработицы, бесплатностью образования, медицинского обслуживания и другими сферами общественного потребления создавало у большинства людей впечатление достигнутого достатка и чувство удовлетворения.

Похоже, что правители были вполне удовлетворены тем, что многие советские люди на их глазах превращались в послушных, счастливых и обманутых иллюзиями идиотов. Они были подвергнуты всеобщему идеологическому и властному гипнозу харизматического лидера, отвечали ему верностью и послушанием, боялись отступить от правил и поплатиться за это суровым наказанием, принимали повседневный контроль над собой и поддерживали новую (“самую передовую в мире”) власть, живя по существу в уравнилельной нищете, полагая, что это вполне достойный уровень жизни.

Надо признать: народ в большинстве своём поддерживал Сталина и созданный им режим, подобно тому, как он поддерживал большевиков в годы гражданской войны. Этот режим в социальном плане опирался на поддержку беднейших слоёв населения, на люмпенов, питавших иллюзии по поводу получения для себя каких-то благ за счёт богатых. Им импонировали простые лозунги, бесплатность образования и здравоохранения, а уничтожение бывших буржуев, кулаков, лавочников, ремесленников и интеллигенции не воспринималось ими как преступление, скорее, как справедливость. Из простых людей к тому же вербовались и послушные начальники, инженеры, преподаватели, учёные. А общий уровень жизни был сер и беден. Лишь через несколько лет миллионы советских солдат и офицеров побывают как победители в Германии, в странах Восточной Европы и воочию убедятся, что советские стандарты экономической и человеческой жизни на порядок ниже капиталистических, в том числе на примере фашистской Германии. И через много-много лет писатель А.Приставкин скажет и спросит нас: “Давайте-ка прежде всего, родимые, всенародно покаемся. Сколь много мы помогли, когда избивали на наших глазах праведных, ну хоть того же Сахарова, да и просто честных граждан? Писали ли мы письма протеста? Выходили ли на улицу, чтобы защитить слабых?”

В то же время с самого первого своего шага советская модель экономики заработала не только как модель экстенсивного экономического роста, но и как классическая модель ресурсопожирания. Она, как молах, требовала все больше и больше рабочей силы, земли, сырья, основных фондов, капвложений, денег, наконец. Началось все со строительства крупных и даже гигантских предприятий, расширения промышленности на Восток, затем к этому добавилось освоение целины, новых нефте-и газосносных месторождений и кончилось массивированным импортом зерна и огромным заимствованием средств у Запада.

Для своего существования советская экономика требовала опережающих темпов роста капвложений и основных фондов. В результате всегда росли капиталоемкость и фондоемкость производства, первое подразделение общественного производства и группа А промышленности обгоняли в своем развитии второе подразделение и группу Б промышленности. В течение большей части экономической истории СССР норма накопления росла и достигла 40% национального дохода страны, чего не было и не могло быть в мире. Материалоемкость производства была столь высока, что любые сравнения со странами с рыночной экономикой оказывались попросту одиозными. Так, по расчётам, проведенным в ИМЭМО, даже в 80-х годах оказывалось, что СССР потреблял сырья и энергии в расчете на единицу конечной продукции в 1,6-2,1 раза больше, чем США. Производственный аппарат страны рос количественно, но насыщался низкопроизводительными станками и быстро устаревал, что вело к снижению его производительности в расчете на единицу станочного парка или выпуска продукции.

В начале 60-х годов еще сохранялась эйфория по поводу наших возможностей в области научно-технического прогресса (НТП), но затем эффективность НТП в СССР стала постоянно снижаться, что начало отражаться даже на техническом уровне военной техники. Сельское хозяйство, которое в 30-е годы официально считалось чуть ли не самым механизированным и передовым в мире, оказалось в принципе неспособным прокормить свой народ. Начался растущий импорт зерна (в обмен на растущий экспорт нефти и газа), достигший к середине 80-х гг. 44 млн.т. в год. Крупные заимствования валюты на Западе при М.Горбачёве довели внешний долг страны до 80 млрд. долл. Экономическая система СССР достигла своей полной несостоятельности и развалилась. Но вернемся к анализу процесса формирования советской модели экономики.

Индустриализация и коллективизация в СССР сопровождалась расширением и укреплением управленческого аппарата, созданием большевистской элиты послеленинского поколения – советской номенклатуры. Ядром номенклатуры стали руководящие работники партаппарата, но в неё входили и руководящие работники хозяйственных, военных и общественных организаций, к которым присоединились органы НКВД. Общая численность советской номенклатуры, ставшей на деле эксплуататорским классом, не превышала 2 млн. человек. Эта социальная группа имела невиданные привилегии за государственный счёт, особенно в части использования общественных фондов потребления – квартиры, дачи, автомобили с шофёрами, санатории, поликлиники, больницы, конверты с деньгами помимо зарплаты, продуктовые пайки в

спецраспределителях (“кормушках”) и т.д. Она имела доступ к специальной информации, поездкам за границу за государственный счёт и т.д.

Помятуя сталинский лозунг “Кадры решают всё!”, партия особенно заботилась о социальном клонировании, воспроизводстве советской номенклатуры. Для этого были созданы специальные школы и даже академии. “Начальники” часто были весьма похожи друг на друга в одежде, в манере разговора и общении с людьми, в умении “быть на высоте” и т.д.

В социальном отношении строй, созданный Сталиным, опирался на олигархическую номенклатурную верхушку общества (до 2 млн. человек), которая не стояла в очередях, была хорошо обеспечена. Далее шли 20-25 млн. человек, занимавших среднюю прослойку, и свыше 150 млн. человек – обычный люд, который нещадно эксплуатировался. Разрыв между реальными доходами представителей первой и третьей группы достигал 60 раз, а если из последней взять жителей ГУЛАГа, то многие сотни раз. Одновременно в ГУЛАГе находилось до 15 млн. человек. Поэтому говорить, по большому счету, о преодолении социального неравенства при социализме не приходится. На деле оно многократно возросло.

Яркую характеристику советского чиновничества дал Л.Троцкий. Ещё в 1932 г. он писал: (Советский) “чиновник меньше всего похож на бесплотного духа. Он ест, пьёт, размножается и заводит себе изрядный живот. Он командует зычным голосом, подбирает снизу верных людей, соблюдает верность начальству, запрещает себя критиковать и в этом видит самую суть генеральной линии. Таких чиновников несколько миллионов, — несколько миллионов! – больше, чем промышленных рабочих в период Октябрьской революции. Большинство этих чиновников никогда не участвовали в классовой борьбе, связанной с жертвами и опасностями. Эти люди в преобладающей массе своей политически родились уже в качестве правящего слоя. За их спиной стоит государственная власть. Она обеспечивает их существование, значительно поднимая их над окружающей массой. Они не знают опасности безработицы, если умеют держать руки по швам. Самые грубые ошибки им прощаются, если они согласны выполнить в нужную минуту роль козла отпущения, сняв ответственность с ближайшего начальства”.

Скажу более: советская номенклатура лишь прикрывалась марксизмом-ленинизмом, как фиговым листком. На деле же она преследовала максимальное удовлетворение своих постоянно растущих и очень конкретных личных потребностей, которые, как оказывалось, были практически безграничны. Огромная страна с огромным потенциалом и работала на них, на укрепление их власти и благополучия.

К этому следует добавить, что советская номенклатура отличалась низкой культурой, низким уровнем образования и интеллектуального развития. Школы рабочей молодёжи, рабфаки, коммунистические университеты готовили “идейно подготовленных”, но малообразованных специалистов и управленцев. Образовательщина, полуинтеллигентность, малокультурность, маловоспитанность и другие “прелести” стали типичными чертами советской номенклатуры. Прав Н.Шмелёв, который пишет: “Режим создавали люмпены. Кого ни возьми, у лидера заочное образование, у других – ветеринарное училище, как у Орджоникидзе или Поскрёбышева. Общий образ – недоучка. Судите по результату, а не числу написанных книг. Не случайно первый удар они нанесли по высоколобам, по тем, кто мог противостоять им в силу образования и воспитания”.

Достаточно ёмкую и оригинальную характеристику советской правящей элиты даёт академик Н.Петраков, знающий её не понаслышке: “Партийный инкубатор большевиков тиражировал руководителей, обладавших одними и теми же чертами.

Их перечень невелик:

- политический инфантилизм, самовнушённое (а затем внушаемое ближайшим окружением) убеждение в знании основных пружин власти, общественного развития локальных и мировых тенденций. Короче – мнимая интеллектуальная самодостаточность;
- барское отношение к своим соратникам и сотрудникам, атрофия понимания различия между слугой и государственным служащим;
- информационная замкнутость, зависимость от целенаправленно фильтруемой информации;
- физическая зависимость от спецслужб, постепенно трансформирующаяся в потерю чувства политического самосохранения;
- нарастающее презрение к общественному мнению;
- фетиш демагогии, как орудия власти над массами”.

А в сфере культуры, литературы и искусства шли свои разрушительные процессы.

На протяжении 20-х годов в советской литературе и искусстве господствовал плюрализм, существовали и соревновались между собой разные творческие подходы и направления. Поражало обилие творческих индивидуальностей и талантов. Но уже с конца этого десятилетия (1928 и 1929 гг.) началось партийное наступление на свободу творчества, прямое вмешательство руководства страны в жизнь и деятельность советских писателей, музыкантов, художников. Была поставлена прямая задача: партия выдаёт специальный

заказ, а деятели литературы, культуры и искусства должны его выполнять. Партия напрямую руководит творческими работниками, последние должны подчиняться.

Прямым административным вмешательством в литературный процесс стала повседневная работа Главлита, Главреперткома, государственных издательств и т.д.

Сталин поставил задачу перевоспитать писателей и художников, заставить их служить новому строю, новым хозяевам страны. В литературе главным проводником такой линии в конце 20-х годов становится РАПП, запрещены или самораспустились все иные группы и литературные течения (“Леф”, ЛЦК и др.), которые процветали в прежние годы. Начались кампании по проработке известных писателей, стремившихся сохранить свою свободу. Они были направлены, в частности, против М.Булгакова, Е.Замятина, Б.Пильняка.

В обществе утверждалось представление о творческом процессе, как о якобы постоянно нуждающемся в опеке, в указаниях и контроле сверху. Эта тенденция развивалась и контроль ужесточался. В 1932 г. РАПП был ликвидирован и затем заменен Союзом советских писателей, ставшим своеобразной казармой и даже ГУЛАГом для нескольких поколений советских писателей. Союз советских писателей “внедрял” социалистический реализм, “воспитывал” своих членов, исключал из своей организации. А в стране всё ужесточался режим нескончаемых гонений и арестов неугодных.

Итак, покончив с оппозицией и упрятав в ГУЛАГ всех потенциально непокорных, Сталин стал абсолютным диктатором и властителем огромной страны, всего, что в ней находилось. Повсюду и во всем интересы вождя и новой советской элиты отождествлялись с государственными интересами. Культ вождя, который берёт на себя ответственность по созданию передового общественного строя, ведёт народ к светлому будущему, которое обеспечит ему процветание, обеспечивает защиту от врагов и т.д., т.е. культ отца нации, стал со временем гражданской религией, одним из устоев “реального социализма” в стране. При этом коммунистическую партию, или партию большевиков, Сталин рассматривал как орден меченосцев, орудие укрепления своей власти и реализации коммунистических идеалов.

В беседе с представителем КПГ В.Герцогом еще в феврале 1925 г. он говорил, что партия должна рассматривать себя, “как высшую форму классового объединения пролетариата, призванную руководить всеми остальными формами пролетарских организаций ... (При этом необходимо), чтобы каждый шаг партии и каждое ее выступление естественно вели к революционизированию масс, к подготовке и воспитанию широких масс рабочего класса в духе революции... чтобы партия умела сочетать в своей работе непримиримую революционность с коренными интересами пролетарской революции... чтобы партия систематически улучшала социальный состав своих организаций и очищала себя от разлагающих оппортунистических элементов ... чтобы партия выработала железную пролетарскую дисциплину, выросшую на основе идейной спаянности, ясности целей движения, единства практических действий...”.

В хозяйственной жизни страны всё возрастающую роль играло директивное централизованное планирование, которое охватывало с каждым годом нарастающее число продуктов, услуг и сфер экономической и иной деятельности. План завязывал в один кулак все производство, всех работников, всех потребителей, определял перспективы развития страны. Не сам человек или его семья стали определять, что ему производить, потреблять, покупать, а план, спущенный сверху. Такое идеалистическое представление о государстве и партии, которые якобы заранее и намного лучше любого жителя страны знают, что ему нужно, сочеталось с другим не менее утопическим представлением о самом человеке, который якобы должен прежде всего преследовать не свои личные интересы, а служить интересам государства и общества, быть чуждым частной собственности и ожидать всеобщего счастья и благополучия в отдаленном коммунистическом будущем. На фоне социальных трудностей в стране и строгостей на производстве утопический коммунистический рай представлялся в предельно розовом свете. При этом плановая экономика, как мы помним, стала опираться не на мелкие и средние предприятия, а на крупные и предельно крупные. Вся экономическая система страны, включая структуру производства и производственного аппарата, механизмы хозяйственных связей, стереотипы поведения людей и т.д. формировались без учёта рыночных ориентиров, а лишь в расчёте на государственное распределение ресурсов и планово-административные целеуказания и контроль.

Всё сказанное дополнялось сплошной идеологизацией науки, образования, производственной и всякой иной деятельности. В соответствии с наукой всех наук – марксизмом-ленинизмом – в основе реального социализма лежит только одна форма собственности, а именно – общественная, или государственная. Что, кому и как производить, решает научно-обоснованный план, составленный самыми грамотными в мире экономистами и плановиками. По какой цене продавать – решают государственные органы ценообразования. Коммерческие банки не нужны, так как все госпредприятия финансируются из госбюджета. В экономике страны преимущественное развитие по плану получает не продукция, нужная людям, а средства производства, особенно тяжелая промышленность.

Достигается якобы гармония в структуре производства, его техническом аппарате и занятости. И целью провозглашалось удовлетворение всех потребностей населения. “Преимущества” плановой системы упрямо

вдалбливались в сознание людей, которым не позволялось подвергать их сомнению. Марксизм-ленинизм превратился в государственную идеологию, в своего рода катехизис с набором обязательных (и часто примитивных) формулировок. Эта “тотальная наука” определяла тем не менее все стороны советской жизни.

Общественные науки вообще были объявлены “партийными науками”, призванными защищать интересы рабочего класса (читай: номенклатуры) и мировой революции. По существу, создавалась система псевдонаук, обслуживающих правителей страны. Сталин особо поощрял многие псевдонауки и многих псевдоучёных. Самыми яркими примерами этого являются Лысенко в биологии, Минц и Федосеев в философии и т.д. Сталин поощрял многочисленные публикации не только поэм, романов и од, восхвалявших его и его дела, но и подобного же рода “научных трудов”. Более того, уже в 30-е годы он сам стал высшим авторитетом в любой отрасли науки и виде искусства.

Образовавшийся дефицит большинства товаров, скрытая инфляция и поразительная неэффективность производства в советские времена, сознательная ложь в статистике, как правило, не подвергались исследованиям и научному обсуждению. Партийная идеология стала большевистской религией, которой должны были служить все граждане страны, включая ученых. А чтобы не было никаких отклонений, была сформирована жесточайшая цензура и проводились гонения на уклонистов и отщепенцев, которые быстро исчезали не только с работы, но и из жизни. Отклики прежних гонений слышны и до сих пор.

Сразу же после войны зародилась иллюзия, что в благодарность за непомерные жертвы и победу в войне Сталин дарует стране демократию и свободу. Однако страх перед возможностью привнесения в СССР заразных идей и примеров из западной жизни, почерпнутых советскими солдатами и офицерами, находившимися в 1945-1948 гг. в странах Европы (по примеру восстания декабристов в 1825 г.), побудил “вождя народов” вновь вернуться к террору.

Подавление первых ощущений возможного пришествия свободы и новой жизни началось уже вскоре после окончания войны. В августе 1946 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Жертвами стали такие удивительные писатели, как М.Зощенко и А.Ахматова. В постановлении говорилось, что эти люди “тянули советскую литературу в болото безыдейности, беспринципности, формализма, низкопоклонства перед гниющей, упадочной буржуазной культурой”. Это постановление в обязательном порядке изучали и одобряли на партийных собраниях, в учебных заведениях по всей стране.

Затем последовали аресты и суды над рядом учёных, убийство Михоэлса, кампания против космополитов и евреев. Но в это же время (январь 1948 г.) было принято ещё одно важное постановление ЦК ВКП(б). Теперь уже по композиторам Мурадели, Шостаковичу и Прокофьеву, которые были объявлены сторонниками “антинародного формалистического направления в музыке, как проявления буржуазного влияния, проповедующего безыдейность, преклонение перед разлагающейся буржуазной культурой Запада”.

В 1948 г. началась кампания лысенковцев, поддержанная лично Сталиным, против “реакционной генетики”. Ещё до войны был арестован и затем погиб в тюрьме гениальный биолог, академик Н.И.Вавилов – главный оппонент Т.Лысенко. Теперь уничтожению подверглось целое направление в науке, многие учёные были изгнаны с работы. В 1949 г. – знаменитое “ленинградское дело”, по которому было расстреляно около 200 человек, в том числе Н.Вознесенский, А.Кузнецов. В 1952 г. – “дело врачей”. В официальном сообщении по этому сфабрикованному делу говорилось, что “органами государственной безопасности... раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза... Шпионы, отравители, убийцы, продавшиеся иностранным разведкам, надев на себя маску профессоров-врачей... используя оказываемое им доверие, творили свое чёрное дело...”.

Это было начало для решения вопроса о массовой депортации евреев в Сибирь, где уже была сформирована Еврейская автономная область. Но смерть тирана помешала осуществить эти замыслы, хотя уже спешно строились новые бараки в ГУЛАГе, заготавливались товарные вагоны, составлялись списки потенциальных “врагов народа”. После смерти Сталина 5 марта 1953 г. уже 4 апреля в газетах появилось официальное сообщение МВД о том, что все обвинения, выдвинутые по “делу врачей”, “являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельны”.

В конце 1952 г. появилась последняя работа Сталина – “Экономические проблемы социализма в СССР”. В ней доказывалось, что товарное производство при социализме – “особого рода” и существует лишь потому, что в экономике СССР ещё не всё было огосударствлено. Где государственная собственность, там нет и не может быть товарного производства. И по мере развития обобществления производства, в частности, перерастания колхозов в совхозы, товарное производство будет заменяться прямым продуктообменом. Такой вывод не оставлял надежд на рост эффективности производства в условиях “реального социализма”.

Теперь можно подойти к определению сути созданной в СССР экономической модели. Эта модель нерыночной, командно-административной экономики, экономики тоталитарного государства со сверхцентрализованным управлением сверху вниз, заменившим собой традиционные горизонтальные рыночные связи. Советская модель экономики включает в себя следующие составляющие элементы:

- однопартийная система с полным контролем со стороны партийных органов всех сторон экономической и социальной жизни страны;
- государственная собственность на средства производства;
- централизованное управление и планирование экономики;
- наличие правящей номенклатуры – чиновников особого советского типа, преданных идее и вышестоящему начальству, готовых на любую “туфту” во имя достижения заданных показателей и удачного рапортования;
- строгая приверженность государственной идеологии и широкая пропаганда “преимуществ и успехов” реального социализма;
- изоляция от всего мира, внешняя торговля на базе государственной монополии.

Власть – это главное дело и главная забота системы реального социализма, которую создал Сталин. Она проводилась в жизнь с помощью четкой и ясной, как в армии, иерархии управленческого аппарата: по партийной линии – Генеральный секретарь, Политбюро, ЦК ВКП(б), республиканские, областные и районные партийные комитеты (все они занимались управлением, в том числе и экономикой, дублируя органы хозяйственного управления), парткомы во всех организациях; по хозяйственной линии – Совмин, Госплан, министерства и предприятия; по линии так называемой безопасности, а точнее тотальной слежки – НКВД (потом МГБ, КГБ), который имел свои ячейки и тайных агентов во всех иных управленческих структурах, во всех без исключения субъектах общественной жизни страны.

Так, лозунг об освобождении трудящихся от эксплуатации капиталом на деле обернулся неизмеримо более жестокой эксплуатацией народа государством и партией. Ведь именно в условиях реального социализма человек зависел от государства и партии буквально во всем – в работе, в образовании, в мышлении, в регламентации образа жизни и частной жизни. Государство – единственный работодатель и инвестор, от него никуда не уйти. Даже обычные человеческие ценности – порядочность, честность – стали рассматриваться через призму классового подхода и большевистских идеалов: порядочно то, что выгодно делу социализма, делу партии и революции во всем мире. Под прикрытием такого подхода можно было красть, убивать, издеваться над людьми, предавать, изгонять из собственных жилищ.

Все три иерархии вертикального централизованного управления были тесно взаимосвязаны. При этом НКВД по заданию партии на деле стал цепным псом руководителей и номенклатуры, следил за тем, что думает и говорит народ, преследовал многих людей не только за их убеждения, но и просто за неосторожно оброненное слово. По существу шёл процесс кегебизации всей страны. Это низшая форма социальной организации общества, для которой самое страшное – это нормальная человеческая жизнь в условиях гласности, реального осуществления прав человека. Это враждебная человеку общественная форма, одна из самых несправедливых в истории человечества.

Создание СМЭ базировалось на ликвидации частной собственности и предпринимательства и создании на их месте чуть ли не всеохватной государственной собственности, огромного бюрократического аппарата управления и планирования. Государственная собственность означала прежде всего её обезличивание, создание атмосферы всеобщей внутренней незаинтересованности и ожиданий указаний от начальства. Замена частных предпринимателей госаппаратом означала переход от экономики конкурентной и инициативной к экономике приказов и послушания. Внутренние, эндогенные, стимулы или побудительные силы были заменены силами внешними, экзогенными, приказными. Росли обезличенные фонды, масштабы неиспользуемых ресурсов, все финансирование осуществлялось из госбюджета, не работали экономические рычаги и стимулы, все стали бегать за “дефицитом”. Производить “дефицит” было очень выгодно.

Аккумулируемые государством огромные финансовые ресурсы направлялись на строительство гигантских предприятий, “строек коммунизма”, на общественные фонды потребления при поддержании средней заработной платы на низком уровне. При этом государственные ресурсы были ориентированы на выпуск продукции, качество и ассортимент которой не получал общественного признания, как это делается на основе рыночного механизма спроса и предложения. Они просто были результатом субъективных командных решений сверху, выдаваемых якобы за решения, имеющие общественно-необходимый характер. Общественная рациональность и экономичность производства также не были присущи СМЭ. Экономическая система социализма не давала никаких сигналов хозяйствующим субъектам, что производить и потреблять, распределение получаемых доходов не зависело от результатов производства и определялось совсем другими факторами.

Верхи такой системы всегда ожидали, что хозяйствующие субъекты будут себя вести так, как предписывают плановые задания и приказы соответствующих министерств и ведомств. Когда же оказывалось, что эти ожидания не оправдываются, то считалось, что виновна не система, а люди. Получалось, что система-то хорошая, а вот люди никуда не годятся.

В нормальных же условиях хозяйство страны двигают внутренние мотивированные предприниматели и менеджеры. Именно они конкретно распоряжаются имеющимися факторами производства и комбинируют их

взаимодействие так, чтобы производить пользующуюся спросом продукцию с наименьшими затратами. Когда спрос на эту продукцию начинает насыщаться, они же должны найти новую, назревающую потребность и вновь рациональные способы её удовлетворения. В числе последних все нарастающую роль приобретают нововведения.

Построенная же у нас СМЭ, вся экономическая и общественная система на деле оказались несостоятельными. Эта модель и эта система исходили из того, что число экзогенно, “телеологически” задаются соответствующие параметры производства и распределения продукции и весь народ существует лишь для того, чтобы производить сталь, уголь, цемент, машины, зерно и другую продукцию, строить новые заводы и фабрики. На деле же и по глубинному смыслу сам экономический механизм должен заинтересовывать людей в производстве и НТП, и люди сами должны решать, где им работать, что производить и покупать, куда девать свои сбережения и иметь ли собственность в качестве гарантии личного благосостояния и свободы.

Следствием созданной в СССР экономической модели стали снижение трудовой мотивации, хищническое отношение к ничьей собственности, развитие теневой экономики, отсутствие органического научно-технического прогресса, растущая зависимость от западных технических новшеств, перенакопление экономики излишками ресурсов труда, капитала и материалов, рост дефицита и т.д. Но самое страшное – это порча людей. Людей такая система делала несамостоятельными, отучала их думать и анализировать, приучала к послушанию и даже холопству, к постоянному ожиданию команды сверху, к безответственности и безынициативности. Наоборот, начальники сплошь и рядом теряли профессионализм, занимались “общим руководством” и всяческим угождением вышестоящим инстанциям, умело приспособлялись к выживанию. Номенклатурные привилегии верхов стимулировали массовый карьеризм, приспособленчество, стремление залезть повыше по социальной лестнице, не считаясь со средствами.

В свою очередь сама номенклатура со временем все больше отходила от своих утопических целеполаганий (“догнать Америку”, построить коммунизм к 1980 г. и т.д.) и все больше сосредотачивалась исключительно на собственных интересах. И Сталин, и созданная им экономическая модель вполне устраивали новую советскую номенклатуру. Но централизованное государственное планирование производства и распределения продукции создало на деле не только самую громоздкую, но и самую неэффективную систему, породившую невиданную расточительность факторов производства и принудительный труд.

Апогеем в демонстрации “преимуществ” сталинской модели экономики стал период брежневизма, или застоя (1964-1982 гг.), когда заложенные в этой модели принципы и административные механизмы стали давать те реальные результаты, которые рано или поздно они и должны были дать.

Это – отторжение всех попыток реальных рыночных реформ и перехода к интенсификации производства. Это – апатия к научно-техническому прогрессу. Это – превращение власти как в центре, так и на местах в узкие группы “единомышленников”, защищающих нетленные “социалистические ценности” Это – неостановимое снижение эффективности производства, темпов его роста, нарастание социального недовольства и зависимости от помощи Запада.

Справедливости ради, надо сказать, что в 60-70ые годы под руководством А.Косыгина были сделаны две важные попытки осуществления рыночных реформ (1965 и 1979 гг.). Много говорилось о переводе государственных предприятий на полный хозрасчёт, о необходимости ориентации производства на такие показатели, как прибыль и рентабельность, о правах предприятий на свободную реализацию сверхплановой продукции и т.д. Однако отраслевые министерства не поступились своей властью и сделали всё, чтобы предприятия не получили слишком много экономической свободы.

Основные идеи косыгинских реформ были реализованы в годы горбачёвской перестройки. Всё это привело к развитию рыночных отношений, интеграции рыночных механизмов в плановую систему и даже к ликвидации Госплана СССР. Однако это не создало настоящего рынка, не привело к отказу от СМЭ, а лишь стимулировало развитие по ложному пути – по пути “рыночного социализма”.

Но не приходится забывать, что попытка Чехословакии в 1968 г. пойти по пути “рыночного социализма”, по пути построения “социализма с человеческим лицом” закончилась крахом. Более того, в связи с событиями в Чехословакии и в СССР прекратились попытки частичных реформ, возникла реальная опасность официальной реабилитации Сталина и его преступлений. Общество находилось в ожидании возврата к прежним дохрущёвским временам.

А ситуация в экономике всё ухудшалась. 70-е годы вновь продемонстрировали неспособность “реального социализма” к трансформации, а его руководителей к проведению реальных реформ, темпы роста производства снижались, социальные проблемы накапливались. Бывший помощник Л.Брежнева А.Черняев вспоминает 80-е годы: “Экономика страны производила совершенно безнадежное впечатление. С продовольствием становилось все хуже и хуже. Особенно ощутимо это было после “олимпийского изобилия”. Очереди удлиннились. Но не было ни сыра, ни муки, ни капусты, ни моркови, ни свеклы, ни картошки. И это в сентябре! Колбасу, как только она появлялась на прилавках, растаскивали иногородние... Что наш “реальный

социализм” погряз в тяжелейшем морально-экономическом кризисе, свидетельствовало такое, казалось, немыслимое с 20-х годов явление, как забастовки”.

Скука, унылость и серость были характерными чертами внутривнутриполитической ситуации в обществе. Делать вид, что работаешь, а также делать вид, что платишь за труд – было обычной практикой на производстве. В стране процветали беспринципность, нетребовательность, всепрощенчество и пустословие. Но при этом продолжалось преследование инакомыслия, диссидентов, церкви и т.д.

Из колхозов уходили последние признаки кооперативных отношений, которые заменялись огосударствлением, превращением колхозов в совхозы, усилением бюрократического командования и ухудшением качества работы. Официально считалось, что колхозная форма собственности является низшей по сравнению с государственной и поскорее надо “стирать грани” между колхозами и совхозами. А колхозники превращались постепенно в наёмных рабочих, все более оторванных от своей земли. Разбазаривание ресурсов и нарастающая неэффективность во всём хозяйстве страны стали нормой повседневной жизни.

Напомню известные факты. Почти $\frac{1}{3}$ урожая уже постоянно и ежегодно уходило в потери, $\frac{1}{3}$ занятой рабочей силы представляла собой скрытую безработицу, т.к. практически не работала, хотя и получала зарплату, размеры теневой экономики достигали 25% ВВП. Приписки выпуска продукции получили широкое распространение и в ряде случаев (например, в Узбекистане) достигали непомерных масштабов. Ненужных товаров, вообще не пользующихся спросом, выпускалось до 25% всего производства. Вот что пишет по этому поводу бывший министр экономики РФ Я.Уринсон: (Советские) “предприятия не умели работать на платёжеспособный спрос. Долгие десятилетия они производили товары только по плану, причем часть этих товаров по плану же и реализовывалась, а другая или шла на склад, или просто уничтожалась. Я долгое время работал в ГВЦ Госплана СССР, и до сих пор помню, как в конце каждого года создавались комиссии, которые делали сводку товаров, подлежащих уничтожению. Цифры достигали фантастических размеров, например, по обуви, по мужским пальто с меховыми воротниками и т.д. Нереализованные запасы свозились в одно место, создавались специальные комиссии из представителей Госплана, ЦСУ, министерств, местных партийных органов и сжигалось, разбивалось, уничтожалось огромное количество разных продуктов. Также всем хорошо известны и имевшие тогда место потери в первую очередь сельхозпродукции. По дороге от поля до стола потребителя терялось около трети урожая. Таким образом, значительная часть товарной массы, как оказывалось, входила в совокупный общественный продукт, учитывалась в его объёмах, но по сути товарной массой не являлась, не имела реальной рыночной цены”.

Примерно половина рабочих в промышленности была занята ручным трудом. Объем незавершенного строительства достигал величины годовых капиталовложений. Размах коррупции и иных злоупотреблений (например, валютных) получил огромные размеры. Многие заводы и даже отрасли были планово-убыточными и сидели на дотациях. Общественные фонды потребления могли существовать только за счёт недооплаты труда в сфере материального производства. Государственные финансы находились в катастрофическом положении.

Но ситуация все ухудшалась. В 1982 г. производительность труда в народном хозяйстве уже была на $\frac{1}{3}$ ниже, чем в среднем в 1966-1976 гг., среднегодовой прирост ВВП в 1975-1985 гг. был равен лишь половине его прироста в 1960-1975 гг., эффективность производства (факторная производительность) в 1981-1985 гг. также была равна 50% от уровня 1975-1980 гг.. С конца 70-х годов по реальному счету началось снижение объемов производимого ВВП, которое продолжалось практически более 20 лет, вплоть до 1999 г. Советская система и СМЭ постепенно превращались в орудие самосохранения и обеспечения собственной стабильности. И похоже, Запад понял, что “реальный социализм” умирает своей естественной смертью.

В годы горбачёвской перестройки также не удалось преодолеть неблагоприятных тенденций, связанных с угасанием советской экономики. Вот что пишет об этом периоде бывший соратник Б.Н.Ельцина М.Полторанин: “В принципе мы, как и шестидесятники, не стремились к радикальной революции: всё к чёрту снести, все основы социализма разрушить. Нет, мы говорили, что есть базовые принципы и нужно их держать, но эти базовые принципы надо очистить от шелухи, коросты, которые покрыли здоровое тело партии за десятилетия. Ведь ни для кого не секрет, что процветали коррупция, кумовство, клановость. Шутка шуткой, а в ней была правда, когда говорили, что партийные работники начали построение коммунизма каждый персонально для себя”.

В годы “реального социализма” при правлении Л.Брежнева советская экономика почти уже и не работала, проблемы не решались, бесхозяйственность и коррупция правящих кругов расцветали пышным цветом. Атмосфера безответственности и вседозволенности, самовосхваления и торжества посредственности стала обычной чертой “социалистического образа жизни”.

Парадокс в том, что марксизм учил тому, что развитие производительных сил является мотором общественного и экономического прогресса, но на деле он привёл к формированию тоталитарной экономической модели без конкуренции и рынка, без мотивации к труду и НТП. Марксизм учил и тому, что мелкие предприятия постепенно исчезают и остаются лишь крупные и крупнейшие, как наиболее

эффективные. Многие советские экономисты обращали внимание на чрезмерно большой, далекий от оптимального размер промышленных предприятий. Так, по последним данным в 1996 г. из 5885 видов машиностроительной продукции 5120, или 87%, выпускались одним производителем; из всей номенклатуры продукции 30-40% её видов производилось только одним предприятием или объединением; средний размер промышленного предприятия был в 10 раз больше, чем в США. Крупные предприятия становились все менее управляемыми и более неэффективными, неспособными быстро воспринимать достижения развития науки и техники. Это ещё более усугубляло неэффективность СМЭ. Всё очевиднее становился тот факт, что СМЭ могла работать лишь при крайне неэффективном использовании и перенакоплении всех ресурсов. Лень и имитация работы во многих случаях стали нормой советской трудовой “этики”, а производительный, эффективный и честный труд встречался всё реже и реже.

На базе несрабатываемости экономической модели “реального социализма”, замедления темпов экономического роста и нарастания трудностей в социальной и экономической жизни общества вызревал необратимый процесс широкого социального напряжения, недовольства значительной части советских людей условиями труда и жизни. Как пишет первый заместитель председателя КГБ Ф.Бобков, уже “в конце пятидесятых годов в разных городах вспыхивали волнения по всевозможным поводам. Чаще всего они были направлены против действий милиции, но иногда толпа громила и помещения райкомов и обкомов партии. Потом массовые беспорядки стали возникать чуть ли не каждый год, в них втягивались тысячи людей. Нередко в наведении порядка участвовали подразделения Советской Армии...”

Тем не менее КГБ продолжал оставаться гигантской организацией, огромным оплотом “реального социализма”, созданного в нашей стране. По словам бывшего председателя КГБ В.Бакатина, в 1991 г. численность сотрудников этой организации составляла 720 тыс. человек, включая погранвойска (220 тыс. человек). Это больше, чем в США, больше, чем во всей Западной Европе. КГБ имел свои НИИ, вузы, силы специального назначения – дивизии, диверсионные и особые подразделения типа “Альфа”, “Каскад”, “Зенит”. Но главное, он имел несметную армию тайных осведомителей, так называемых стукачей. По имеющимся оценкам, возможно, 30% взрослого населения страны сотрудничало в этом качестве с КГБ. И когда СССР уже стал разваливаться под влиянием внутренних противоречий, нарастания национально-освободительного движения в республиках, КГБ возглавил подготовку и проведение августовского путча 1991 г., чтобы не дать стране встать на путь свободного экономического и политического развития. Вот что писал бывший гекечепист и Председатель КГБ СССР В.Крючков ещё в декабре 1990 г. в своей докладной записке М.Горбачёву: “С учётом особенностей структуры экономики СССР, невосприимчивости значительной частью граждан даже примитивных форм рыночных отношений требует большой осмотрительности, осторожности и выверенности каждый последующий шаг при решении проблемы перехода к рынку. Расчёт на форсированное внедрение рыночных отношений может обойтись стране непомерно дорого... Анализ сложившейся ситуации требует серьёзного критического осмысления того, насколько адекватны сформулированные почти шесть лет назад понятия демократизации и гласности их нынешнему практическому воплощению. Нельзя не видеть, что на определенном этапе антисоциалистические круги осуществили подмену их содержания, навязывают обществу видение перестройки не как обновления социализма, а как неизбежное возвращение в “русло мировой цивилизации” – капитализма”.

Всё это очень созвучно нынешним настроениям оппозиции реформам в российском обществе, которая не прочь восстановить старую СМЭ. Вспомним, что после неудачного августовского путча в 1991 г., ареста организаторов ГКЧП во главе с реальным его руководителем В.Крючковым и запретом КПСС образовался вакуум на стороне политической оппозиции. Однако постепенно этот вакуум заполнялся новой крепнущей оппозицией сначала во главе с Р.Хасбулатовым, затем Г.Зюгановым.

В годы брежневизма, казалось, что страна совсем утратила силы и способности к развитию. Но советская экономическая наука и особенно партийная пропаганда по-прежнему взахлёб выявляли успехи и преимущества социализма как общественной системы, успехи и преимущества его экономической модели.

К сожалению, советская экономическая наука ни разу не сказала, что выбор сталинской экономической модели для нашей страны был огромной политической и экономической ошибкой. Наибольшее, на что эта наука оказалась способна, уже после смерти Сталина, точнее с начала 60-х годов, – предлагать эту модель по-разному корректировать, улучшать, совершенствовать, насыщая какими-то элементами рынка, и направлять в сторону формирования так называемого “рыночного социализма”. Эта наука никогда не предлагала сложившуюся при Сталине экономическую модель разрушить или отказаться от неё, что предлагали в 60-80-е годы отдельные польские и венгерские экономисты. Права академик Т.Заславская, когда отметила, что советская экономическая наука “оказалась бессильной понять подлинную природу советского общества, закономерности и механизм его развития, чрезмерно идеологизированное общественное сознание во многом утратило способность к критике, перестало отличать ложь от истины, стало очень консервативным”. И не менее прав академик С.Шаталин, который также честно признал, что “многие наши представления о социалистической экономике, её неотъемлемых чертах были попросту ложными. Их следует пересмотреть”.

Речь идёт о “научном” приукрашивании образа социализма и его экономики, столь типичном для советской экономической науки.

Советская экономическая наука, кроме того, имела прямую установку на укрепление культа личности любого очередного генсека в партии и вождя в стране, на развитие и пропаганду марксистско-ленинской идеологии. В результате и Ленин, и Сталин стали у нас религиозными символами, вездесущими и бессмертными образами, которые живы и до сих пор. Они выполняют свою роль, влияют на значительную часть нашего общества, как образы отцов-покровителей, защитников простых людей и т.д. Этот “призрак коммунизма” тоже нуждается в глубокой научной оценке.

И это все происходило даже тогда, когда вокруг нас в странах Запада уже шла научно-техническая революция, рыночная система поднялась на очень высокий уровень, став базой значительного повышения жизненного уровня людей, ускорения разработок новой техники, развития интеграционных процессов, а в таких социалистических странах, как Венгрия и Югославия (потом к ним присоединилась Польша), начали с упоением строить “рыночный социализм” (“гуляш-социализм”, как потом определяют те же венгры), от которого они затем отказались. Но наша советская экономическая наука явно плелась в хвосте этих объективных процессов и порой принципиально противилась им.

А между тем именно советская экономическая практика, в период НЭПа уже в 20-30-е годы породила на Западе, несмотря на его принципиальное отторжение социализма, поток идей, получивших потом оформление в виде концепции “рыночного социализма”. Одним из основателей этой концепции стал известный польский экономист О.Ланге, выпустивший в середине 30-х годов ряд работ по этому вопросу. Против него уже тогда резко выступили Л.Мизес и Ф.Хайек.

О.Ланге считал, что при социализме государство может устанавливать равновесные цены, использовать рыночные механизмы, в частности, самоокупаемость. В СССР в то время об этом не было и речи, а если кто и заикался, например, о хозрасчете, то его немедленно убрали. Но после войны польские, венгерские и югославские экономисты стали активно развивать идеи Ланге, они получили отражение в хозяйственном управлении их стран и перекочевали в СССР. Тем не менее “рыночный социализм” оказался ложной целью и нигде не только не закрепился, но и не сохранился. Жизнь убедительно показала, что “рыночный социализм” – это промежуточность и нестабильность, это пламя и лед, постоянная внутренняя противоречивость. Даже самые ярые сторонники “рыночного социализма” в сегодняшних Польше и Венгрии перешли на сторону концепции реального рынка в условиях смешанной экономики. В нашей же стране эти идеи претерпели расцвет в годы горбачевской перестройки, да и сейчас их сторонников пока еще довольно много. Однако растет число и сторонников “народного капитализма”, эффективного, гибкого с четкой социальной ориентацией.

Тем не менее все, что произошло с нами в советские времена, и октябрьский переворот 1917 г., и “военный коммунизм”, и советский тоталитаризм, начиная с 30-х годов, было предвидено и предсказано, как уже говорилось, многими учёными и политическими деятелями, в частности, Г.В.Плехановым. Еще в июле 1917 г. он писал: “Требуемая Лениным диктатура пролетариата и крестьянства была бы большим несчастьем для нашей страны, так как при нынешних условиях она породила бы анархию... Перспектива гражданской войны должна приводить в содрогание каждого сознательного революционера наших дней... Когда сторонники Ленина начинают гражданскую войну, демократическое большинство обязано защищать свою позицию и своё правительство... Проклятие тем, которые начинают гражданскую войну в эту тяжелую для России минуту”.

В мае 1917 г. он писал: “Не во всякое данное время можно перестроить общество на социалистической основе. Социалистический строй предполагает по крайней мере два непеременимых условия: 1) высокую степень развития производительных сил (так называемой техники); 2) весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении страны. Там, где отсутствуют эти два необходимых условия, не может быть и речи об организации социалистического способа производства. Если бы рабочие попытались организовать его при отсутствии указанных условий, то из их попытки не вышло бы ничего хорошего. Им удалось бы организовать только голод... Неизбежным следствием “организации голода” явился бы жестокий экономический кризис, после которого рабочие оказались бы в положении гораздо более невыгодном, чем то, в котором находились они до своей попытки”.

И теперь по прошествии многих десятилетий, когда реальный социализм отодвинут в угол современной истории, когда он уже практически исчез из современной Европы, потерпел сокрушительное поражение в России, хотя и оставил в ней свои следы, но еще живет в Китае, Северной Корее и на Кубе, следует дать принципиальную оценку предвидению Г.В.Плеханова. Г.Плеханов отмечал у большевиков отход от марксизма, утопизм, ностальгическое стремление к захвату власти, наплевательское отношение к судьбам страны и её народу, анархизм, сектантство, демагогичность и многое, многое другое. Он предупреждал о грядущей катастрофе. И он, а не Ленин и большевики, оказался прав. Он смотрел намного дальше, был мудрее, его прогноз подтвердила сама жизнь.

Итак, та модель хозяйствования, которая была создана в бывшем Советском Союзе, коренным образом отличалась от традиционной рыночной. В отличие от последней, где государство регулирует деятельность

хозяйствующих объектов лишь косвенным путём с помощью кредитно-денежной, финансовой политики, социалистическая, точнее сталинская, модель хозяйствования построена на прямом администрировании, жёсткой централизации управления, что лишает хозяйствующие объекты права и возможности решать, что и когда производить, кому и по какой цене продавать.

При капитализме это важнейшее, основанное на частной собственности, право, определяющее свободу выбора предпринимателя, даёт ему явное преимущество перед социализмом, так как решение принимается производителями на основе объективных критериев, а не указаний “сверху”, исходя из рыночных сигналов, т.е. учёта интересов потребителей, которые, будучи главным и определяющим участником рыночных отношений, формируют общественно-необходимую полезность и реальную цену произведённых товаров и услуг. Происходит реальное удовлетворение потребностей в сфере производства. При этом, приняв решение производить тот или иной товар, предприниматель добровольно соглашается выполнить все законы, принятые государством, косвенно или даже прямо регулирующие условия его деятельности, т.е. практически в чём-то лишаящих его полной свободы (налоги, стандарты, техника безопасности, экологические нормы и т.д.), но не запрещающих ему выполнять избранный им вид предпринимательской деятельности, конечным результатом которой является прибыль.

Что же касается социализма, то существующая при нём жёсткая регламентация деятельности предприятий, основанная на централизованном планировании и управлении, ведёт к выпуску товаров и услуг, общественно необходимая полезность которых порой лишь в малой степени может быть признана обществом. Следует учесть также, что в связи с присущей социалистической модели хозяйствования высокой степени монополизации, отсутствием внутренней и внешней конкуренции вообще теряются объективные ценностные ориентиры для производства продукции. Именно с этим и связан огромный спад производства в России после отмены централизованного планирования и особенно с 1992 г. в период системной трансформации. Реальному спросу многие избыточные производства недавнего социалистического прошлого просто не соответствуют.

Одним из следствий такой модели хозяйствования стало отсутствие при социализме мотивации исполнителей управленческих решений в сфере производства – рабочих и работников администрации. Это неизбежно вело к низкой производительности труда, низкому качеству выпускаемой продукции. Запланированный уровень производства поддерживался политикой “кнута и пряника” в основном за счёт политического и идеологического давления (угроза наказания, лишения каких-либо благ, например, очереди на квартиру, автомобиль, партийные взыскания и т.д.). Именно этим силовым давлением и объясняется в значительной мере тот факт, что социалистическая модель хозяйствования не развалилась раньше и просуществовала более 70 лет.

Модель хозяйствования, созданная в бывшем СССР, имела и адекватную ей систему управления, которая, в свою очередь, базировалась на своего рода управленческой утопии: якобы возможности управлять всем и вся из одного центра. Утопия эта сформировалась, судя по всему, сначала на основе феодальных взглядов и установок на абсолютную власть. Позднее она стала следствием технологического детерминизма, проводящего полную аналогию между человеческим обществом и технической системой. Свой вклад здесь внесла и экономическая кибернетика, использовавшаяся для обоснования усиления централизованного начала в управлении на основе возможностей ЭВМ, подогрева ложной идеи о практической возможности замены рынка искусственной системой так называемого оптимального функционирования экономики (СОФЭ).

Несмотря на регулярно декларируемую вторичность средств, т.е. методов управления, по отношению к целям (повышение благосостояния народа), на деле соотношение между ними было как раз обратным. Тип, способ управления стали фактически самоцелью. Достижение запланированных целей объявлялось возможным не любыми средствами, а на основе вполне конкретной модели централизованного государственного управления. Организационная основа этой системы была скопирована с административных структур старой военно-феодальной России и распространена на все без исключения сферы человеческой деятельности. Для систем такого типа характерно использование линейных структур с резким преобладанием вертикальных отношений (руководство – подчинение) над горизонтальными (сотрудничество). Распределение прав и ответственности на всех уровнях сводилось к концентрации полномочий у вышестоящих звеньев системы, что приводило к несоответствию прав и ответственности прежде всего в основном звене хозяйственной системы, т.е. на производственных предприятиях. Подобный разрыв сковывал, лишал реальных производителей свободы маневра, столь необходимой для эффективной работы.

Важной особенностью такой системы управления является неразвитость свободных аналитических функций и низовых подразделений, их слабая роль в принятии решений. Перегрузка высшего эшелона управления текущими задачами руководства всеми отраслями экономики и иными сферами жизни отодвигает общие и перспективные задачи на второй план. Отсюда отсутствие реальной стратегии социально-экономического развития, непродуманность многих народнохозяйственных решений, принятых без учёта экологических, социальных, экономических и даже географических факторов.

Система сверхцентрализованного управления уже сама по себе предполагает негибкость и низкую адаптивность к новым задачам и прежде всего к НТП. Жёсткая иерархическая структура с формализованным разделением функций в сочетании с распределением уравнилельного типа создаёт организационные и экономические барьеры выдвижению новых идей и их практической реализации. В частности, регламентация процесса создания и внедрения новых технологий и отсутствие рыночных механизмов ставят новатора в зависимость от уже существующих структур, в большинстве своём в этих технологиях не заинтересованных. Особенно пагубна зависимость НТП от командной системы материально-технического снабжения.

Негибкость системы управления при социализме проявляется и в её неспособности к применению программно-целевых методов, требующих гибкого и оперативного взаимодействия всех звеньев управления. Явные неудачи в решении таких чрезвычайных задач, как устранение последствий чернобыльской катастрофы или землетрясения в Армении (эти последствия не устранены и до сих пор), показывают крайне низкую эффективность системы при любых попытках оперативно координировать свои действия, даже при руководстве с самого высшего уровня. В тех случаях, когда программы выполнялись, это происходило на основе создания долговременных линейно- программных структур, идентичных линейно-функциональным (ГлавБАМстрой, Комиссия по Западно-Сибирскому комплексу), действовавших на правах министерств, главков и т.д.

Неэффективность гиперцентрализованной системы управления проявлялась не только при решении новых задач, но и в низкой способности к реализации задач обычных, традиционных. Преобладание властных, административных отношений над экономическими при недостатке прав у исполнителей приводило к низкой исполнительской дисциплине. Отсутствие встроенных экономических стимулов в известной мере компенсировалось механизмами контроля и управления. При этом истинным “нововведением” стало многократное дублирование структур власти и контроля, особенно в экономике. Наряду с ведомственным руководством и контролем каждое предприятие руководилось партийными и региональными властями, контролировалось партийным и народным контролем, подразделениями КГБ, МВД, ЦСУ, Минфина, Госбанка, различными инспекциями и т.д. Число различных субъектов руководства и контроля над каждым предприятием могло составить более десятка. Вместе с тем такое обилие контроля побуждало предприятия к уменьшению собственной меры ответственности, к делегированию её вышестоящим органам власти, что способствовало лишь возрастанию степени неуправляемости.

Ход развития концепций и практики хозяйствования в странах с рыночной экономикой за последние 50 лет свидетельствует о том, что идея централизованного управления непродуктивна не только на макроэкономическом, но и на фирменном уровне. Реорганизации, проводимые в рамках американских, западноевропейских и японских корпораций, неизменно преследовали цели повышения самостоятельности и ответственности филиалов, отделений и предприятий, разгрузки общефирменного уровня, принятия решений, вытекающих из текущих, оперативных задач, перехода от отношений иерархического типа к партнёрским.

Аналогичные тенденции прослеживаются и на уровне предприятий, цехов и даже участков. Опыт самостоятельных сборочных бригад, зародившийся на шведской фирме “Вольво” и получивший распространение во многих странах, движение “кружков качества”, появившееся в Японии и охватившее весь промышленно развитый мир, ряд других не менее важных новаций сводятся главным образом к отказу от жёсткого распределения функций и заданий. Условия работы бригад, групп, цехов, предприятий, лабораторий и других подразделений крупных фирм намеренно делаются приближёнными к условиям работы индивидуальных предпринимателей, мелких и средних фирм. Дается максимум самостоятельности в выборе средств и методов достижения поставленных целей, в то время как круг задаваемых сверху показателей сужается до минимума.

Подобные тенденции неразрывно связаны с НТП, ведут к диверсификации рынка, увеличению ассортимента выпускаемой продукции, появлению большого числа специализированных компаний и расширению специализации существующих. Экономика становится всё более сложным объектом для управления как на макро-, так и на микроуровне. В связи с этим появилась тенденция к ограничению круга регулируемых сверху параметров разумным минимумом как в случае отношений государства с бизнесом в целом, так и в случае отношений фирм с собственными отделениями и предприятиями. В обоих случаях отношения “верх – низ” постепенно приобретают характер партнёрства, обмена услугами.

Всё сказанное говорит о том, что отставание от стран с рыночной экономикой и крах социализма были заранее запрограммированы неверным выбором как модели хозяйствования, так и системы управления. Этот выбор противопоставил социализм всем новациям в области управления, современным тенденциям ускорения и обогащения НТП. Поиск путей эффективности возможен лишь на основе отхода от тупиковой модели, на путях развития демократии и рыночной экономики, разработки новой модели хозяйствования и управления с учётом реальных тенденций развития мировой экономики, современного НТП.

Великий тоталитарный Советский Союз мог построить гигантскую по своим размерам экономику, создать мировую социалистическую систему, победить в великой войне могучую тоталитарную фашистскую

Германию. Но он не сумел выжить в мирном экономическом соревновании с Западом, не достиг необходимого уровня эффективности производства и жизни для советских людей, не проявил способности к восприятию не только всего нового, но и просто нормальной мирной жизни. Лишь в условиях войн, социальных переворотов и иных чрезвычайных обстоятельств он мог быстро концентрировать в одной крепкой руке все свои силы и ресурсы и достигать задаваемых результатов. Но с уходом или прекращением действия чрезвычайных обстоятельств неизбежно наступали застой и серость. Историческая несостоятельность СМЭ, глубинная экономическая несостоятельность самого строя “реального социализма”, в конце концов, взяли верх.

4. Централизованное планирование

Помимо государственной, или общественной, собственности на средства производства централизованное планирование было наиболее существенным признаком СМЭ, всей экономики “реального социализма”. Согласно К.Марксу, при социализме “общественная анархия производства заменится общественно-планомерным регулированием производства сообразно потребностям как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности”. В.Ленин мыслил жёстче. В докладе на VII съезде партии он говорил об “организации учёта, контроля над крупнейшими предприятиями, превращении всего государственного экономического механизма в единую крупную машину”. План Ленин считал “второй программой партии”, средством реализации целей и задач, стоящих перед большевиками.

На базе этих идей в нашей стране впервые в мировой практике государство стало непосредственным организатором и руководителем всего производства в стране, рынок оказался ненужным и был заменен планом. Планирование стало важным инструментом всего партийного руководства экономикой и страной в целом. Считалось, что оно позволяет сознательно использовать объективный экономический закон планомерного, пропорционального развития. На деле же централизованное планирование стало олицетворять абсолютную власть партии и руководства страны над её экономикой и всей общественной жизнью. Точнее: план и планирование стали на деле мощным орудием этой власти, её важной сутью.

В декабре 1917 г. был создан первый государственный орган централизованного руководства народным хозяйством страны – Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). Вскоре была создана и сеть местных (губернских) СНХ. С самого начала своей деятельности они приступили и к планированию производства отдельных видов продукции (топливо, металлы), а затем и к составлению годовых планов с разбивкой по отраслям. Однако главной задачей ВСНХ было оперативное руководство отраслями и предприятиями, поэтому встал вопрос о создании специального органа по разработке государственных планов.

По инициативе В.И.Ленина в 1920 г. была сформирована большая комиссия с участием крупных учёных, составившая первый комплексный перспективный план на 10-15 лет – план ГОЭЛРО (Государственный план электрификации России) с целью создания в стране мощной промышленно-энергетической базы. При разработке этого плана за основу был взят проект электрификации всей России, разработанный ещё до октябрьского переворота 1917 г. профессором Вернадским. На основе плана ГОЭЛРО в феврале 1921 г. была образована Государственная общеплановая комиссия (Госплан), сосредоточившая в своих руках разработку народнохозяйственных планов.

Начиная с плана ГОЭЛРО стало расти число планируемых показателей, планируемых подконтрольных государству товаров и услуг. Этот процесс прекратился лишь в середине 50-х годов, когда уже стало совсем очевидно, что страна в условиях всё усиливающегося контроля и регламентации сверху больше развиваться просто не может. Темпы роста экономики стали сокращаться, рост же всех видов затрат начал опережать рост конечных результатов, возник эффект самопожирания.

Процесс расширения степени охвата планированием из одного центра всего и вся достиг необъятных размеров, стал поистине всеохватным и соединил в себе не только собственно планирование, но и управление, и контроль. Более того, централизованное планирование стало важнейшей частью не только механизма управления экономикой и обществом, но и политической системы абсолютистского государства “реального социализма”. Оно было призвано реализовывать на практике не только экономические, но и политические цели партийного и государственного руководства страны.

Следует отметить две черты этого инструмента советской власти: директивный характер плановых производственных заданий и натурально-вещественный, нерыночный, или бартерный, способ распределения и перераспределения произведённой продукции. Считалось, что государственный план в социалистической экономике – это закон. Нежелательны были не только невыполнение, но и перевыполнение плановых заданий, ибо в обоих случаях нарушалась задаваемая сверху пропорциональность в экономике.

Главная цель планирования – определение объемов выпуска продукции в натуральном выражении, валового выпуска в стоимостном выражении, а также темпов и пропорций в развитии советской экономики. Темпы должны быть максимальными, ибо лишь тогда можно было говорить не только о серьёзных успехах в развитии экономики, но и о создании нового, более прогрессивного по сравнению с капитализмом общества, а заодно и иметь основания превозносить советских руководителей и достижения нового общественного строя. Поэтому для поддержания высоких темпов роста экономики всё время акцент делался не на потребление населения, а на накопление, на повышение его доли в национальном доходе страны, на развитие производства

не предметов потребления, а средств производства, тяжелой промышленности, т.е. на производство ради производства. Именно здесь советские руководители видели источник для своей славы и политического преуспеяния. Но на деле всё это со временем стало приводить к перепроизводству средств производства, недопотреблению населения, форсированному приоритетному развитию военно-промышленного комплекса, к остаточному методу обеспечения жизненного уровня населения и социальных потребностей всего общества и в конечном счёте к прогрессирующему замедлению роста эффективности производства, темпов роста последнего, углублению диспропорций, к массивным внешним займам, импорту продовольствия и к развалу советской плановой экономики.

Уже в феврале 1926 г. на съезде Президиумов госпланов были определены следующие главные функции централизованного планирования: 1) разработка генерального плана реконструкции народного хозяйства на перспективу в 10-15 лет; 2) составление пятилетнего плана; 3) разработка контрольных цифр на ближайший хозяйственный год. Иными словами, речь шла о создании системы планов, состоящей из долгосрочных, среднесрочных и текущих планов. Акцент делался, естественно, на годовое и пятилетнее планирование. С течением времени эта система развивалась и дополнялась новыми элементами.

В практике централизованного планирования важную роль играла система показателей, которая охватывала все отрасли и сферы советской экономики и общества. В эту систему входили показатели различного вида: 1) натуральные, 2) стоимостные, 3) качества и ассортимента продукции, 4) издержек производства и обращения, 5) потребления населения, 6) динамики развития производства, 7) технического прогресса, 8) занятости и социальных расходов.

Натуральные показатели плана охватывали огромную часть общественного производства страны и выражались в обычных мерах веса, количества, длины, объема и т.д. Стоимостные выражались в рублях и включали в себя прежде всего совокупный общественный продукт, национальный доход, капиталовложения, основные фонды, фонд заработной платы, валовую и товарную продукцию, которые обычно оценивались как в текущих, так и в сопоставимых ценах.

Тем не менее главным показателем плана был показатель валовой (затем товарной) продукции, включавший в себя огромный повторный счёт материальных затрат на всех стадиях переработки сырья, от его добычи до выпуска конечной продукции. Именно «вал» был главной установкой, которую получали все предприятия сверху и по плану. «Вал» означал лишь одно: изготовление всего и вся как можно больше. Перевыполнение плана поощрялось премиями. Одновременно считалось, что с помощью именно этого показателя (он не применялся и не применяется в международной статистике и статистике западных стран) можно увязать между собой все основные пропорции общественного производства. При этом умалчивалось то обстоятельство, что показатель валовой продукции искажал реальную картину эффективности и структуры производства в пользу материалоемких отраслей.

В процессе работы над планом ГОЭЛРО разрабатывались лишь отдельные отраслевые планы, конкретные плановые задания устанавливались по небольшому числу показателей. Этот план включал 6 разделов: 1) электрификация и единый народнохозяйственный план, 2) электрификация и топливоснабжение, 3) электрификация и водная энергия, 4) электрификация и сельское хозяйство, 5) электрификация и транспорт, 6) электрификация и промышленность.

В плане развития промышленности СССР были установлены задания по производству 20 важнейших видов продукции, в частности, чугуна, стали, железной руды, меди, алюминия, угля, нефти, торфа, цемента и кирпичей. В этом плане было выделено 8 отраслей – добыча топлива, горное дело, металлургия и металлообрабатывающая, текстильная, пищевая, стройматериалы, бумажная и химическая. По каждой из этих отраслей устанавливались задания по общему объёму производства в стоимостном выражении, численности рабочих в тысячах человек и по мощности двигателей в тысячах лошадиных сил.

По мере развития экономики и практики централизованного планирования расширялись сфера и масштабы этой деятельности, росло количество плановых заданий и соответственно число плановых показателей. В первом пятилетнем плане (1928-1932 гг.) было уже три основных раздела: 1) производственная программа по промышленности (около полусотни отраслей), сельскому хозяйству, строительству и транспорту, 2) социально-экономический блок (потребление и накопление, обобществление, труд, социально-культурное строительство, финансовый план), 3) территориальный аспект плана.

Во втором пятилетнем плане (1932-1937 гг.) было уже 13 разделов, появились задания по капиталовложениям и основным фондам, по себестоимости, товарообороту и т.д. План по промышленности охватил уже 120 отраслей, резко расширился его территориальный разрез, постоянно росло число планируемых показателей. Этот процесс продолжался в третьей пятилетке (1937-1941 гг.), в годы войны и в первые послевоенные годы.

В 1953 г. номенклатура промышленной продукции по плану производства и плану материально-технического снабжения более чем вдвое превышала номенклатуру на 1940 г., а число показателей по плану капитального строительства возросло в 3 раза.

После смерти И.Сталина начался процесс эрозии классической СМЭ, системы централизованного планирования, появились попытки реформ с использованием рыночных механизмов. В 1957 г. по инициативе Н.Хрущёва была проведена кардинальная реформа управления в стране, связанная с переходом на территориальный принцип управления, знаменовавший ликвидацию многих отраслевых министерств и формирование совнархозов. Это влекло за собой ослабление централизации в планировании, увеличение роли советов министерств союзных и автономных республик, а также совнархозов, которым была передана подавляющая часть показателей плана, утвердившихся прежде всего в народнохозяйственном плане. В процессе этого перераспределения в плане осталось меньшее число показателей. Так, количество показателей, задания по которым утверждены в народнохозяйственном плане на 1962 г., уменьшилось по сравнению с планом на 1953 г. в 7 раз, а по сравнению с планом на 1957 г. почти в 3 раза.

После 1964 г., когда вновь была восстановлена отраслевая система управления хозяйством, число плановых показателей и сфера централизованного планирования вновь значительно возросли и расширились. Однако наступили уже новые времена, политическая постсталинская либерализация, происходило и смягчение централизации, и жёсткости в планировании. Начались попытки реформирования советской экономики.

В начале 60-х годов возникла дискуссия по проблемам, связанным с совершенствованием системы централизованного планирования. Она выявила ряд принципиальных недостатков прежней системы. Участники дискуссии быстро разделились на “рыночников” и “нерыночников”. О некоторых из них речь уже шла в предыдущем разделе. Здесь же я хочу обратиться к критике сложившейся в начале 60-х годов системы планирования, которую дал академик В.С.Немчинов.

В своей работе, изданной в 1964 г., он указывает на следующие недостатки этой системы.

1. Плановые задания систематически запаздывают и предприятия в течение первого квартала каждого года “не имеют необходимой плановой ориентировки”.
2. Планы не носят стабильного характера, постоянно изменяются и уточняются. В результате отдельные руководители ухищряются “выбить” из центра выгодные для них корректировки плана и легко перевыполнять “уточнённые задания”, получая при этом вознаграждение за “перевыполнение” плана.
3. Существует разрыв между отраслевыми и территориальными планами. Крупные районы и области не имеют сводных планов, низовые, республиканские и общесоюзные планы существуют в значительной степени самостоятельно, изолированно друг от друга, они не интегрированы в систему единого народнохозяйственного плана.
4. Всё планирование в СССР ведётся от достигнутого уровня, что позволяет хитроумным хозяйственникам на низовом уровне не раскрывать плановым органам все производственные возможности своих предприятий и легко “перевыполнять” план. Практически предприятия не заинтересованы в напряжённом плане, всячески скрывают свой производственный потенциал.
5. Планирование органически связано с перманентной дефицитностью материальных ресурсов. Это отражается и на дефиците многих конечных продуктов, особенно предметов потребления, порождает очереди и спекуляцию товарами первой необходимости.
6. Многочисленность плановых показателей, спускаемых из центра на места, приводит к подрыву хозрасчёта, ответственности, инициативы со стороны самих предприятий.
7. Практика централизованного планирования не ориентирована на конечный хозяйственный результат, ибо нацелена прежде всего на валовую продукцию, в которой отражаются все промежуточные стадии производства и не отражается реальный вклад предприятий в создание того или иного продукта. Мало внимания уделяется планированию качественных показателей производства, например, рентабельности и фондоотдаче.
8. В общую систему планирования не включена как её органическая часть система планового ценообразования. Цены оторваны от планирования производства и снабжения. Более того, цены, деньги, кредит, страхование, прибыль – эти экономические рычаги весьма слабо и зачастую неумело используются планированием для регулирования хозяйственной жизни.
9. Практика централизованного планирования не удовлетворяет и требованиям научной организации управления народным хозяйством, ибо система плановых нормативов (нормы трудоёмкости, расходования сырья на единицу изделия, выхода продукции с единицы оборудования, удельных капиталовложений и т.д.) находится в неудовлетворительном состоянии. В распоряжении планирующих органов нет свода плановых нормативов, нет даже единой системы плановой документации, нет унифицированной системы техпромфинпланов.

Нетрудно увидеть, что академик Немчинов не был противником централизованного планирования, не выступал за переход к рынку, к рыночной экономике, как более рациональной и эффективной, а заботился о совершенствовании нерыночной системы. В те годы это была единственно возможная позиция, которая могла появиться в открытой печати или в открытой дискуссии. Вместе с тем академик Немчинов в той же работе вносит важные предложения по внедрению элементов рыночного механизма в централизованное планирование.

Он пишет: “В руководстве экономическим развитием должно быть достигнуто единство планомерного управления народным хозяйством и рентабельного ведения производства на предприятии. Такое единство исключает любое противопоставление плана и рентабельности... В процессе планомерного руководства общественным производством весьма существенное значение имеет также использование материальных стимулов, позволяющих заинтересовать коллективы трудящихся в результатах хозяйственной деятельности их предприятий”. В одной из газетных статей академик Немчинов указал, что “мы имеем дело с явной недооценкой закона стоимости и стоимостных показателей... Целесообразно создать в экономических районах оптовые базы, которые будут предоставлять предприятиям необходимые им товары...”. Он с явной симпатией относился к идее “о переходе материально-технического снабжения на рельсы государственной торговли, об установлении прямых хозяйственных связей между поставщиками и потребителями” и выступал за постепенную ликвидацию системы фондируемого через Госснаб СССР снабжения. Более того, акад. Немчинов выдвинул идею хозрасчётной системы планирования. По его мысли, предприятия должны подавать в плановые органы свои предложения об условиях, на которых они будут выполнять госзаказ на поставку продукции с конкретным указанием цены, ассортимента, качества и сроков поставки. В свою очередь, хозяйственные и плановые органы размещают эти госзаказы с учётом эффективности производства поставщиков, отдавая предпочтение тем, кто даёт наиболее предпочтительный вариант.

Однако в принципе, согласно марксизму-ленинизму, при социализме прежние естественные рыночные инструменты в экономике должны быть заменены искусственными нерыночными, плановыми инструментами. Как отмечалось ещё на XII съезде РКП(б) в 1923 г., “в своём окончательном развитии плановые методы должны подчинить себе рынок и тем самым упразднить его”. Эта идея развивалась в течение ряда десятилетий.

В своей последней работе “Экономические проблемы социализма в СССР” И.Сталин писал: “Мы, марксисты, исходим из известного марксистского положения о том, что переход от социализма к коммунизму и коммунистический принцип распределения продуктов по потребностям исключают всякий товарный обмен, следовательно, и превращение продуктов в товары, а вместе с тем и превращение их в стоимость”. Далее он предлагает “зачатки продуктообмена” развить в “широкую систему продуктообмена” и вводить её “неуклонно, без колебаний, шаг за шагом сокращая сферу действия товарного обращения и расширяя сферу продуктообмена”. Вместе с тем взаимоотношения между планом и рынком, планом и товарно-денежными отношениями в советской экономической истории не были стабильными и постоянно менялись.

В годы “военного коммунизма” его сторонники напрочь отвергали вообще какие-либо товарно-денежные отношения. План и рынок они считали попросту взаимоисключающими понятиями. Такой же была и позиция Ленина в то время. Считалось, что никаких объективных экономических законов не существует, а государство диктатуры пролетариата само создаёт экономические законы.

В годы НЭПа многие советские экономисты вновь пришли к признанию объективной необходимости товарно-денежных отношений, в обществе заговорили о необходимости сочетания плана и рынка. Госплан СССР начал изучать рыночную конъюнктуру и стал рассматривать рынок как важный фактор всей плановой работы, что и дало импульс для разработки концепции “рыночного социализма” в последующем.

Но с ликвидацией НЭПа в стране началось быстрое свёртывание товарно-денежных отношений, и главным показателем плана стала натура, вал. Хозрасчёт и частный сектор были ликвидированы, произведённый на государственных предприятиях продукт изымался государством в административном порядке, предметы потребления стали распределяться среди населения по карточкам, а средства производства по системе централизованного материально-технического снабжения. Родилась система фондирования – надления предприятий государственными фондами (основными и оборотными). Последние предприятиям не принадлежали.

В экономической литературе вновь возобладала позиция полного отрицания товарно-денежных отношений при социализме. Считалось, что при социализме нет и не может быть проблемы рынка, спрос и предложение для экономики значения не имеют, нет и закона стоимости.

Более того, несмотря на наличие денег и цен, в советской экономической науке 30-х годов отрицалась стоимостная природа при социализме не только товара, но и денег, и цен. Функция денег сводилась лишь к счётной операции, хозрасчет рассматривался с точки зрения доведения планового задания до отдельного предприятия, цеха, рабочего места. И хотя учёт затрат и произведённой продукции вёлся в стоимостном выражении, он носил сугубо формальный характер и его существование объяснялось часто технической невозможностью перевода этих показателей в натуральное выражение. Роль закона стоимости выполнял и Госплан, и другие государственные учреждения.

Как и в годы “военного коммунизма”, планомерность противопоставлялась закону стоимости, план – рынку. Укреплялось мнение, что товарно-денежные отношения в принципе чужды социализму, что даже если они кое-где и существуют, то, как уже говорилось, это всего лишь пережиток капитализма, который вскоре отомрёт.

Так было до начала 50-х годов. Но затем представления стали меняться, пошёл разговор о наличии при социализме объективных экономических законов, в частности, закона стоимости (хотя и “особого рода”). С началом первых робких попыток экономических реформ в 50-х годах и особенно начиная с 60-х годов стал укрепляться взгляд на необходимость сочетания плана и рыночных механизмов. Этот процесс стимулировался опытом экономического развития других социалистических стран. Однако он не отменил планово-распределительную, командную модель экономики. И при этом не обходилось без требований “ограничить” товарно-рыночные отношения, как противостоящие планомерному развитию народного хозяйства.

Уже с начала 60-х годов, когда началось брожение умов по части фрагментарного использования рыночных механизмов в процессе централизованного планирования, антирыночники всегда предупреждали, что товарно-денежные отношения в принципе несовместимы с планом. Они подчёркивали, что эти отношения носят стихийный характер и не позволяют устанавливать необходимые пропорции в социалистической экономике, что в условиях социализма общество подчиняет производство своим потребностям лишь на основе централизованного планирования и другого способа для этого просто не существует.

Подобной же оценки придерживался и М.Горбачёв, который в одном из своих выступлений в 1985 г. говорил: “Не рынок, не стихийные силы конкуренции, а прежде всего план должен определять основные формы развития народного хозяйства... Надо чётко определить, что планировать на союзном уровне, что на уровне союзной республики, области, министерства”.

Важным вопросом в системе централизованного планирования был вопрос ценообразования. Цены устанавливались в административном порядке, как твёрдые, представляя собой норматив длительного действия. Не имело значения, каково качество одних и тех же товаров, производимых в разных районах и предприятиях страны, какова потребность в них. Такие цены не могли выполнять функцию экономического стимула, способствовать росту эффективности производства или формированию оптимальных пропорций в экономике страны. Они были тормозом в её развитии. Такие цены (как и фондирование ресурсов) не могли стать реальной базой для хозрасчёта и опосредовать прямые договорные отношения между предприятиями, о чём в те времена много говорилось.

Однако в те годы советские экономисты, как правило, поддерживали практику установления административных цен и видели в этом “преимущество” советской экономики над рыночной. Так, даже такой известный “рыночник”, как Н.Петраков, писал в 1971 г.: “...Если в капиталистическом товарном хозяйстве цена формируется автоматически, то в сознательно управляемой экономической системе оценка каждого продукта или ресурса должна либо определяться непосредственно плановыми органами, либо контролироваться ими... В социалистической экономике от планового работника требуется определить уровень цен в момент составления плана, т.е. в известной мере предвосхитить действия производственных ячеек хозяйственной системы, попытаться направить их деятельность с помощью цен в нужном обществе направлении”. Такая практика берёт своё начало из периода “военного коммунизма” и последующей дискуссии, в которой троцкисты и “телеологи” выступали за установление цен на продукцию государственной промышленности, исходя из субъективных представлений плановых и административных советских органов.

Но вернёмся к характеристике механизма и сущностных сторон системы централизованного планирования в бывшем СССР.

Практика централизованного планирования опиралась на балансовый метод, на составление целой системы стоимостных, трудовых и материальных плановых балансов, а также сводного планового баланса народного хозяйства СССР. Эти балансы были призваны заменить собой механизм товарно-денежных отношений, отношений спроса и предложения в нормальной рыночной экономике.

Стоимостные балансы впервые стали составляться для первого пятилетнего плана. Это были сводный финансовый план, или государственный бюджет страны, финансовые планы отраслей народного хозяйства, кредитные планы и баланс доходов и расходов населения. Стоимостные балансы использовались для обоснования темпов роста и структуры производства и потребления, для централизованного распределения совокупного общественного продукта и национального дохода, планирования объёма и структуры капиталовложений и показателей уровня жизни населения.

Балансы трудовых ресурсов берут своё начало с плана ГОЭЛРО, где впервые были сделаны оценки потребности хозяйства страны в рабочей силе. Сформировавшаяся с течением времени довольно разветвлённая система трудовых балансов имела целью увязать планы производства с ресурсами рабочей силы, включая ресурсы квалифицированных кадров. Эти балансы увязывали рассчитываемую потребность в рабочей силе с планом подготовки кадров высшей и средней квалификации, определяли распределение рабочей силы по отраслям и экономическим районам страны.

Материальные балансы также стали составляться ещё при разработке плана ГОЭЛРО и впоследствии охватили значительную часть производимой продукции в натуральном выражении. Они рассматривались как основной плановый инструмент установления правильных пропорций между отраслями народного хозяйства и

промышленности взамен товарно-денежного механизма соотношения между спросом и предложением, который, как считалось, ведёт к бесхозяйственности, анархии производства, рыночной стихии.

Этот, “единственно научный подход”, как тогда многие думали, привёл к разработке ежегодно на уровне Госплана СССР около 2000 таких балансов, в том числе 1500 балансов оборудования, а на уровне отраслевых министерств 15000 материальных балансов. Главная цель, которая преследовалась во всей этой титанической работе, – выявить потребности предприятий и отраслей в той или иной продукции, наметить направления потоков межотраслевых производственных связей, что рыночный механизм определяет, можно сказать, автоматически без планов и сонма плановиков и чиновников, взявшихся руководить всей экономикой, во всех её мелочах.

На этом строительство гигантского планового монстра не заканчивается. Постоянно формировалась и к середине 60-х годов была сформирована обширная нормативная база коэффициентов материало-, фондо-, капитало- и трудоёмкости, которая использовалась при составлении планов. Как писал руководитель Отдела баланса народного хозяйства Госплана СССР М.Бор, “плановые нормы представляют собой директивные задания, определяющие максимально допустимую и объективно необходимую величину затрат живого труда (нормы рабочего времени), а равно овеществленного труда (нормы расхода материалов, энергии и топлива, использования оборудования и т.п.) на единицу продукции или выполняемых работ, либо необходимые размеры отвлечения продукции от текущего потребления для образования материальных запасов, обеспечивающих бесперебойность процесса воспроизводства”. Нормировались не только расходы произведённых ресурсов, но и складские запасы, а также отходы и потери. Все эти нормы “стали орудием действенного контроля за производством и потреблением, средством мобилизации ресурсов в интересах наиболее полного, всестороннего удовлетворения потребностей общества”. Не приходится забывать, что ни о каком “наиболее полном и всестороннем удовлетворении потребностей” в условиях “реального социализма” с его централизованно планируемой, командно-административной экономикой говорить не приходится. Мы создали экономику дефицита, и это реальный факт, который породили все те балансы и нормы, призванные заменить собой рыночные механизмы.

Система всеобщего дефицита характеризовалась ещё и тем обстоятельством, что на деле государственные предприятия были заинтересованы в том, чтобы получить как можно меньший план производства и как можно более максимальный план по обеспечению производства материальными и денежными ресурсами (по инвестициям, сырью, заработной плате, численности работников). Одновременно предприятия не были заинтересованы в отыскании путей наиболее эффективного использования ресурсов, в их сохранении, бережном расходовании, высвобождении и передаче другим предприятиям, испытывающим потребность в них. Предприятия были лишены возможности маневрировать своими ресурсами, перераспределять их между собой в интересах повышения эффективности производства. Всё это лишь усугубляло дефицит.

Помимо производственных планов существовали и финансовые планы. Практически планирование финансов осуществляло Министерство финансов СССР. Оно составляло планы союзных и республиканских министерств, других государственных ведомств. Эти планы включали в себя показатели прибылей, амортизационных отчислений, доходов и расходов бюджета, прироста оборотных средств и т.д. При этом в условиях административного ценообразования всегда существовало большое количество планово-убыточных предприятий.

Венцом балансовой работы были разработки планового баланса народного хозяйства СССР (БНХ). Первый полный БНХ был составлен лишь перед войной. Он включал в себя балансы совокупного общественного продукта, национального дохода, фондов накопления и потребления, сырья, трудовых ресурсов, основных фондов, индексов цен, бюджет и т.д. В послевоенные годы он стал реальной базой для формирования показателей плана и плановых решений, определял основные пропорции развития экономики страны, взаимоувязывал многие показатели и нормативы государственного плана. Например, плановый баланс использованного национального дохода определял соотношение между фондом накопления и фондом потребления. Фонд накопления в свою очередь служил главной ресурсной базой для капитальных вложений. Следовательно, баланс использованного национального дохода увязывался с балансом капитальных вложений. В свою очередь фонд потребления в балансе использованного национального дохода служил базой для определения объёма розничного товарооборота, который был тесно связан с балансом денежных доходов и расходов населения.

При этом балансирование и взаимоувязывание разных показателей и частей общественного продукта между собой сопровождалось учётом в практике планирования так называемого принципа ведущих звеньев. При Ленине таким звеном была электроэнергия, при Сталине – сталь и машиностроение, при Хрущёве – химия и кукуруза. Считалось, что если потянуть за главное звено, то легче вытянешь всю цепь производственных плановых заданий.

Каждые пять лет к началу очередной пятилетки Госплан СССР выпускал толстенный том «Методических указаний к составлению народнохозяйственных планов», в котором содержалось описание факторов и нормативов, лежащих в основе расчётов тех или иных плановых показателей. Этот сухой бюрократический талмуд вряд ли могли прочесть целиком даже работники плановых органов. Научные же работники практически извлечь из него ничего не могли.

С другой стороны, по мере расширения масштабов производства, увеличения номенклатуры создаваемых товаров и услуг становилась всё более абсурдной сама система централизованного планирования, ориентированная на то, чтобы всё учесть и запланировать. В 1990 г., например, в СССР номенклатура производимой продукции достигала 24 млн. наименований, и никакой план, естественно, не мог всё это охватить. Многие уже стали понимать, что без рынка, рыночных механизмов обойтись уже просто нельзя. Никакой план не заменит рынок с его бесконечномерным механизмом соизмерения потребностей и производства, затрат и результатов. Как пишет Я.Певзнер, «марксизм, осуждая институт рыночных отношений, уводил в сторону от науки и складывался как один из вариантов утопического социализма». Не план, а именно рынок «выступает как постоянно самосовершенствующийся самый мощный двигатель прогресса». План, как и всякое принуждение, рано или поздно теряет свою конструктивную функцию и превращается в её противоположность.

В послевоенный период уже сложившаяся система составления планов и вся система централизованного планирования в целом стали обрастать дополнительными элементами, которые в ряде случаев вступали в противоречие с исходными принципами планирования, установившимися в 30-е годы. Так, всё больше стали говорить о включении в жёсткую директивную плановую систему элементов хозяйственного механизма, т.е. учёта эффекта, во-первых, от хозяйственной самостоятельности предприятий (хозрасчёт) и, во-вторых, от рыночных механизмов и стимулов (прибыль, рентабельность, премии). Заговорили о необходимости расширения хозяйственной самостоятельности предприятий в рамках централизованного планирования.

Далее развитие шло в направлении всё большего учёта в государственных планах основных направлений научно-технического прогресса. Стали говорить и писать о том, что план научно-технического прогресса должен стать сердцевиной плана развития производства и предшествовать последнему. Стали составляться долгосрочные научно-технические прогнозы, отраслевые перспективные планы технического развития, текущие годовые планы внедрения новой техники. К этой работе всё больше стала привлекаться Академия наук СССР.

Одновременно заговорили о прогнозировании как о важной стадии предплановой работы, которая в то же время тесно взаимодействует с планом и в чём-то дополняет его. Как писал известный советский экономист, академик А.Анчишкин, «прогнозирование создаёт одну из обязательных предпосылок научно обоснованного планирования. Прогноз и план – это не два альтернативных подхода к определению перспектив социально-экономического и научно-технического развития, а последовательные, органически связанные ступени разработки народнохозяйственных планов как главного инструмента управления социалистической экономики».

В сложный и весьма разветвлённый процесс централизованного планирования стала включаться и разработка комплексных народнохозяйственных программ. Известны программы строительства Байкало-Амурской магистрали, создания мощного нефтегазового комплекса в Западной Сибири, провалившиеся продовольственная, жилищно-строительная программы, программа развития сельского хозяйства Нечерноземья и т.д. Нельзя не сказать и о расширявшемся применении в системе централизованного планирования математических методов, в частности, моделей перспективного планирования.

В конечном счёте в 70-е годы в СССР была сформирована следующая иерархическая система планов.

Исходным звеном этой системы стала Комплексная программа научно-технического прогресса на 20 лет (с разбивкой по пятилетиям), которая разрабатывалась Академией наук СССР, Государственным комитетом СССР по науке и технике и Госстроем СССР. Эта программа должна была представляться в Совет Министров СССР и Госплан СССР не позднее, чем за два года до начала очередной пятилетки.

Далее, Госплан СССР совместно с министерствами и ведомствами СССР и Советами министров союзных республик разрабатывал, исходя из социально-экономических задач, определяемых КПСС на длительную перспективу, и Комплексной программы научно-технического прогресса, проект Основных направлений экономического и социального развития СССР на 10 лет с разбивкой на две пятилетки. При этом через каждые пять лет в Основные направления вносились необходимые изменения.

В свою очередь на базе Основных направлений Госплан СССР разрабатывал контрольные цифры по основным показателям и экономическим нормативам на предстоящую пятилетку, которые доводились до министерств и ведомств и брались в качестве основы отраслевых и региональных проектов пятилетних планов. С учётом этих проектов Госплан СССР составлял проект Государственного пятилетнего плана экономического и социального развития СССР с распределением по годам. Основные направления пятилетнего плана

выносились, как тогда говорилось, на всенародное обсуждение, они рассматривались и утверждались на очередном съезде КПСС, а затем сам план после рассмотрения его в высших партийных и государственных органах обсуждался и утверждался парламентом – Верховным Советом СССР.

Годовые планы составлялись на основе погодных заданий и экономических нормативов пятилетнего плана на данный год. Разработка годового плана шла одновременно сверху и снизу. Последнее означало лишь то, что низовые предприятия, организации и республики составляли свои встречные планы, которые по идее должны были учитываться соответствующими министерствами и Госпланом СССР. На основе заданий пятилетнего плана на очередной год и с учётом указанной процедуры Госплан СССР подготавливал проект годового плана, который после предварительного рассмотрения на пленуме ЦК КПСС и обсуждения в комиссиях Верховного Совета СССР рассматривался и утверждался на сессии Верховного Совета СССР и приобретал тем самым статус закона.

Вся эта безумно искусственная и чрезвычайно детализированная система, однако, легко развалилась в годы горбачёвской перестройки после принятия летом 1987 г. Закона о государственном предприятии, давшего последним значительную хозрасчётную самостоятельность. План был заменён госзаказом, предприятия получили право самостоятельно заключать договора с потребителями и поставщиками и даже устанавливать “договорные цены”. В 1989 г. Госплан СССР прекратил своё существование.

Отпущенные на свободу государственные предприятия стали практиковать коллективный эгоизм, который выражался в повышении цен на свою продукцию, беспардонном повышении зарплаты. Всё это привело к инфляции, расшатыванию ранее имевшихся производственных связей, что сопровождалось нежеланием модернизировать производство, обновлять производственный аппарат. Наряду с развитием кооперативного сектора начался стихийный процесс фактической приватизации и бурного роста теневой экономики. Одновременно шёл стихийный процесс распада командно-административной системы. Перед Горбачёвым встал вопрос: либо идти дальше к настоящему рынку, либо возвращаться назад. Известно, что в экономике он не пошёл ни туда, ни сюда. Однако создать настоящий рынок нам не удаётся и до сих пор.

Таким образом, историческим фактом является длительный процесс настойчивого формирования в СССР искусственной централизованной плановой системы, призванной по первоначальному замыслу заменить собой живой рыночный механизм спроса и предложения, горизонтальные хозяйственные связи вертикальными командными ремнями. Это и была практическая реализация идеи Ленина о социалистической экономике как о единой фабрике, где отдельные отрасли и предприятия – цеха и производственные участки, а весь народ – послушные винтики-исполнители “научно-обоснованных” планов. На этом пути Ленин рассчитывал не только поднять экономику страны, осуществить её модернизацию на социалистической основе, но догнать и перегнать наиболее развитые страны капитализма в экономическом отношении. “Я уверен, — говорил он, — что Советская власть догонит и обгонит капиталистов, и что выигрыш скажется у нас не только чисто экономический”.

Главным воплощением в жизнь антирыночных марксистских идей стал И.Сталин. Под его руководством, начиная с 1928-1929 гг. стала осуществляться стратегия мобилизации трудового потенциала и всех ресурсов страны во имя осуществления заранее задаваемых прежде всего политических целей. Задача ставилась предельно просто: создать в стране общественный строй, который намного лучше капитализма, в котором функционирует мощная и эффективная экономика и люди живут счастливой жизнью. Кто мог быть против всего этого? Страна дружно голосовала “за”, не очень-то задумываясь об идущих повсюду репрессиях.

Ведущим элементом этой стратегии стало форсированное накопление, наращивание в плановом порядке капитальных вложений, огромное по своим масштабам производственное строительство, всемерное подстёгивание темпов экономического роста любой ценой. Фетишизация темпов стала имманентно присущей частью централизованного планирования. Экстенсивное наращивание производства, количественных масштабов “вала” стало самой любимой работой советской номенклатуры. Главным подстёгивателем и механизмом этой работы был Госплан СССР.

Плановики координировали производство во всех отраслях, давали конкретные задания отраслям и отдельным заводам, что производить, распределяли сырьё, материалы и полуфабрикаты между ними, формировали пропорции общественного производства прежде всего в интересах поддержания высоких темпов экономического роста. Всё это задавалось “сверху”, проходило через механизм командно-административной системы и имело силу закона. А закон надо было исполнять. Каждое невыполнение плана производства и распределения продукции каралось серьёзным наказанием и служило реальным поводом для страха у исполнителей. При этом можно было систематически не выполнять план по внедрению новой техники, по строительству заводского жилья или детских садов. Но невыполнение плана производства, определявшего темпы экономического роста, каралось самым жестоким образом. Целевые плановые установки были принудительными, обязательными к исполнению и носили мобилизационный, командный характер.

Среднегодовые темпы роста ВВП СССР по альтернативным, более реальным оценкам в 1928-1940 гг. составили 5,1%, промышленного производства – 9,9%. В послевоенный период после смерти И.Сталина темпы

экономического роста страны стали снижаться. За период 1951-1965 гг. в среднегодовом исчислении они составили по тем же показателям соответственно 5,1 и 7,9%, а в 1976-1980 гг. – 1,9 и 2,4, в 1981-1985 гг. – 1,8 и 2,0%. Но при этом рост капитальных вложений опережал рост ВВП в 1928-1940 гг. в 1,5 раза, в 1951-1965 гг. в 1,9, в 1976-1980 гг. в 1,1 и в 1981-1985 гг. в 1,4 раза. Это значит, что эффективность накопления всё время снижалась.

Жизнь показала, что СМЭ могла давать значительный эффект и обеспечивать высокие по любым меркам темпы экономического роста лишь в условиях жёсткой авторитарной власти (при Сталине), суровой дисциплине, централизованного принуждения и командования “сверху”. Как только власть стала смягчаться, централизованное планирование стало приспосабливаться к рыночным механизмам, как только начались даже фрагментарные попытки либеральных реформ в сторону “рыночного социализма”, темпы роста стали замедляться, и в конечном счёте сменились на падение производства. В годы же горбачёвской перестройки развалилась не только система централизованного планирования, но и партийная вертикаль управления страной, что и привело к развалу самой СМЭ.

Так неверный, ошибочный исторический выбор большевиками новой общественной и социально-экономической системы, особой СМЭ, оторванных от магистральной дороги развития человечества, привёл к естественному концу.

Однако движение в этом направлении оказалось небыстрым. Система централизованного планирования и СМЭ просуществовали вместе с бывшим СССР до начала 90-х годов, хотя в последние десятилетия подверглись серьёзной эрозии и коррозии в рамках экспериментирования с “рыночным социализмом” и попытками реформирования старой советской экономической системы.

Старая советская экономическая система и присущие ей централизованное планирование и СМЭ порождали не только замедляющийся рост исключительно неэффективной экономики, лишённой органической внутренней мотивации к труду и научно-техническому прогрессу, но, как уже говорилось, и постоянно воспроизводимый дефицит. Такая экономика справедливо получила название “экономики дефицита”. Как убедительно доказал Я.Корнаи, этот почти всеохватывающий дефицит был не результатом тех или иных ошибок в планировании, а органическим свойством самой экономической системы, которая базируется на государственной собственности, на бюджетном финансировании и в которой производитель работает не по законам рынка, спроса, предложения, конкуренции, самоокупаемости, экономической ответственности, а по законам административно-командного режима. Режим централизованного планирования, директивного управления и внеэкономического принуждения был направлен по существу против потребителя, заинтересованного в изобилии предложения товаров и услуг, в свободе их выбора. Потребитель здесь вынужден брать лишь то, что ему дают, и многие свои потребности он удовлетворить не может, государство для этого ничего не предлагает, оно выполняет свой собственный план. Зато производитель чувствует себя комфортно, поскольку ему не надо бороться за потребителя, повышать качество своих изделий, расширять номенклатуру производимой продукции. К тому же государство боится его от разорения, покрывая все его расходы из своего бюджета. От него требуется лишь выполнять план, быть лояльным существующему строю и послушным своему начальству.

В послевоенный период советская экономическая система, её централизованное планирование и СМЭ испытали на себе давление ряда страшных прессов, в результате которых они и развалились.

Первый пресс – это смерть И.Сталина, после которой начался медленный отход от классической СМЭ, от сложившейся системы жёсткого централизованного планирования.

Второй пресс – это хроническая неэффективность советского сельского хозяйства, которое поглощало до $\frac{1}{3}$ капиталовложений, но органически было не в состоянии прокормить население огромной страны.

Третий пресс – это постоянная помощь Советского Союза другим социалистическим странам, образовавшим так называемую мировую социалистическую систему хозяйства. СССР был поставщиком прежде всего сырья в эти страны, что вынуждало его тратить огромные средства на добычу сырья, вести крупные геологоразведочные работы, осваивать труднодоступные и отдалённые районы с суровыми климатическими условиями.

Четвёртый пресс – это развитие и поддержание огромного ВПК, по своим масштабам и производимой продукции не уступающего американскому (при значительно меньшем ВВП). Централизованное планирование давало этому сектору советской экономики беспспорный приоритет и практически безграничную ресурсную базу как в материальном, так и в финансовом отношении.

Пятый пресс – это горбачёвская перестройка, которая подорвала систему централизованного планирования, расширила степень экономической самостоятельности государственных предприятий, породила всплеск инфляции и на путях “рыночного социализма” поставила страну перед жёстким выбором: либо осуществлять системную и реальную рыночную трансформацию, либо восстанавливать прежнюю экономическую систему. Выбор был сделан по первому варианту, при прохождении которого возникли свои проблемы.

В конце концов, страна вырвалась из своего прошлого. Но это прошлое оставило серьёзное наследство. Так, за годы советского строительства, создания СМЭ, за всю многолетнюю практику централизованного планирования страна и её экономика серьёзно изменились. Произошёл глубокий сдвиг в структуре экономики и общества. Страна из аграрной превратилась в индустриальную, была создана мощная промышленная и научно-техническая база. В советские времена под надзором и по предписанию плановых органов была создана сеть огромных по своим размерам предприятий. Резко возрос уровень урбанизации, серьёзное изменение претерпело и сельское хозяйство.

К сожалению, все эти изменения были порождены нерыночной, неэффективной СМЭ с помощью системы централизованного планирования, и теперь полученное наследство трансформировать в новое рыночное русло оказалось очень непростым делом. Но ещё большая трудность связана с психологией людей, с их отученностью брать ответственность на себя, проявлять инициативу, идти на предпринимательский риск, вписываться в новые правила игры и заниматься нововведениями в производстве.

В Советском Союзе была предпринята широкомасштабная попытка решить проблемы экономического развития и модернизации хозяйственных отношений в сравнительно отсталой, аграрной стране не на путях развития рыночных отношений и внутренне присущих мотивационных механизмов, а на путях мобилизации всех ресурсов, централизации управления и планирования, создания командно-административной общественной системы. Подобная стратегия проводилась и в других социалистических странах. И в СССР, и в других социалистических странах она провалилась. Однако нечто подобное имело и имеет место в ряде развивающихся, в частности азиатских, странах. Но последние не ликвидировали рынок, не изолировали себя от остальной мировой экономики, а стремятся решить проблемы выхода из исторической отсталости на путях конвергенции с развитыми капиталистическими странами.

В то же время система централизованного планирования постоянно формировала хозяйственные диспропорции. Это диспропорции между потреблением и накоплением, промышленностью и сельским хозяйством, группами А и Б промышленности, I и II подразделениями общественного производства, материальным производством и сферой услуг, производственной и непроизводственной инфраструктурой, производством и потреблением, числом рабочих мест и занятостью и т.д. Всегда был дефицит той или иной продукции, почти всегда рост производительности труда отставал от роста заработной платы, почти всегда был бюджетный дефицит. И вообще всегда количественный рост экономики происходил за счёт снижения её качественного уровня, низких темпов роста её эффективности.

Многие из этих диспропорций имели хронический характер, т.к. не было экономического механизма установления равновесия между отраслями, факторами производства, спросом и предложением, т.е. рыночного механизма, а централизованное планирование, будучи к тому же всегда политизированным и идеологизированным, специально создавало диспропорции в экономике.

А теперь посмотрим, чего достигла советская экономика, СМЭ в сравнении с Западом за период после 1913 года.

В 1913 году общий размер национального дохода царской России по отношению к уровню США составлял 25%, что в расчёте на душу населения давало примерно 17%. Объем промышленного производства был равен 16% от уровня США, или примерно 11% в расчёте на душу населения. Реальное соотношение ВВП СССР и США в годы расцвета “реального социализма” при Брежнев, по наиболее достоверной оценке, не превышало 35%, что давало порядка 30% в расчёте на душу населения. Реальное соотношение объёма промышленного производства в эти годы не превышало 43%, что в расчёте на душу населения давало порядка 37%.

Да, эти показатели в 80-х годах для нашей страны были заметно выше, чем в 1913 г. Это был результат искусственного стимулирования темпов экономического роста, всемерного наращивания капиталовложений и производства средств производства.

Но жизненный уровень населения и производительность труда в народном хозяйстве СССР в 80-е годы по отношению к уровню США были практически такими же, как и у России в 1913 г. (в 5-6 раз ниже). Не следует забывать, что в СССР была намного ниже, чем в США, доля потребления населения и фонда заработной платы в ВВП. В СССР была большая численность занятых в народном хозяйстве, в промышленности и особенно в сельском хозяйстве.

Благодаря централизованному планированию нам удалось провести широкомасштабную индустриализацию, создать мощную тяжёлую промышленность, военно-промышленный комплекс. Пожалуй, самым главным нашим достижением в “соревновании двух систем” было обеспечение паритета с США по выпуску военной продукции и достигнутой военной мощи (что признавали и США). Это привело к тому, что по производству ряда важных продуктов СССР стал превосходить уровень США. В качестве примера можно привести выпуск чёрных металлов, металлорежущих станков, добычу угля и нефти, производство цемента, обуви, сливочного масла и т.д. Однако благополучия и счастья народ за годы советской власти не получил, как, впрочем, и после её ухода в небытие.

Особенно это касается уровня и качества жизни. Запад в этих отношениях скорее увеличил свой отрыв от России по сравнению с 1913 г. По свидетельству академика и президента ВАСХНИЛ А.Никонова, по обеспеченности зерном и картофелем Россия в начале XX в. занимала третье место в Европе, уступая лишь Дании и Швеции. Россия занимала первое место в мире по производству и экспорту зерна, беря на себя четверть всего сбора зерна в мире. Урожайность зерновых в России была в 1909-1913 гг. 7-9 центнеров с гектара, в США – 10, Германии – 19-23. В 1985 г. урожайность зерновых в СССР составила 15 центнеров с га, в США – 47, в Германии – 53.

Производительность труда в сельском хозяйстве царской России была не намного меньше, чем в США, СССР же отставал от США по этому показателю практически в 10 раз. СССР в 80-х годах ввозил огромное количество зерна из-за границы (напомню, что в 1984 г. импорт зерна составил 44 млн.т., почти столько же, каким был урожай зерновых в России в 1998 г.), имея более половины мировых площадей чернозёма.

Обеспеченность жильём в СССР в 1985 г. составляла всего 12 м² на душу населения, в США – 55, т.е. в 4,6 раза больше. Обеспеченность легковыми автомобилями, телефонными аппаратами, домашними товарами длительного пользования (холодильники, стиральные машины, аудио- и видеотехника и т.д.) у нас в советские времена катастрофически отставала от уровня стран Запада. Так, в 1985 г. в расчёте на 1 тыс. жителей в СССР приходилось всего 55 легковых автомобилей, в США – 550, в Германии 429, телефонных аппаратов в СССР на 1 тыс. жителей приходилось всего 75, в США – 759, в Германии – 598. Кстати, мы победили Германию в 1945 г., и практически сразу же после войны СССР и Германия оказались примерно на одном стартовом уровне в результате военных разрушений. Скорее, наш стартовый уровень был выше, ибо мы были победителями и сохранили на востоке страны всю промышленность, усиленную за счёт перемещения заводов из зон немецкой оккупации, не говоря уже о репарациях Германии. И каков же оказался результат к середине 80-х годов? СССР безбожно отставал от Германии по уровню экономического развития, производительности труда и особенно по уровню и качеству жизни населения.

Аналогичные международные сопоставления полезно сделать по странам, которые были разделены по разным причинам на социалистическую и капиталистическую части. Вспомним Финляндию, входившую когда-то в состав Российской империи и мало чем отличавшуюся от остальной России. Где оказались Финляндия и Советский Союз в 80-е годы? Разрыв огромен.

Как развивались Западная и Восточная Германия, Северная и Южная Корея, коммунистический Китай и капиталистический Тайвань или Гонконг? Там, где функционировали социалистическая экономика, СМЭ, централизованное планирование, результаты везде и без исключений оказались на порядок хуже, чем в странах с рыночной экономикой, без СМЭ и централизованного планирования. Но при этом военная мощь СССР и всего лагеря социализма не уступала ни США, ни НАТО, и мы гордились тем, что производим больше всех в мире танков и ракет. Такому выбору способствовали в огромной степени наша марксистско-ленинская идеология и всесильная партийная пропаганда.

И тем не менее в нашей стране был создан огромный промышленный потенциал. Можно сказать, что на базе СМЭ и централизованного планирования мы создали гигантского экономического динозавра, который отличался большими размерами, но весьма низкой эффективностью и неконкурентоспособностью. По данным, приводимым известным советским экономистом С.А.Хейнманом, отсидевшим в ГУЛАГе 18 лет, парк металлообрабатывающего оборудования в СССР в 1983 г. составлял свыше 9 млн. единиц, т.е. превышал аналогичный парк таких стран, как США, Япония, Англия, Франция и Германия, вместе взятых. Однако 43% этого парка, или около 4 млн. единиц, использовалось за пределами машиностроения и металлообработки в механических цехах немашиностроительных отраслей. Это было больше, чем во всём машиностроении США. Но использовалось это оборудование всего 2,4-4,0 часа в сутки (коэффициент сменности составлял 0,3-0,5). При этом в машиностроении СССР 30% парка металлообрабатывающего оборудования было установлено за пределами основных цехов, а именно в ремонтных и инструментальных цехах самого машиностроения, т.е. в сфере “натурального хозяйства”. Таким образом, 5,5 млн. единиц этого оборудования, или 60% его парка, были отвлечены от машиностроительного производства.

Другой пример неэффективности советской экономики связан с проблемами чёрной металлургии, с отраслью, которая занимала первое место в мире по выплавке стали и чугуна. В 1988 г. выплавка стали в СССР достигла 163 млн.т., в США – почти вдвое меньше, или 87 млн.т. Но объём машиностроительного производства в СССР был по реальному счёту наверняка вдвое меньше, чем в США. Следовательно, в расчёте на единицу машиностроительной продукции мы производили в 4 раза больше стали, чем США. Главная причина этого – неэффективная структура проката, низкая доля его тонких профилей, преобладание утяжелённых профилей.

На 100 т. чугуна в СССР в 1990 г. выплавлялось 140 т. стали, в США – 182 т. В то время как в США и Японии на долю конвертерного и электросталеплавильного методов приходилось соответственно 95 и 100% всей выплавляемой стали, в нашей стране лишь 48%. Общеизвестно, что метод непрерывной разливки стали был изобретен в СССР и продан за рубеж, однако к концу 80-х годов на этот метод в СССР приходилось 18% всей разливки стали, в то время как в США – 59, в Японии – 93%.

В стране накапливались гигантские запасы товарно-материальных ценностей, огромные размеры незавершённого строительства и неиспользуемого в производстве оборудования. Размеры этого омертвлённого капитала намного превышали все даже самые вольготные нормативы. По запасам товарно-материальных ценностей эти размеры составляли в 1990 г. 570 млрд.руб., по незавершённому строительству – 309 и по неиспользуемому оборудованию – 110 млрд.руб. Всего 989 млрд.руб. Это страшная цена за несрабатываемость СМЭ.

Тяжёлым грузом, лежавшим на плечах советской экономики, была огромная добывающая промышленность. Её удельный вес в основных фондах всей промышленности в 1988 г. составлял 30,9%, а машиностроение и металлообработка – всего 25,2%. Добывающая промышленность поглощала огромные трудовые ресурсы. Достаточно сказать, что при соотношении добычи угля в СССР и США в 1988 г. как 80:100, численность занятых в угольной промышленности СССР превышала 1 млн.человек, а в США была на уровне 130 тыс.человек, т.е. соотношение было равно 854:100. На лесозаготовках при том, что объёмы заготовленной древесины составляли в СССР 370 млн.м³, а в США – 506 млн.м³, численность занятых была равна соответственно 1 млн. и 100 тыс. человек.

Но, пожалуй, самое тяжёлое положение традиционно имело место в сельском хозяйстве СССР, где обилие природных и трудовых ресурсов напрямую сочеталось с крайне низким уровнем эффективности их использования и непомерно большими потерями. Так, посевные площади для зерновых культур в СССР были вдвое больше, чем в США (211,5 и 123 млн.га), поголовье крупного рогатого скота в СССР было равно 119% от уровня США (121 и 102 млн. голов), поголовье свиней – 144% (77,4 и 53,8 млн.голов), домашней птицы примерно поровну (1175 и 1200 млн.). Между тем производство и зерновых, и мяса (говядины, свинины, баранины) в США в 1,5 раза превышало отечественное производство. Сравнительную продуктивность животноводства характеризуют также и сопоставимые данные об удоях молока: в США 6169 кг, в бывшем СССР – 2508 кг в год.

Неэффективность советской экономики проявлялась и во внешней торговле. СССР имел хронический пассив торгового баланса по машиностроительной продукции. В 1970 г. этот пассив составил 1,0, в 1980 г. — 7,2 млрд., в 1986 г. – 16,2 млрд.руб.). Доля машин и оборудования в советском экспорте была низка, а главное, сокращалась, а общий объём экспорта машиностроительной продукции к концу 80-х годов уже находился на более низком уровне, чем в Гонконге, избравшем стратегию наращивания экспорта новейших видов электронной бытовой техники. Мы же гордились своим экспортом продукции ВПК.

5. Советская модель экономики и советская экономическая наука

В прошлые, ещё не столь отдалённые времена принято было говорить, что советская наука прошла чуть ли не героический путь и достигла небывалых высот. О науках технических или науках о природе я не говорю. Пусть скажут специалисты. Но о советском обществоведении, и особенно о советской экономической науке, сказать могу с полным правом.

Научная деятельность – тоже интеллигентское занятие и поэтому отношение большевиков к интеллигенции во многом определяло и отношение к науке, к учёным. Ленин, как известно, не уважал и не любил интеллигенцию. В сентябре 1919 года в своём письме к М.Горькому он охарактеризовал российских интеллигентов, «как интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно». Он инициировал жестокие репрессии против бывших дворян, помещиков, офицеров, адвокатов, учёных, служителей культа, врагами были объявлены практически все основные круги интеллигенции, против них строились первые концентрационные лагеря.

В статье «Как организовать соревнование», опубликованной ещё в 1918 г., В.Ленин выдвинул цель «очистки земли российской от всяких вредных насекомых». Многие учёные рассматривались в числе последних. В 1922 г. страну покинуло около 2 млн. человек, среди них было много видных, талантливых учёных, в том числе и экономистов. То были первые поистине окаянные дни для русской интеллигенции и науки.

Особенно не любил Ильич экономистов и философов. Ещё до октябрьского переворота он безапелляционно заявлял, что «в общем и целом профессора-экономисты не что иное, как учёные – приказчики класса капиталистов, и профессора философии – учёные приказчики теологов».

В годы НЭПа и до 1927 г. наступил перерыв в репрессиях и за короткое время в экономической науке произошёл взлёт творческого духа. Появились оригинальные исследования таких экономистов, как Н.Кондратьев, В.Новожилов, Л.Юровский, А.Вайнштейн и др. Однако уже осенью 1927 г. все они стали рассматриваться как вредители и враги советской власти.

Но в 1924-1928 гг. в стране шла дискуссия о дальнейших путях развития экономики СССР. В ней приняли участие как учёные-экономисты, так и практики-плановики и финансисты, представители партийной номенклатуры. Спор шёл о накоплении и стратегии индустриализации страны. За дискуссией внимательно следил И.Сталин, готовившийся стать полновластным хозяином страны.

В этой экономической дискуссии советские экономисты разделились на два лагеря – генетиков и телеологов. Генетики выступали за последовательное развитие экономики страны в соответствии с имеющимся мировым опытом, а именно: начать с сельского хозяйства и добывающей промышленности, накопить капитал, затем перейти к приоритетному развитию группы Б промышленности, особенно промтоваров народного потребления, и лишь потом, опять накопив соответствующие ресурсы, приняться за ускоренное развитие тяжёлой промышленности, или группы А промышленности. Они считали, что генетически только на такой здоровой основе промышленность может эффективно и сбалансированно развиваться. Подобной позиции придерживались Н.Бухарин, Л.Шанин, В.Базаров, В.Громан, Н.Кондратьев, А.Чаянов, П.Попов и др.

Эта группа экономистов исходила из условий свободного рынка, умеренных темпов роста промышленности, поддержки сельского хозяйства, функционирующего на основе частной собственности, необходимости всемерного развития экспорта сельскохозяйственной продукции. Всё это должно было создать накопление для последующего развития тяжёлой промышленности. По существу такая позиция логично вытекала из продолжения НЭПа и строилась на идее сбалансированного роста разных отраслей народного хозяйства и, прежде всего, промышленности и сельского хозяйства. По мнению сторонников такого подхода, планирование должно было учитывать все эти врождённые (генетические) черты экономики.

«Неортодоксальные генетики» не отбрасывали идею планирования и выступали за «сочетание товарного рынка и планового хозяйства» (В.Базаров). Только на этом пути, считал В.Базаров, можно достичь «законченного планового хозяйства», которое продолжает «непосредственное общественное управление всеми сторонами общественного производства и распределения». Генетики полагали, что, хотя социализм и «несовместим с товарным рынком», реальный путь к нему немислим вне рыночных отношений в экономике.

Телеологи же, наоборот, исходили не из врождённых, или внутренних черт экономики, а делали упор на внешне задаваемый субъективный фактор, на руководящую волю верхов, исходящую из желания создать

новое, якобы справедливое, общество путём искусственного обеспечения сверхвысоких темпов экономического роста, решительной ломки ранее сложившихся пропорций, а главное, из всемерного развития тяжёлой промышленности за счёт сельского хозяйства и крестьянства.

Такой позиции придерживались Л.Троцкий, Е.Преображенский, Н.Вознесенский, С.Струмилин. Они рассчитывали на мощное государственное вмешательство в экономику, всячески критиковали мировой опыт и генетиков, и в своих оценках отличались чрезмерным оптимизмом. Их критика часто носила весьма резкий характер и содержала политические обвинения в адрес своих оппонентов, якобы недооценивающих преимущество централизованного планирования и вообще нового общественного строя, создаваемого в стране. Они считали (как Маркс и Ленин), что сельское хозяйство – это мелкобуржуазная среда, которая рождает только капитализм, и поэтому должно быть кардинально преобразовано в интересах строительства социализма и индустриализации страны. Промышленность же сама создаёт себе рынок, а рост тяжёлой промышленности влечёт за собой рост лёгкой промышленности и сельского хозяйства. И Советскому Союзу совсем не обязательно повторять все фазы последовательной индустриализации, которые проходили в разное время разные капиталистические страны.

Борьба между генетиками и телеологами резко обострилась в процессе подготовки первого пятилетнего плана (1926-1927 гг.) Второй промежуточный вариант этого плана в 1927 г. вызвал бурную дискуссию. Представители Наркомфина СССР и Наркомзема РСФСР, где были представлены генетики, выступили против сверхиндустриализации, не подкреплённой реальными ресурсами, и, наоборот, предлагали увеличить капвложения в сельское хозяйство. В.Базаров указывал на заложенную в плане диспропорцию между городом и деревней в пользу города. Анализируя план, Н.Д.Кондратьев подчёркивал, что за «балансной внешностью» в нём скрывается внутренняя несбалансированность и несоответствие выдвинутым критериям бескризисного развития, максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся и т.д. Он писал: «Между проектируемой динамикой продукции, потребления, накопления, экспорта и т.д., нет необходимой согласованности... рост одних из перечисленных элементов делает невозможным принятый рост других». Так, предполагаемые размеры накопления не стыкуются с приводимыми данными о росте национального дохода и потребления, балансы производства, потребления и экспорта сельскохозяйственных продуктов не сходятся между собой.

Попытка осуществления подобной программы, не подкреплённой необходимыми накоплениями, в том числе и за счёт доходов от экспорта сельскохозяйственной продукции, считал Н.Кондратьев, приведёт к серьёзным хозяйственным затруднениям, срыву запланированной реконструкции народного хозяйства. В качестве одной из важнейших причин внутренней несбалансированности плана, его нереальности он выделил диспропорцию между запланированным темпом роста промышленности и сельского хозяйства при недооценке роли последнего. По его мнению, лишь ускорение развития сельского хозяйства посредством его механизации и интенсификации при соответствующем увеличении финансирования этой отрасли и правильной политике цен может дать реальную основу для индустриализации и дальнейшего экономического роста страны.

Резко отрицательная оценка проекта первой пятилетки была дана и в официальном заключении Наркомата Земледелия РСФСР. В нём обращалось внимание на необходимость учёта возможностей стихийного развития народного хозяйства. В отношении сельскохозяйственного раздела плана Наркомзем подчеркнул, что «считает совершенно недопустимым... составление (перспективного плана – *В.К.*) в виде простых табличных расчётов (то есть числовых предсказаний), не вытекающих из соответствующего экономического обоснования...» (ЦГАНХ СССР. Ф.4372. Оп.10. Ед.хр.449, Л.155). Указав на ошибки в расчётах перспектив развития сельского хозяйства и на необходимость усиления финансирования этой отрасли, он констатировал, что «не может согласиться ... с принятием этого проекта как директивы».

В постановлении съезда плановых органов (март 1927 г.) было указано, что проект первого пятилетнего плана требует доработки. Предполагалось, в частности, обратить внимание на обеспечение более высоких темпов роста сельского хозяйства, повышение эффективности капитальных затрат, а также дополнить план новым разделом по социально-культурным вопросам. Ясно, что ничего этого сделано не было. Руководство страны и партия принимали политическое решение о форсированной индустриализации за счёт сельского хозяйства и об уничтожении последних остатков буржуазии для построения счастливого социалистического завтра для замордованного и жестоко сортируемого советского народа.

Как уже говорилось, Сталин внимательно следил за всеми этими дискуссиями и их идейный ресурс использовал для окончательного выбора своей линии. Ясно, что выбор этот находился в русле теологов, что отвечало интересам укрепления его личной власти, а также политическим амбициям по скорейшему созданию мощного (самого прогрессивного в мире, как тогда считалось) общественного строя и адекватной ему нерыночной СМЭ. В отличие от теологов, линия Сталина была, конечно, намного грубее, экстремальнее, так сказать р-р-революционнее.

Конец 20-х – начало 30-х годов связаны с громкими специально организованными процессами, направленными на разгром потенциальной оппозиции, малейшего инакомыслия в среде старой интеллигенции.

Вслед за печально известным Шахтинским делом (1928 г.) и процессом Промпартии (1930 г.), когда были осуждены многие инженеры, руководители производства, как якобы вредители, возникли «дела» и процессы, затронувшие напрямую научную жизнь страны. В 1931 году состоялся «Процесс контрреволюционной организации меньшевиков», который прекратил научную деятельность таких крупных учёных-экономистов, как В.Громан и А.Финн-Енотаевский. В 1930 г. возникло «дело Трудовой крестьянской партии» – четвёртая на рубеже 20-30-х годов сталинская провокация в целях дискредитации и уничтожения критически настроенных к режиму и поэтому неугодных специалистов. На этот раз речь пошла об учёных-экономистах. Эти экономисты выступали за всемерное развитие индивидуальных крестьянских хозяйств, против насильственной коллективизации. И ещё одно: ведь, как и многим крупным инженерам («буржуазным спецам»), многим учёным-экономистам не нравились ни РСДРП(б), ни ВКП(б), ни созданный ими тоталитарный режим как при Ленине, так и при Сталине. К тому же вскоре, а именно в 1932 г. наступил голод как прямой результат коллективизации, так и не менее преступной политики, направленной на ограничение снабжения сельского населения продовольствием.

По этому поводу А.Солженицын пишет: «Вслед за процессом Промпартии готовился в 1931 г. грандиозный процесс Трудовой Крестьянской партии – якобы (никогда не!) существовавшей огромной подпольной организационной силы из сельской интеллигенции, из деятелей потребительской и сельскохозяйственной кооперации и развитой верхушки крестьянства, готовившей свержение диктатуры пролетариата. На процессе Промпартии эту ТКП уже поминали как прихваченную, как хорошо известную. Следственный аппарат ГПУ работал безотказно: уже тысячи обвиняемых полностью согласились в принадлежности к ТКП и в своих преступных целях. А всего было обещано «членов» – двести тысяч. «Во главе» партии значились экономист-аграрник Александр Васильевич Чайанов, будущий «премьер-министр» Н.Д.Кондратьев; Л.Н.Юровский; Макаров; Алексей Дояренко, профессор из Тимирязевки, — будущий «министр сельского хозяйства» ... И вдруг в одну прекрасную ночь Сталин передумал – почему, мы этого, может быть, никогда не узнаем. Захотел он душеньку отмаливать? – Так рано... А вот что скорей: прикинул он, что скоро вся деревня и так будет от голода вымирать, и не двести тысяч, так нечего и трудиться. И вот была отменена вся ТКП».

Однако многих ведущих учёных-экономистов в результате разгромного процесса по «делу ТКП» приговорили к разным мерам наказания (отсидка в тюрьмах и лагерях), а пять человек из «руководящего ядра» в 1937 г. были расстреляны (Н.Д.Кондратьев, Л.Н.Литошенко, А.В.Тейтель, А.В.Чаянов и Л.Н.Юровский).

Здесь важно отметить, что процесс по «делу ТКП» помимо прочего стал ещё и сигналом для дикой политической травли настоящих учёных-экономистов, в которой приняли участие и их коллеги. Формировались новые советские мораль и этика, ставшие потом типичными для всей советской науки. Одним из первых сигналов к этой травле стала статья в журнале «Большевик», опубликованная в конце 1930 г. В ней радостно сообщалось, что «группа буржуазных и мелкобуржуазных учёных в СССР типа Кондратьева, Юровского, Дояренко, Огановского, Макарова, Чайанова, Челинцева и др., с которыми блокировались Громан, Суханов, Базаров и др., олицетворяла собой антимарксистское направление в области сельскохозяйственной экономики. Это «последние могикане» буржуазной, мелкобуржуазной, всевозможных оттенков народнической идеологии в области аграрного вопроса. В настоящее время вся эта группа разоблачена как руководящая верхушка контрреволюционной, вредительской организации, прямой своей задачей поставившей свержение советской власти, восстановление буржуазно-помещичьего строя».

Некто И.Верминичев даёт даже «научное» определение «кондратьевщины». Вот оно: «Кондратьевщина» – это вылупившееся из народничества, объединившееся затем со всеми буржуазными экономистами учение о капиталистически-фермерском развитии нашего сельского хозяйства. Это учение, базирующееся на мелкобуржуазном строе нашего сельского хозяйства, рождающем капитализм непрерывно, имеет объективные корни для своего существования, и в этом опасность его, ибо оно непосредственно вступает в борьбу с пролетарским марксистско-ленинским учением об иной генеральной линии развития сельского хозяйства СССР – линии на социалистическое его переустройство и уничтожение в конечном счёте классов».

С восторгом людоеда при виде своей слабой жертвы другой некто, В.Милютин, в «труде» под названием «Буржуазные последыши» в те же годы писал следующее: «На самом деле это были провокаторы и агенты капитализма, которые в своей работе начисто срывали, дезорганизовывали, портили и губили работу, которую вели советская власть и вся страна. Подтасовывались цифровые данные, составлялись неверные планы с неверными техническими расчётами, организовывался срыв этих планов. Так делал Громан, сидя в Госплане и ЦСУ, так делали Чайанов и Макаров, сидя в Наркомземе, так делал Юровский, сидя в Наркомфине, так делал Кондратьев, работая в ряде учреждений, и т.д. и т.п.». Ему вторил М.Карев в «труде» «Теория и практика вредительства в перспективном планировании сельского хозяйства»: Кондратьев в своём иезуитстве дошёл до того, что «пытался использовать чуждую ему теорию пролетариата, чтобы замаскировать свои планы и протасовать идеи неизбежности капиталистической реставрации в СССР». Добавлю, что антисоветчиками и вредителями потом в течение долгого времени при советской власти считались не только многие учёные и

политические деятели, но и выдающиеся писатели, деятели культуры и искусства и даже барды (А.Галич, Б.Окуджава, например).

«Кондратьевщину» критиковал и С.Г.Струмилин, работавший в те годы в Госплане СССР. В 1930 г. он упрекал гениального экономиста Н.Кондратьева за то, что в качестве «высшего критерия рациональности хозяйства» он принимал абсолютно чуждую истинно пролетарской политэкономии «конкурентоспособность на свободном рынке». Струмилин был за план и против рынка. Он писал, что «принимая рынок за необходимую предпосылку всякого возможного планирования, мы должны бы заплатить за эту предпосылку слишком дорогой ценою, ценою отказа от социализма, как заведомо несовместимого с этой предпосылкой хозяйственного строя». Он утверждал также, что «идеологи буржуазии, нашедшие себе приют в плановых органах, в своей ориентировке на могущественную роль рынка имели в виду реставрационное воздействие на советский строй через рынок не только русского, но и более мощного международного капитала».

Однако не приходится забывать, что травля настоящих учёных инициировалась и поддерживалась сверху руководителями партии и правительства. Так, травлю Н.Кондратьева, А.Чаянова и их единомышленников начал ещё в 1927 г. Г.Зиновьев в статье, опубликованной в журн. «Большевик». Там он охарактеризовал идеи этих учёных как «идеологию новой буржуазии», «манифест кулацкой партии» и т.д. А 27 июля 1930 г. в Политическом отчёте ЦК XVI съезду ВКП(б) устами самого Сталина прозвучали следующие слова: «Репрессии в социалистическом строительстве являются необходимым элементом наступления».

Вот в такой обстановке оказались истинные российские учёные и нарождалась новая советская (а точнее, сталинская) экономическая наука. Это обстановка идеологического террора, научного и человеческого предательства, классового кровожадности и беспощадности. Верноподданническое усердие новых партийных советских экономистов превзошло все нормальные человеческие недостатки и стало со временем их неотъемлемой чертой и новой советской экономической «наукой».

Советские экономисты вели борьбу за идеологическую чистоту в своих рядах не только в довоенный период, но и после войны. Именно тогда развернулась кампания против так называемых космополитов, т.е. людей, ценивших достижения западной цивилизации, знавших иностранные языки или просто когда-либо побывавших за границей, как это было со многими солдатами и офицерами в конце войны.

Согласно установкам сверху, в каждом научном коллективе надо было выявить космополитов, «пресмыкающихся перед Западом». Чаще всего ими оказывались евреи. На собраниях их всячески ругали и поносили, приклеивая соответствующие ярлыки. Часто это кончалось изгнанием из науки, а то и арестом с последующим заключением. Среди советских учёных и в этот период находилось, увы, много желающих поглумиться над своими коллегами. Увы, надо честно признать, что руки многих советских экономистов были в крови, доносы, проявления человеческой подлости и предательства по отношению к своим коллегам во имя так называемой «великой партийной правды», стали в советские времена обычным, чуть ли не нормальным явлением.

В СССР общественные науки в целом и экономическая наука, в частности, особенно политэкономия социализма, как уже говорилось, официально считались партийными науками. На деле это означало, что партия ждала от обществоведов не оригинальных исследований и неожиданных выводов, а очень ожидаемой поддержки и пропаганды своих решений и своей политики. Многие партийные решения, в частности, и те, которые принесли много горя стране, готовились при непосредственном участии советских обществоведов.

Однако среди советских экономистов всё же не было таких одиозных и мрачных фигур, какими, например, были в биологии академик Лысенко, а в философии академики Л.Минц и П.Федосеев, которые, как мы помним, принесли огромные беды стране, формируя лженауку, боролись с генетикой, кибернетикой и пр. Но эффект квазинауки, т.е. эффект ненауки, как и эффект неэкономии, неплана и нестатистики в советские времена всё же, безусловно, имел место. В этом выражалась и широко прокламируемая «партийность» советской экономической науки, от которой не мог отказаться ни один экономист.

В советской науке апогеем научного предательства, безграмотности и цинизма по праву считается «лысенковщина» в биологии. Тем не менее подобное явление появилось в советской экономической науке намного раньше. Оно было представлено целой плеядой экономистов-марксистов-нерыночников, которые сначала сожрали своих коллег – настоящих учёных, нормальных экономистов-рыночников, а затем консолидировались в виде новой и непременно «самой передовой в мире» СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ. Последняя в лице многих своих видных представителей верой и правдой служила лично правителям страны, марксизму-ленинизму, созданному партией новому общественному строю, командно-административной, нерыночной экономике. «Научное обоснование» получали не только бесчисленные «преимущества» социализма, но и многие явные ошибки правителей страны. Многие советские экономисты охотно и даже воодушевлённо приспособлялись не только к конкретным и порой противоречивым положениям марксизма-ленинизма, но и ко всем изменениям политической конъюнктуры внутри страны, к меняющимся формулировкам в решениях партийных съездов и пленумов.

Для правильного понимания вопроса надо разделить советскую экономическую науку на прикладную и теоретическую. Истинно научный элемент был присущ, естественно, первой. При анализе конкретных прикладных вопросов, скажем, оценки эффективности тех или иных затрат на единицу выпуска продукции, производительности тех или иных машин или новой техники, сопоставлении технико-экономических показателей СССР и других стран, многие советские экономисты проявляли вполне трезвый профессионализм. И их сила была не столько в этом, сколько в том, что они не претендовали на опасные обобщения, способные посеять сомнения в эффективности функционирования советской экономики в целом. Примеров можно привести множество.

Так, академик Л.Канторович проводил ценные исследования в области оптимизации производства и программирования с использованием математических методов, профессор В.Новожилов много сделал по измерению затрат и результатов производства. Высоким уровнем научного анализа отличались работы академика В.Трапезникова в области экономики научно-технического прогресса.

Не менее интересными были и работы Т.Хачатурова, В.Красовского и В.Фальцмана по капитальным вложениям, С.А.Хеймана и Я.Б.Кваши по проблемам НТП и статистики. Но особо хотелось бы отметить подвижническую деятельность академиков Е.Варги и В.Немчинова. Е.Варга выступал с идеями об усиливающейся роли государственного регулирования при капитализме, за что вызвал гнев самого Сталина. Впоследствии Е.Варга высказался против партийной версии о неизбежности войны между империалистическими странами и подверг критике ряд ошибочных антинаучных положений последней «теоретической» работы Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В.Немчинов выступал за внедрение рыночных элементов в плановую систему (конкуренция за госзаказы, оптовая торговля средствами производства), хотя и предлагал создать «теорию плановых цен». Он прекрасно проявил себя также и как принципиальный противник Т.Лысенко.

Можно привести и другие примеры достойного поведения и добросовестного отстаивания вполне разумных научных позиций, не умещавшихся в рамки привычных догматических представлений политэкономии социализма.

Так, вполне скромный экономист из Института экономики АН СССР Д.Палтерович писал в 1985 г.: «Не слишком ли богаты сейчас предприятия оборудованием, если на многих из них, заходя в цеха даже в первую смену, можно увидеть половину, а то и больше бездействующих машин? И не лучше ли уменьшить ресурсы, выделяемые на производство, скажем, традиционных станков в 1,5-2 раза, высвободив тем самым мощности машиностроения для освоения новой, высокопроизводительной или более дефицитной техники». Другой экономист-прикладник, Ю.Субоцкий, писал о тенденциях нерационального самообеспечения, создания предприятий неоптимальных размеров, растущей несостыковки предложения товаров с реальным спросом на них, несопряженности выпуска оборудования с приростом занятости и даже деспециализации производства.

В научно-исследовательском экономическом Институте при Госплане СССР проводились важные прикладные исследования в области межотраслевого баланса, повышения эффективности производства, использования в планировании рыночных инструментов, сопоставления экономических показателей СССР и США.

Свой путь совершенствования социализма и СМЭ предлагали такие «рыночники» (как тогда их называли), как Е.Либерман, Г.Лисичкин и А.Бирман. Е.Либерман не предлагал ввести в стране рыночные отношения или сделать прибыль главным показателем плана. Он предлагал повысить роль прибыли, рентабельности и премий в системе централизованного планирования. Его статья «План, прибыль и премия», опубликованная в «Правде» в 1962 г., вызвала не только широкую и открытую дискуссию, но и во многом определила первую косыгинскую реформу 1965 г.

Конечно, эти прикладные исследования проводились не в русле отрицания социализма и присущей ему СМЭ и системы централизованного планирования, а в русле их совершенствования. Никто из рыночников ни слова не сказал о принципиальной порочности планового ведения хозяйства во всех мелочах из одного всевидящего центра, о необходимости восстановления института частной собственности, товарно-денежных отношений и органически присущего им механизма конкуренции.

Эта группа советских экономистов видела задачу «не в том, чтобы дать неограниченный простор закону стоимости и превратить его в регулятор социалистического производства, а в том, чтобы использовать закон стоимости как один из важнейших экономических рычагов планового руководства нашим народным хозяйством». Она не предлагала предоставить рынку регулирующие функции и выступала за использование рыночного механизма лишь как вспомогательного, т.е. в помощь плану, утверждая, что закон стоимости «как регулятор не самостоятелен, выполняет подсобные функции». В результате пытались соединить план и рынок. Ключевым словом стало слово «хозрасчет».

Другой срез частично плодотворных научных идей – это закрытые докладные записки «наверх», которые в 60-80-х годах готовили практически все исследовательские институты, и дело это было довольно престижным. В записках можно было сказать значительно больше правды, чем в открытой печати. Но это не

значило, что высказанная правда будет учтена в руководящих инстанциях, если она не очень соответствует принятым там взглядам или принятым направлениям развития экономики страны. Но те экономисты, которые регулярно писали такие записки в своих институтах, котировались довольно высоко. Они порой считались прогрессистами, сторонниками давно назревших реформ, которые консервативные руководители не желают проводить, поскольку они не отвечают их политическим интересам сохранения своей авторитарной власти. Многие из них были невыездными, их на всякий случай не выпускали за границу. Вместо них с подготовленными ими материалами (результатами их исследований!) ездили директора и замдиректоров их исследовательских институтов.

Среди таких «запискописателей» было много экономистов-международников, международных политологов и историков, работавших в институтах Отделения мировой экономики и международных отношений АН СССР. При этом иной раз ставились острые по тем временам вопросы об отставании СССР от Запада по эффективности производства, научно-техническому прогрессу, давались предложения по военным вопросам, по отношениям со странами СЭВ и с коммунистическими партиями других стран. Особенно остро стоял вопрос о войне в Афганистане, размещении советских ракет СС-20 в странах Восточной Европы, о поддержке Кубы. Не все «запискописатели» защищали при этом интересы своей страны, многие из них подлаживались под уже намечающиеся к принятию «наверху», ставшие потом роковыми, решения. Так, ученые академики – члены ЦК и просто к нему приближенные заранее знали о таких наметках и, скорее всего, выполняли поручения их обосновывать и поддерживать.

Одной из самых известных впоследствии таких докладных записок стала записка известного советского социолога Т.И.Заславской, ставшей потом академиком. Т.Заславская работала в Сибирском отделении АН СССР и в 1983 г. направила в центр докладную записку с предложениями о совершенствовании социалистических производственных отношений. В ней прямо был поставлен вопрос о расширении элементов рыночного механизма в централизованном планировании СССР. Однако текст записки каким-то образом попал на Запад и вызвал в ЦК и КГБ бурю негодования, как антисоветский, вредительский и т.д. документ. К счастью, для автора все обошлось.

Но совсем иной характер носили в большинстве своем так называемые исследования многих советских экономистов-теоретиков, экономистов, занимавшихся макроэкономическими проблемами СССР. Их «исследования» напрямую подпирала СМЭ, стратегическую линию партии на укрепление существующего строя, своей власти, марксистско-ленинской идеологии. В этом качестве они были не только оружием партии, но и питательной средой, обслуживающей интересы реального социализма, его претензии на высшую эффективность и даже на мировое господство.

Советские экономисты вплоть до конца 80-х годов не хотели задумываться и пересматривать свои оценки так называемого развёрнутого строительства социализма в нашей стране, ознаменовавшего формирование тупиковой СМЭ. Это социалистическое строительство, считалось, было направлено на якобы всестороннее и свободное развитие народа, являлось концентрированным выражением сознательного и планомерно организованного использования основного экономического закона социализма (якобы всемерного удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей населения), когда достигалось якобы гармоничное, пропорциональное развитие производства, постоянно росла его эффективность и т.д. А для всего этого надо было обеспечить преимущественное, опережающее развитие тяжелой промышленности и, прежде всего, машиностроения и энергетики. Даже академик Н.Федоренко, который часто справедливо критиковал догматиков-политэкономов, в 1968 г. писал: «Полувекковая история развития СССР – первого в мире социалистического государства – на огромном историческом опыте продемонстрировала силу и неисчерпаемость творческих возможностей нового строя, основанного на общественной собственности на средства производства. Социализм проявил себя как самая прогрессивная организация общественной жизни, он невиданно ускорил темпы социально-экономического и культурного развития нашей страны, использовал результаты прогресса на благо всего общества».

Во всей этой утопии совсем не просматривалось реалистическое понимание действительности. Лишь постепенно под напором всё накапливающихся фактов и неизменного провала всех попыток частичных реформ с фрагментарным применением некоторых элементов рыночного механизма отдельные советские экономисты стали более или менее адекватно рассматривать отдельные негативные процессы и явления в развитии советской экономики. Но до понимания сути СМЭ дело никогда не доходило.

Здесь прежде всего придется вспомнить преподавателей-экономистов, работавших в партийных вузах (Академия общественных наук и Высшая партийная школа при ЦК КПСС, партийные школы в союзных республиках) и на экономическом факультете МГУ. Все они готовили (а точнее, портили мозги) руководящие кадры и партийных идеологов. Чего, например, стоит такая «наука», как политическая экономия социализма, которая была обязательным предметом для изучения во всех вузах страны? Бессодержательные банальности и выдумки о развитии производительных сил и производственных отношений, о строительстве

материально-технической базы коммунизма, непосредственно общественном труде или об экономических законах социализма были обычной темой «исследований» таких экономистов.

Известным учебником по политэкономии социализма был учебник под редакцией проф. Н.Цаголова, подготовленный на экономическом факультете МГУ и претендовавший на своего рода теоретический монумент типа «Капитала» Маркса, но применительно к социализму. В одном из ранних изданий этого учебника прямо говорилось, что «товарно-денежные отношения не порождены самими основами социализма». Провозглашая коренные преимущества социализма над капитализмом, авторы последующего издания этого фундаментального по своему предназначению труда пишут: «При планомерной организации производства в масштабе всего народного хозяйства на основе единого централизованного плана в интересах всех членов общества, т.е. при социализме, общественный процесс производства выступает как процесс функционирования единого общественного хозяйства, процесс хозяйствования общества в целом... Непосредственно общественные, на основе и в рамках единого общественного плана, а не рыночные, стихийно формирующиеся отношения, связывают отдельные производственные звенья в единый процесс социалистического производства».

Когда люди так думают, то они способны загнать экономику в состояние полного паралича, ибо уже нет места никакой мотивации к труду и производству, рыночные отношения полностью исключаются, а командный механизм хозяйствования и экстенсивный характер развития чуть ли не увековечиваются. Студенты, изучавшие этот курс, всегда преодолевали внутреннее неприятие нарочитой искусственности псевдонаучных формулировок, претенциозность на открытие якобы нового, вечного.

Университетские политэкономы претендовали на открытие вечных и незыблемых истин, своего рода аксиом, обязательных для всех экономистов страны. Однако они никогда не задумывались над тем, как открываемые ими объективные экономические законы и категории социализма должны реализовывать себя на практике, каковы пути повышения эффективности производства, рационального и бережливого ведения хозяйства. Иными словами, политэкономия социализма не стала опорой практики управления и планирования. Её увлечения абстракциями, расплывчатыми формулировками делало её оторванной от реальных хозяйственных процессов и мешало конкретным и прикладным исследованиям в этой области. Что же касается ее трактовки товарного производства при социализме, то в последних изданиях учебника по политэкономии социализма под редакцией Цаголова товарно-денежные отношения стали признаваться лишь в качестве гетерогенных и незначительных элементов «досоциалистических форм экономических отношений», но в то же время органически не присущих социализму, как общественной системе. Какие-либо количественные измерения, тем более применение математики в экономике среди «чистых теоретиков» из МГУ или Института экономики были не в чести. Они аргументировали либо путём абстрактных рассуждений, либо цитатами. Самым главным способом доказательств было цитирование Маркса и Энгельса. По существу, это было паразитирование на выводах, относящихся к далёкому прошлому или на идеологических догмах. И особенно поощрялась при этом критика так называемых «буржуазных теорий». Противопоставление своих взглядов взглядам западных исследователей считалось верхом «научного» изыска.

В работах экономистов-теоретиков из Института экономики АН СССР также провозглашался панегирик по поводу успехов в строительстве социализма в нашей стране, постепенного преобразования социалистической экономики в коммунистическую. При этом, как правило, речь и не шла о противоречиях, проблемах или недостатках в хозяйственной практике, в расчётах в экономической политике.

Всё это имело место и в те годы, когда экономический рост в СССР практически прекратился, дефицит продукции достиг непомерных размеров, социальное недовольство нарастало, страна импортировала огромное количество зерна, и настроения бесперспективности и безысходности были уже широко распространены в обществе. Более того, в те годы кое-кто из нас уже начал понимать, что советская экономическая система обречена.

И тем не менее выдающиеся представители советской экономической науки не очень-то стремились к замене плана рынком, к формированию смешанной конкурентной рыночной экономики и особенно к созданию в советской экономике мощного частнопредпринимательского сектора, без которого эффективная рыночная экономика просто не существует.

В то же время некоторые советские экономисты-теоретики в своих работах 70-80-х годов стали всё чаще говорить о необходимости более широкого включения товарно-денежных отношений в систему экономических отношений при социализме. Такую же позицию занимали такие известные теоретики социалистической экономики, как Л.И.Абалкин, Я.А.Кронрод и Л.М.Гатовский, которые считали, что товарно-денежные отношения имманентно присущи социализму, не привносятся извне и не порождаются «недоразвитостью» социализма. Они были сторонниками принципа органического единства централизованного планового руководства хозяйством с хозрасчётом и относительной экономической самостоятельностью

государственных предприятий, выступали в поддержку прибыли и рентабельности, как показателей народнохозяйственного плана. И были убеждены в полной научной и исторической обоснованности и в скорой победе коммунизма в нашей стране.

Тем не менее это был реальный учёт в теории тех практических шагов, которые уже стали делаться в попытках частичного реформирования классической нерыночной СМЭ. Это был шаг в направлении «рыночного социализма», который в более развёрнутом виде в те годы был представлен в экономике Югославии, Венгрии и Польши. Консервативные университетские теоретики явно не одобряли подобной логики.

Вместе с тем реальный социализм в нашей стране имел реальные товарно-денежные отношения только на колхозных рынках и в теневом секторе экономики. В государственном секторе (а это 99% экономики) их не было и не могло быть. Советская экономика не имела не только реального рынка товаров и услуг, не было рынков труда и капитала, не было коммерческих банков и кредита, не было даже элементарной рыночной инфраструктуры и свободы выбора у потребителя.

Университетские же политэкономы были убеждены, что в конечном счёте товарно-денежные отношения по мере развития социализма со временем сами отомрут или «будут преодолены», и экономика страны окончательно войдёт в виртуальную жизнь искусственных правил, норм и указаний «сверху» в жёстких рамках централизованного планирования. Забавно сегодня читать прошлые рассуждения многих советских экономистов об их «концепциях», «теориях», «открытиях» и т.д. по вопросам, которые рождались в искусственной среде социалистической псевдоэкономики, в искусственном мире «диктатуры пролетариата» и адекватной ему «науке», оторванной от магистрального пути мирового развития. Ни СМЭ, ни советскую общественную систему ликвидировать или радикально изменить они не предлагали. Все определяли «решения партии и правительства», которым они автоматически подчинялись.

«Теоретики» политэкономии социализма любили к тому же упражняться в схоластических рассуждениях о «новом содержании» товарно-денежных отношений при социализме, об «основном» и «исходном» производственном отношении при социализме, о «производительности труда» и «производительной силе труда», о «производительности общественного труда» и «общественной производительности труда», о методологии основного экономического закона и т.д. Они раскладывали карточный пасьянс из придуманных ими якобы объективных «законов» социализма. Тузом был «основной экономический закон», королем «закон планомерного и пропорционального развития», дамой «закон неуклонного роста производительности труда» и т.д. А в целом «политэкономия социализма» в связи с прогрессирующим упадком и кризисом этой системы всё более утрачивала своё значение и уходила в небытие, не выдержав испытание временем.

Долгие годы среди советских политэкономов шли скучные дискуссии об основном экономическом законе социализма. В период «военного коммунизма» выдвигалась концепция «закона трудовых затрат», в период НЭПа – концепция «закона стоимости», «двух регуляторов Е.Преображенского и «двуединого регулятора» А.Кона. В 30-е годы в качестве основного закона чаще всего выдвигались план и диктатура пролетариата. На этом поприще особенно активно выступали К.Островитянов, Л.Гатовский и Л.Леонтьев, ставшие потом в послевоенный период высокопоставленными чиновниками в советской экономической науке и законодателями «правильных» взглядов и точек зрения.

Как пишет Н.Шухов, «К.В.Островитянов, Л.М.Гатовский, Л.А.Леонтьев и другие в угоду И.В.Сталину возвели «диктатуру пролетариата» как форму политического правления, опирающуюся на неограниченное законом насилие, в основной объективный экономический закон советского хозяйства вплоть до «окончательной победы социализма». В качестве основного экономического закона отдельные советские экономисты провозглашали юридические акты советского государства и сталинскую Конституцию 1936 г.

После войны под влиянием Сталина была принята окончательная формулировка основного экономического закона социализма, как закона максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей. Цинизм этой формулировки для реальных условий «реального социализма» безмерен.

Советские экономисты многие десятилетия отрицали и не разрабатывали проблем скрытой инфляции и открытого дефицита в стране. Господствующая партийная идеология не признавала обесценения денег при социализме в принципе. Считалось, что это феномен лишь капиталистической экономики – экономики рыночного хаоса и анархии производства. В централизованно планируемой социалистической экономике, говорилось, такое невозможно в принципе, ибо цены устанавливаются государством сверху, жёстко контролируются и носят фиксированный характер.

Однако цены росли, предприятия все меньше выпускали дешёвой, низкорентабельной продукции, старались применить более дорогое сырьё и полуфабрикаты, повысить материалоемкость и цены, чтобы не снизить уровень рентабельности. Огромные очереди населения за продуктами и промтоварами первой

необходимости не только способствовали росту цен, но и сами по себе были выражением скрытой инфляции. Происходило постоянное удорожание машин и оборудования на единицу их мощности. Поэтому при перевыполнении плана по стоимостным объёмам капвложений план по вводу мощностей обычно не выполнялся, при быстром нарастании объёмов капвложений шёл процесс замедления обновления основных фондов, при росте расходов на НИОКР не было адекватного увеличения, как тогда говорилось, внедрения новой техники.

То же самое можно сказать и о проблеме дефицита, органически присущей плановой, нерыночной экономике. Лишь в 80-х годах, когда процесс развала советской экономики стал приближаться к своему апогею, отдельные советские экономисты фрагментарно и без теоретических обобщений стали затрагивать эти вопросы в своих исследованиях. А к этому времени в западной советологии всё это уже получило полное научное освещение, определение и осознание.

Экономисты-математики предложили искусственный заменитель рынка – систему оптимального функционирования экономики (СОФЭ), где вместо нормальных равновесных цен предлагались искусственно рассчитанные, так сказать, математические цены, вытекавшие из оптимального плана, цены без стоимости. По существу, речь шла о математической имитации рыночных цен, всего объективного процесса ценообразования, балансирующего спрос и предложение. К тому же спор среди «софэистов» шёл не о плане и рынке или о том, как их совместить, а только о плане, о том, как заменить устаревшую госплановскую систему и сложившуюся систему административных цен на еще более жесткие, искусственные, виртуальные, но якобы «онаученные» с помощью математики цены. Как пишет Я.Корнаи, «даже самая современная компьютерная техника оказывается не в состоянии рассчитать миллион переменных величин в народном хозяйстве. Единственным «компьютером», способным сделать это, является рынок. А надежды заменить рынок математикой и компьютерами оказались на грани провала». Плановую экономику наши экономисты-математики рассматривали как «сознательно оптимизируемую» в соответствии с якобы целевой функцией роста благосостояния населения.

Экономисты-математики порой специально подчёркивали свою верность партийной идеологии, клялись, что они ни на шаг не отступают от марксизма. Так, А.Захаров писал, что «применение кибернетического анализа в экономике не означает какой-либо «ломки» марксистско-ленинской политической экономии, а представляет собой её естественное развитие, так как можно показать, что подход, применявшийся Марксом в «Капитале», был бессознательно кибернетическим». Этот удивительный вывод соседствует и с другими не менее удивительными рассуждениями учёных из этой группы советских экономистов.

Так, «софэисты», равно как и теоретики-политэкономы, претендовали на открытие новой экономической теории социализма, альтернативной рыночной, на научную трактовку экономических законов социализма (с учётом оптимального функционирования экономики), как передовой по сравнению с капитализмом общественной формации, её социально-экономического оптимума. Политическую экономию социализма они называли описательной, свою же теорию именовали конструктивной. Некоторые из них выступали против товарных отношений, которые также считали несовместимыми с централизованным планированием, за наивысшую эффективность, которая достигается якобы на основе оптимального плана, разработанного на основе соизмерения затрат и результатов, отбора его оптимального варианта. В то же время главные сторонники СОФЭ (В.Немчинов, В.Новожилов) выступали за развитие хозрасчёта и товарно-денежных отношений при искусственном формировании оптимальных цен (издержки производства плюс плата за фонды). Всё это свидетельствовало о противоречиях и несогласованности в рядах «софэистов». Никто из экономистов-математиков ни слова не сказал о преднамеренном искажении советской официальной статистики, которую они использовали в своих моделях. А в целом можно заключить, что как теоретики чистой политэкономии социализма, так и сторонники СОФЭ находились в стороне от действительно научного исследования в теоретическом смысле. И те, и другие всерьёз полагали, что социалистическая экономика обладает наивысшей эффективностью.

Резко критиковал математическую школу в советской экономике Я.Кронрод. Он обвинял её в протаскивании идей «буржуазных» теорий предельной полезности, факторов производства, за субъективно-психологический подход и т.д., приводившем к отходу от марксистской теории трудовой стоимости. Он был озабочен тем, что «происходит проникновение – и немалое – концепций (старых и архисовременных) буржуазной теоретической экономии в советскую экономическую науку». Примерно на такой же позиции стоял и известный советский экономист, академик К.Островитянов.

Характеризуя капиталистическую экономику, Кронрод упирал на то, что она отличается гигантским расточительством, паразитизмом, анархией производства, цикличностью, кризисностью, монополистическим загниванием, эксплуатацией городом деревни, метрополиями колоний и т.д. А социалистическая экономика, в противоположность этому, полностью исключает все антагонистические капиталистические деформации, создаёт наиболее рациональную, прогрессивную и эффективную структуру производительных сил и производимого общественного продукта.

В свою очередь экономисты-математики резко критиковали теоретиков-политэкономов и вообще советскую экономическую науку. Так, академик В.Немчинов считал, что советская «экономическая наука продолжает отставать от требований практики», что существует недооценка «анализа количественной стороны экономических процессов в социалистическом народном хозяйстве», что «нельзя политическую экономию социализма ограничивать только качественным анализом». Другой видный представитель СОФЭ, А.Лурье, говорил, что «к сожалению, часть “трудов” наших политэкономов была не “описательной” (описывать – полезное дело), а “деструктивной”. Они тормозили положительную разработку проблемы эффективности, вопросов использования категорий прибыли и ренты, введения начислений на фонды» и т.п.. Трудно не согласиться с этой оценкой.

Но среди экономистов-математиков раздавались и самокритичные оценки. Так, В.Фальцман отмечает, что молодые софэисты «были чересчур далеки от практики, чтобы разработать “оптимальный план” не только для народного хозяйства, но и даже для любой отрасли. Да и сама идея оптимального функционирования социалистической экономики все более противоречила практике, становилась реакционной по мере того, как бывший СССР терял темпы своего роста, из числа догоняющих стран перемещался в отстающие».

Особо следует сказать об экономистах-международниках, в среде которых сформировались два течения: одно прогрессивное, другое – консервативное. Учёные первой группы говорили об изъянах советской экономики, не способной «догнать и перегнать» Запад по НТП и жизненному уровню населения, о новых явлениях в экономике капитализма. В ИМЭМО – это Е.Громов, Я.Певзнер и др. Учёные второй группы талдычили о проблемах и противоречиях капитализма, о его общем кризисе, загнивании и бесперспективности развития и, естественно, о преимуществах социализма. В ИМЭМО это В.Аболтин, А.Кац, И.Гурьев, генерал Горяинов и др. Директора международных институтов держали у себя тех и других, манипулируя их записками и иными трудами в зависимости от политической ориентации того или иного вышестоящего партийного босса, которым они и посылались.

Следует сказать, что в 1948 г. по указанию Сталина Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР (именно так тогда назывался ИМЭМО) был закрыт, и его сотрудники влились в Институт экономики АН СССР, где был сформирован международный отдел. Поводом для гнева «вождя народов» послужили работы директора Института академика Е.Варги и ряда других учёных из этого института, где по-новому, более адекватно сложившимся послевоенным реалиям рассматривались проблемы усиления роли государства, развития демократических процессов в капиталистических странах и т.д. Всё это не состыковывалось с устаревшими марксистско-ленинскими постулатами, сложившимися в прошлом. Поэтому они широко критиковались в партийной печати и в «научных» дискуссиях.

Для самосохранения, сохранения своих сотрудников, для того, чтобы иметь возможность работать, академик Варга вынужден был выступить с публичным, довольно униженным, покаянием. Покаяние называлось «Против реформистского направления в работах по империализму», оно было опубликовано в журнале «Вопросы экономики».

Е.Варга писал, что критика его работ «была необходима и правильна. Моя ошибка заключается в том, что я не сразу признал правильность этой критики, как это сделали другие товарищи. Но лучше поздно, чем никогда». И далее: «Всякие ошибки реформистского направления в отношении буржуазного государства, которые, к сожалению, встречаются в моей книге (независимо от желания автора), несомненно, являются поддержкой контрреволюционного реформистского обмана рабочего класса и тем самым поддержкой буржуазии». И далее он вынужденно признал, что в его изложении часто «отсутствует необходимая марксистская ясность». Поистине горе было тем, кто публично не признавал своих «ошибок», не отрекался от истинной науки.

В то же время многие советские учёные с энтузиазмом славословили в адрес вождя и учителя, видя в этом важный фактор для своего благополучия. Вот что писали в своём обращении к Сталину участники Всесоюзного совещания химиков в 1951 г.: «Собравшись для обсуждения путем свободной широкой дискуссии основных вопросов современного состояния теории химического строения, мы, советские химики, хотим выразить Вам нашу глубочайшую благодарность за Ваше повседневное внимание к развитию советской науки и, в частности, химии, за Ваши руководящие указания работникам науки, определяющие пути её развития, за Вашу творческую деятельность по преобразованию человеческого общества на научных основах, разработанных Марксом, Энгельсом, Лениным и Вами, товарищ Сталин». И далее: «...Руководствуясь решениями Центрального Комитета ВКП(б) по идеологическим вопросам и Вашими, товарищ Сталин, указаниями, советские химики развернули борьбу против идеологических концепций буржуазной науки. Порочность так называемой «теории резонанса» ныне разоблачена, а остатки этой концепции будут выброшены из советской химической науки...». И т.д.

Теория резонанса, слава Богу, выжила. Но дело в другом. Сталин мог что-то вразумительное сказать по теме работ ИМЭМО или академика Е.Варги, но что он понимал и мог понимать в химии, генетике,

языкознании, в литературе, наконец. Но многие «советские учёные» и целые их кланы старались использовать Сталина в своих личных и корпоративных интересах. И после его смерти такие же «учёные» старались использовать в своих интересах других генсеков, партаппаратчиков, начальников разного рода. Вот что ужасно. Что это за наука такая?

Западные учёные долгое время вообще не могли понять, что же творится с наукой в Советском Союзе.

Тем временем постепенно в советской общественной науке сформировалась группа партийных академиков, директоров исследовательских институтов, порою членов ЦК, обслуживающих руководство страны без особого риска для себя. Скорее, во благо самим себе. Они работали на реальный социализм и не хотели и не предвидели его развала.

Привилегии административных постов, в свою очередь, часто привлекали к себе энергичных, но далеких от научного творчества молодых людей. И прежде чем стать директором или заместителем директора НИИ, часто надо было поработать секретарем парткома института, заслужить доверие вышестоящего начальства. Административный же пост давал возможность получить не только существенно более высокую зарплату, но и квартиру, служебную машину, бесплатное лечение в лучших поликлиниках, больницах, санаториях, поездки за границу за государственный счёт и др. привилегии. Но самое главное – власть. Всё это имело место в советской экономической науке, как, впрочем, и в других сферах – для советской номенклатуры.

Что касается Академии наук СССР, то в отличие от других сфер производственной и научной деятельности, здесь особенно привлекала возможность получения звания академика или члена-корреспондента тоже с соответствующими привилегиями. Для получения этих званий никаких научных открытий сплошь и рядом вообще не требовалось. Работали иные мотивы. Вот что писал по этому поводу известный советский юрист Б.Курашвили: «Академики и члены-корреспонденты работают в институтах, но управляют ими не только в силу своих должностей в них, а главным образом как члены привилегированного слоя, клана, клуба. Состав этого руководящего клуба в последние два-три десятилетия сильно изменился. В его члены избирались не только и даже не столько по научным заслугам в зависимости от личных научных достижений, сколько по служебному положению в науке, членами-корреспондентами и академиками часто становились директора институтов. А директорами становятся не обязательно самые талантливые учёные. Здесь действуют законы формирования и самоподдержания номенклатуры. Преимущества у учёных среднего уровня, имеющих организаторские способности, ориентированных на власть, пользующихся расположением верхов. Недостаток научного авторитета они восполняют должностью и академическим званием. Девальвация этого звания стала очевидной».

Выдвижение и выборы в академики и члены-корреспонденты – это процедура реализации сговора по поводу конкретных индивидуальных или групповых интересов уже действующих начальников от науки и отдельных научных коллективов или же результат проведения в жизнь рекомендаций из вышестоящих руководящих органов страны, особенно из ЦК КПСС.

Многие директора и заместители директоров ведущих исследовательских институтов, будучи «проверенными и надёжными кадрами», в брежневский период стали регулярно ездить в заграникомандировки, знакомиться с организацией и результатами серьёзной научной работы, ведшейся на Западе. Они прекрасно видели и понимали, какую по-настоящему большую роль играл на Западе свободный учёный, каким уважением и авторитетом он пользовался. Чиновников от науки там практически не было. Но зато было много разнообразных научных школ и направлений, конкурирующих между собой. Стандартизация мышления и конформизм, столь типичные для советской науки, там проявлялись лишь в редких случаях. Однако по возвращении к себе домой и в свой институт они ничего не предпринимали, чтобы хоть как-то позаимствовать и применить у себя на Родине передовое, прогрессивное, настоящее. Похоже, их вполне устраивали наши феодальные порядки и привилегии. И они не чурались контактами с КГБ, выполняя прямые поручения его сотрудников.

Процесс вырождения науки и учёных в результате их порчи от привилегий и льгот хорошо известен с давних пор. Об этом весьма содержательно писал и М.Бакунин: «...Научная академия, облечённая, так сказать, абсолютной верховною властью, хотя бы она состояла даже из самых знаменитых людей, неизбежно и скоро кончила бы тем, что сама развратилась бы и морально, и интеллектуально. Такова уже ныне история всех академий при небольшом количестве предоставленных им привилегий. Самый крупный научный гений с того момента, как он становится академиком, официальным патентованным учёным, неизбежно регрессирует и засыпает. Он теряет свою самобытность, свою революционную смелость и эту не укладывающуюся в общие рамки дикую энергию, характеризующую самых великих гениев, призванных всегда к разрушению отживших миров и к закладке основ новых миров. Он, несомненно, выигрывает в хороших манерах, в полезной и практической мудрости, теряя в мощности мысли. Одним словом, он вырождается».

Таково уж свойство привилегии и всякого привилегированного положения – убивать ум и сердце людей. Человек, политически или экономически привилегированный, есть человек, развращённый

интеллектуально и морально. Вот социальный закон, не признающий никакого исключения, приложимый одинаково к целым нациям, классам, сообществам и индивидам».

К тому же долгие годы советские учёные находились под гнётом невежественных партруководителей, идеологов, бюрократов, номенклатурщиков от науки, бдительных кадровиков-кагебистов. Ведь для того чтобы занять пост директора исследовательского института, заведующего кафедрой общественных наук в вузе, требовалось специальное решение ЦК, обкома или райкома КПСС. Поскольку значительный слой учёных был уничтожен вообще, как якобы враждебный социализму элемент, и на этой почве появились лояльные конъюнктурщики, или так называемые партийные учёные, возрос удельный вес посредственностей, массовых, средних «учёных». Неуютно было блистательным, оригинальным умам.

Лысенковщина постепенно превратилась в один из принципов научной (а лучше сказать, псевдонаучной) деятельности в СССР. Партийная идеология оседлала всё обществоведение и погоняла его как хорошую лошадь в нужном для неё направлении. Среди таких «учёных» быстро нашлись рьяные карьеристы, которые лучше любого партюриста направляли и свою «науку» в нужном руководителям страны направлении. Нормальные же учёные (были и такие!) должны были следовать планам и приоритетам, задаваемым подобными руководителями, выполнение которых особенно стимулировалось. Известный биолог, проф. Эфроимсон, познавший горечь сталинизма в советской науке, писал: «Я не преувеличу, если скажу, что в нашей науке существует почти феодальная зависимость огромной армии хороших, но по титулу рядовых учёных, от возвышающихся над ними хозяев, царьков и настоящих царей. Дикость ситуации усугубляется тем, что для рядового сотрудника практически нет никаких путей освободиться от этой зависимости... Настало время понять, что лидер в той или иной области знаний – это не звание, не должность, это прежде всего нетривиально, нестандартно мыслящий учёный, способный увлечь за собой единомышленников».

Среди академиков (прежде всего по общественным наукам) преобладали не истинные учёные, а «адаптивные», лояльные и удобные люди. Они должны были быть в то же время и послушными, и управляемыми. Выбирали их в академики обычно, как уже говорилось, при отсутствии у них реальных и важных научных достижений. Задаваться вопросом об их вкладе в науку или практику было неэтично, хотя в документах, подаваемых на прохождение процедуры выборов, расписывались самые фантастические вещи: вклад в теорию международных отношений, открытие особого направления в исследованиях и т.д. А то, что на проверку никакой теории или действительно нового научного направления не было, старались не замечать.

Была в советской экономической науке и просто околонучная шпана, как правило, выходцы из рабочих и крестьян, имевшие чисто прагматические цели. В добрые старые времена таких и близко не подпустили бы к настоящей науке или настоящим учёным. Теперь же они порой стали занимать командные и номенклатурные должности в исследовательских институтах на волне общей большевизации и пролетаризации советского общества. Их немаловажным козырем была анкета, в которой указывалось, что они вышли из среды потомственных рабочих и крестьян. К выходцам же из старых интеллигентских семей относились не только сдержанно, но и с нескрываемым недоверием.

В советские времена в области общественных наук вообще, по существу, не нужны были ищущие настоящие учёные, генераторы новых идей, особенно тех, которые были направлены против заплеванных догм. Практически вплоть до развала СССР большинство советских экономистов говорили о пользе централизованного планирования, руководящей роли партии и её монополизма в обществе, о преимуществах социализма и, в частности, о том, что социализм имеет своей целью максимальное удовлетворение материальных и культурных потребностей народа. Даже при разработке горбачёвской «концепции ускорения» лучшие советские экономисты того времени исходили из традиционных советских постулатов об административно-командном стимулировании машиностроения и научно-технического прогресса, а не об изменении условий производства, самой модели экономического развития страны.

Именно поэтому советская экономическая наука оказалась не готовой к переходу к рынку, не смогла разработать обоснованную программу экономических реформ в нашей стране, и эта «недостроенность» сохраняется у нас до сих пор. Но принципиально речь должна идти не только об общественных, но и о технических науках. На совести советской науки в области техники много грубых и крупных ошибок. Это и загрязнение Байкала и рек, обмеление Арала, глупые идеи о повороте рек, Чернобыль, наконец. К экспертизе многих научных проектов часто привлекались не истинные учёные, а генералы от науки, онаученные бюрократы.

Уже упоминавшийся В.Селюнин свидетельствует, например, что Институт географии АН СССР разрабатывал сталинский план преобразования природы, обосновывал строительство канала от Арала до Каспия. «Такая, рад бы сказать, наука изобретена не сегодня. Посредством долгих мутаций выведена особая порода учёных. В прилично организованном обществе им не доверили бы торговать котлетами в привокзальном буфете, а у нас они предрешают судьбы обширных регионов. Не тогда ли они зачаты, когда гражданам образно объяснили: мол, интеллигенция мнит себя мозгом народа, в действительности это не мозг, а г...? Не в тот ли год появились они на свет, когда ради ослабления таинственных «околокадетских кругов» из

пределов Отечества, как шелудивых псов, выгнали мыслителей, составлявших цвет нации? Не в ту ли пору они мужали, когда интеллектуальную элиту волокли на расправу под улюлюканье толпы? Не они ли, усвоившие и передавшие ученикам новую мораль, ещё вчера отыскивали умопомрачительные глубины мысли в пошлостях вроде той, что экономика должна быть экономной? Не в этой ли цепочке событий истоки, быть может, самого тяжёлого недуга страны – кризиса мысли?»

После взрыва атомного реактора на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г., отмечает В.Селюнин, когда радиация в районе достигла 15 тыс. рентген в час, председатель Госкомгидромета, известный советский физик Ю.Израэль заявил 6 мая на официальной пресс-конференции, будто она составила лишь 0,015 рентгена в час. Это была прямая ложь учёного в интересах вышестоящего начальства. Из-за этого погибло ещё несколько тысяч ничего не подозревавших людей.

Не грех вспомнить и такие «свершения» строителей коммунизма, как прокладка 50-километрового туннеля, по которому воды реки Арпа потекли в озеро Севан, строительство Туркменского канала, который вскоре был заброшен, и возведение плотины, отделившей от Каспия залив Кара-Богаз-гол, в результате чего весь залив практически высох. Список подобного рода «героических дел» советской науки можно продолжить. Практически в каждой отрасли промышленности в советские времена были десятки НИИ и КБ с сотнями докторов и тысячами кандидатов наук, и эти отрасли производили устаревшую, неконкурентоспособную продукцию. Число учёных, специалистов и управленцев в сельском хозяйстве СССР было намного больше, чем в США, а прокормить свою страну эта отрасль никогда не могла.

В настоящее время многие машиностроительные заводы в России и их КБ стоят, не могут выпускать новую, конкурентоспособную с западной продукцию. Где же наши гении-изобретатели, где современные гении менеджмента, способные использовать рыночные стимулы для нововведений? Значит, полученное Россией наследство СССР в области технических наук не годится сплошь и рядом для новых условий. А вот Япония и затем восточные «молодые тигры» сумели в своё время наладить выпуск отечественной конкурентоспособной продукции и изрядно оттеснить Запад на мировых рынках. Но ведь их научно-технический потенциал гораздо слабее не только нашего советского, но и нынешнего российского. А отдача оказывается выше.

Хотя большинство советских экономистов и приспособлялись к обслуживанию и поддержке СМЭ, тоталитарного режима и его идеологии, это не значит, что всё было плохо.

Необходимо признать, что в целом экономико-математическое направление в советской науке принесло много пользы. Оно позволило решить ряд важных прикладных вопросов развития экономической науки и практики, повысить культуру исследований, создать задел для будущих работ уже в рыночном контексте. Не менее важны результаты исследований таких экономистов-прикладников из Института экономики АН СССР, как Т.С.Хачатуров, С.А.Хейнман, Я.Б.Кваша, В.П.Красовский, Д.М.Палтерович. В научно-исследовательском экономическом институте при Госплане СССР также проводились оригинальные и ценные исследования в сфере таких проблем, как межотраслевой баланс, эффективность капложений, международные сопоставления. Такие известные экономисты, как А.И.Анчишкин, С.С.Шаталин, А.Н.Шохин и др., вышли именно из этого института. В Новосибирске создавалась серьёзная школа исследований в области экономики промышленности и социологии, возглавляемая А.Г.Аганбегяном и Т.И.Заславской.

Вспоминая некоторых видных советских экономистов, нельзя не сказать и о том, что помимо чисто научных вопросов некоторым из них, занимавшим руководящие посты, приходилось не только формировать научный коллектив, но и умело противостоять идеологическому давлению и безграмотному вмешательству вышестоящих парткомов, начиная с райкомов и кончая ЦК КПСС.

Были и почти героические эпизоды. Как свидетельствует академик Н.Федоренко, в 1967 г. в ЦЭМИ АН СССР был составлен прогноз развития народного хозяйства СССР на 70-80 годы под руководством молодого и талантливого учёного Б.Михалевского. Он принципиально расходился с официальными плановыми наметками, партийной пропагандой и утверждениями наших партийных ученых о «светлых перспективах» советской экономики и неизбежном углублении противоречий капитализма и его общего кризиса. В разработке обосновывалась бесперспективность развития ряда отраслей, предсказывался неизбежный спад промышленного производства, падение жизненного уровня населения, снижение эффективности производства и капложений, нарастание международной изоляции СССР и т.д. (Вспомним, что такой же прогноз в 20-х годах перед началом индустриализации в СССР делал В.Базаров). Это был научный прогноз реальной ситуации, который подтвердился жизнью, а не обычный для того времени апологетический продукт послушной партийной науки. Б.Михалевский готов был говорить правду, обсуждать и защищать свои выводы в любой инстанции. Но его работа была просто сначала дезавуирована, а затем и сожжена президентом АН СССР М.Келдышем и директором ЦЭМИ Н.Федоренко, как «антипартийный и антисоветский документик» (слова председателя Госплана СССР Н.Байбакова). Возможно, что и скорая трагическая смерть Б.Михалевского во время байдарочного речного похода была не случайной.

Также заслуживает глубокого уважения позиция известного советского (ныне российского) социолога академика Т.Заславской, которая в годы брежневского и послепрежневского застоя, работая в Новосибирске,

смело выступала с критикой советской экономики. Она и сейчас справедливо требует сделать намного больше, чем уже сделано российскими реформаторами по уходу от советского прошлого. Перечисляя важные, но не сделанные шаги, она пишет: «Так, КПСС не объявлена преступной организацией, не произошло ее покаяния и очищения. Не достигнут необходимый баланс прав и ответственности трех ветвей власти». Она решительно отмечает какую-либо целесообразность хотя бы частичного возврата в прошлое.

Однако в целом советская экономическая наука не смогла и не захотела создать действительно научную основу для своевременного и радикального изменения СМЭ, перехода к рыночной экономике и становления на путь интенсификации производства с широким использованием имеющегося научно-технического потенциала страны. Более того, социалистические заблуждения советской экономической науки не канули в прошлое и поныне. Многие её представители и сейчас не только занимают ответственные посты в науке, госаппарате и политических движениях России, но и открыто призывают к возврату в прошлое, хотя бы в рыночный социализм, яростно критикуя не всегда удачную деятельность российских реформаторов. Достаточно определенно высказался по этому поводу, например, академик О.Богомолов. Он пишет: «... Перспективна не либеральная рыночная трансформация, порождающая законы джунглей, а социальная. Исследования показали, что в переходный период наибольший эффект способна обеспечить экономика, которую можно было бы назвать рыночным социализмом, или экономикой смешанного типа».

Тут возникает сразу вопрос: что это за исследования? Мне они не известны (если, конечно, не считать «исследования» таких марксистов, как А.Сергеев и Б.Хорев). Разве не ясно, что все попытки рыночных реформ в бывшем СССР (реформы Хрущёва, Косыгина, Горбачёва) были направлены на формирование экономики «рыночного социализма» (очередной термидор после ленинско-сталинской революции по созданию СМЭ), которые ничего не дали нашей стране? Однако О.Богомолов не одинок. Ему вторит А.Бутенко: «Рыночный социализм – это реальный путь выхода бывших стран «реального социализма» из тупика, обусловленного преждевременным упразднением рынка и возвращения их на путь естественноисторического продвижения к социализму». Поистине многие советские учёные и до сих пор не могут обойтись без социализма.

Идея полного возврата к социализму, который у нас был и от которого мы отказались, равно как и идея возврата к рыночному социализму, который был в Венгрии, Югославии и Польше, и от которого эти страны тоже отказались, — непродуктивная идея, попытка искусственно совместить несовместимое. Как справедливо отмечает Н.Плискевич, «возвращение иллюзий “рыночного социализма” сегодня представляется особо опасным, тем более, что эти иллюзии живы у достаточно массовых слоев населения. Но у страны просто нет ни времени, ни ресурса прочности для новой попытки соединения несоединимого».

Но есть и такие учёные, которые просто призывают к возврату нашего прежнего реального социализма.

А.Сергеев убеждён, что «России неизбежно предстоит ещё раз пройти через переходный период от капитализма к социализму. Этот период будет иметь ту особенность, что в стране имеются многочисленные кадры экономистов и управленцев, прошедших школы социалистического хозяйствования... Это создаст возможность его меньшей продолжительности по сравнению с первым переходным периодом...». Б.Хорев пишет, что «экономика должна быть рассчитана не на человека с деньгами, а на все более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей всех членов общества, как это было при социализме». В одной из своих последних работ этот автор критикует правительство Е.Примакова и Федеральное собрание Российской Федерации. Он пишет: «Серьёзных крупных шагов в антирыночном направлении ни правительство, ни Федеральное собрание не предпринимают, а, по сути, продолжают «строить капитализм... Неужели не ясно, что прогресс состоит в преодолении регресса, то есть в возвращении к ценностям социалистической цивилизации?» Далее он предлагает отменить указ Ельцина о запрете парторганизаций на производстве, имея в виду КПСС, провести деприватизацию и национализацию, ввести монополию внешней торговли, воссоздать Госплан, Госкомцен и Госснаб. И заключает: «Сейчас только восстановление советской власти спасёт народы СССР».

Не менее консервативна и позиция учёных-неэкономистов из Сибирского отделения РАН: «Вместо того, чтобы повести за собой всё общество в проведении демократических реформ, наполнить реальным практическим смыслом и заставить работать демократическую формулу “Вся власть Советам!”, государство и политическое руководство стали заложниками силовой конфронтационной идеологии и отживших своё нелиберальных концепций. Разрушив старую властную вертикаль, которая пользовалась доверием широких масс, но нуждалась в демократической модернизации, реформаторы второй волны оказались неспособными заменить её новой, более эффективной».

Экономисты-математики порой также близки этой ретроградской позиции. Так, академик Ю.Ярёменко считает, что в процессе нынешнего реформирования российской экономики «надо было, конечно, отправляться от той системы, какая была, устраняя ее деформирующие элементы... А уж потом или одновременно с этим, когда мы создали бы некую рациональную плановую систему, можно было бы в этой системе развивать какие-то механизмы самодействия. Это был бы некий эволюционный путь... Необходимо рационально понять,

что, не восстановив некоторых старых институтов, адекватных существенным характеристикам нашей экономики, наше хозяйство, как некий единый экономический организм, просто не выживет... В такой экономике полноценного денежного хозяйства быть не может».

Ю.В.Ярёменко говорит о прошлом (о советской экономике, её недостатках и провалах) и о настоящем (трудных проблемах трансформации, решение которых он видит на путях усиления государственного воздействия на экономику – «что-то вроде Госплана должно существовать»). Главную причину краха советской экономики он видит в непомерном бремени военных расходов и всего военно-промышленного комплекса страны. Он пишет: «Мы пытались бросить вызов всему миру и прежде всего развитым странам. Нас подвели амбиции, сформировавшиеся после второй мировой войны и в последующие два десятилетия. Атомная бомба и ракеты очень подогрели эти наши амбиции. Мы попытались бросить технологический, милитаристский вызов всему миру, и мы его проиграли. Мы проиграли холодную войну в самом буквальном смысле этого слова. Развязав гонку вооружений, мы уже не смогли из неё выйти».

Когда я работал в 1986-1990 гг. в аналитическом отделе Европейской экономической комиссии (ЕЭК) ООН в Женеве, мне приходилось часто обсуждать вопрос о влиянии ВПК на советскую экономику с моими коллегами по работе и приезжавшими в Женеву известными западными экономистами. Такую же точку зрения, помню, высказывал мне известный американский советолог Ван Брабант, затем И.Бирман и др. Уже тогда я выражал сомнение по этому поводу. И не потому, что всё это неправильно, а потому, что это всё же не главное. Главное – в неудачном выборе И.Сталиным нерыночной командно-административной экономической модели развития, не содержащей в себе мотивационного механизма к НТП (склонность к нововведениям) и опирающейся на внеэкономическое принуждение (сверхцентрализованное управление и планирование). Именно здесь, а не в ВПК, источник всего ресурсорасточительства, технократического и управленческого фанатизма, а также социальной деградации советского общества. Именно здесь источник закачки в советскую экономику таких ресурсов труда, сырья, капвложений, основных фондов, земли и т.д., которых в расчёте на единицу ВВП не знала и не знает ни одна страна с рыночной экономикой.

Военные амбиции СССР после второй мировой войны были тесно связаны и с марксистско-ленинской идеологией, теорией мировой революции, с надеждами на помощь СССР в великом деле революционного (то бишь социалистического) преобразования всего мира коммунистическому движению в развитых и национально-освободительному движению в развивающихся странах. Что же касается оценки нынешней российской экономики и предложений по её совершенствованию, то это особый вопрос, неразрывно связанный с предыдущим. Ю.Ярёменко полагает, что «прежде всего нужны были некие политические изменения, перегруппировка целевых установок, изменение в распределении ресурсов, структурная перестройка, оздоровление самого планового механизма, развитие наряду с плановым и внутри него некоторых отношений самоорганизации, самодействия, эквивалентности обмена, инициативы и т.д.».

В статье под характерным названием «Юрий Ярёменко считал, что советскую экономику спасли бы не рыночные реформы», его ближайший коллега С.Белановский утверждал, что академик считал рыночные реформы, начавшиеся в нашей стране после 1992 г., «экономическим бедствием» и призывал к «закрытию экономических границ, т.е. автаркии», к «установлению полного государственного контроля над ТЭКом и сохранению низких внутренних цен на энергоносители». По свидетельству Белановского, Ю.Ярёменко был сторонником «плановых преобразований» советской экономики и не принимал рыночного пути для неё, полагая, что последний «навязан стране мировым сообществом (бывшими противниками по холодной войне) и коррумпированной правящей верхушкой, в первую очередь – нефтегазовым лобби». К работающим в его институте «рыночникам» академик не всегда относился терпимо.

Другой наш экономист-математик, В.Волконский, видит важную особенность России в «невозможности товарного производства вообще». Такая позиция имеет свои корни в раннем российском народничестве, и она была опрокинута всей историей старой России. Ликвидировали товарное производство в России большевики, заменив его планом и решениями партии и правительства. К созданию «сильного государства» и к возврату к государственной экономике с адресным командным планированием и призывает этот автор. Он считает, что сильная государственная власть, командная система управления всего и всем, включая экономику, это не только национальная особенность, но и панацея в решении чуть ли не всех проблем российского общества. Он пишет: «Можно с уверенностью говорить, что в российской цивилизации, в отличие от западной, явно “больше социализма”»... Поразительны и следующие слова этого автора: «Несмотря на все дефекты модели реального социализма в СССР, которые привели в конце концов к его разрушению, непреходящее значение этого опыта состоит в том, что он показал принципиальную возможность подчинить экономическую деятельность контролю и руководству со стороны государства во имя раскрытия способностей большинства».

Итак, согласно мнению многих наших экономистов, России не нужна смешанная рыночная экономика с конкуренцией и развитым предпринимательством. Всё это чуждо нам и навязано извне. О частной собственности речь не идет, зато нужны Госплан и централизованное планирование. Ещё один шаг и мы

вернёмся к ЦК КПСС, к ЧК, к Ф.Дзержинскому и т.д. Убежден: такая «наука» не отвечает современным представлениям и требованиям, она не может быть востребована жизнью, и обижаться на это не приходится. Но это еще не все.

Группа академиков-экономистов (Л.Абалкин, О.Богомолов, Н.Петраков, Ю.Ярёмко) ещё в 1994 году выступила против существующей ситуации на российском рынке и предложила нечто очень знакомое: чтобы государство разработало «общие правила ценообразования и утвердило соответствующие нормативные акты, касающиеся единого для всех хозяйственных субъектов порядка исчисления издержек производства, уровня рентабельности, распределения прибыли в соответствии с принятыми налоговыми правилами и ставками». И далее говорилось о необходимости «управления движением цен», государственной поддержке колхозов и совхозов, установлении государственной закупочной цены. В 1998 г. в дни тяжёлого финансового кризиса в России наши экономисты-академики выступили с популистской программой частичного восстановления «социалистических ценностей» и представили её в правительство Е.М.Примакова с явной надеждой на то, что он ее поддержит. Но не получилось...

Не следует забывать, что в недалёком прошлом советские номенклатурные обществоведы старательно прислуживали советским властям, многие институты были своего рода продолжением ЦК КПСС, т.к. постоянно выполняли идущие оттуда поручения. А теперь они присоединились к левой оппозиции.

Но наиболее яростное «обоснование» необходимости возврата к прошлому высказал недавно академик Академии экономических наук и предпринимательской деятельности России (АЭНПДР) В.Симчера. В социализме, созданном в нашей стране, он видит «орудие позитивного созидательного строительства», Сталина характеризует как деятеля, который возглавил движение по «использованию идей коммунизма (1932 г.) в интересах возрождения нашей страны, воссоздания мощного и независимого государства». В своей книге, написанной в соавторстве с В.Жириновским, он призывает «вновь вернуться к планированию», приостановить приватизацию и вернуть стратегически важные отрасли народного хозяйства в собственность государства, прекратить насильственную ломку вертикальных структур в сельском хозяйстве, ориентацию на мировые цены, изменить характер внешнеэкономических связей, опираться во внутренней политике на национализм и т.д.

Настоящему учёному, экономисту-рыночнику все это вряд ли может присниться даже в страшном сне, но приходится признать, что инерция старого мышления и советского «воспитания» живет и ещё сильна. Правда состоит в том, что не только отдельные советские экономисты, но и целые исследовательские коллективы и организации, увы, ещё и сейчас подпитывают своими идеями оппозицию нынешним реформам – КПРФ, ЛДПР и иные коммуно-националистические течения. К сожалению, ещё никто не подсчитал гигантские потери страны от оппозиции, от инерции просоветских настроений и «ценностей», от советской экономической науки, которая и до сих пор питает идеями реваншистские силы в стране.

И что же предлагают В.Жириновский и В.Симчера, чтобы остановить наше сегодняшнее «движение к пропасти», как они говорят? Возврат к казарменному режиму, к государственной плановой экономике. В частности, они предлагают командно-административным путём установить норму накопления в 30-40%, поднять нормативы амортизационных отчислений и выбытия основных фондов, повысить темпы роста прогрессивных отраслей, запретить старые технологии, создать государственные службы по внедрению новой техники, восстановить старые экономические связи, укрупнить производственные предприятия и комплексы, «повсеместно ликвидировать повременную оплату труда», принять твердые меры «по мобилизации трудовых ресурсов и их концентрации на решающих направлениях». Можно не продолжать. Ясно, куда нас зовут нынешние противники рыночных экономических реформ. Они, как не трудно увидеть, повторяют тезисы не только Сталина, но и Троцкого. Им не нужны политическая демократия, рыночный механизм, эффективная экономика. Им нужен возврат к диктатуре своей партии, к централизованному планированию, к господству государственной собственности, к старым порядкам, «сознательному применению экономических законов социализма». Ради этого они и спекулируют на реальных трудностях российской экономической трансформации.

Всё сказанное не только свидетельствует об удивительных заблуждениях многих советских экономистов, но и о полной оторванности советской экономической науки от мировой. Недаром среди советских экономистов почти нет имен, сравнимых по своим масштабам, авторитету и влиянию с известными мировыми именами, в частности, из учёных – выходцев из таких постсоциалистических стран, как Венгрия и Польша. Советские учёные, оставшиеся на своих постах после 1992 г., в большинстве своём не выдержали проверки реформами и рынком. Для многих из них реальные рыночные реформы – это беда.

6. Советская экономика и ее модель глазами западной советологии

К счастью, исследованиями советской экономики занимались не только советские экономисты, но и западные советологи, создавшие целые школы и направления в своей науке, мало известные в нашей стране. Ведь советская экономика была изолирована от Запада и от мировой экономики, значительная часть нашей статистической информации была засекречена, а публиковавшаяся статистика фальсифицировалась для нужд партийной идеологии и пропаганды. Советологи поэтому вынуждены были обрабатывать горы публиковавшейся советской экономической литературы и выискивать в них зерна правды, создавать собственную статистическую базу, изучать со стороны смысл СМЭ и самой сути реалий социализма. Они старались докопаться до истины, вскрыть реальные проблемы и процессы, происходившие в экономике СССР, и поэтому все их труды у нас были запрещены, на русский язык не переводились, хотя и подвергались порой весьма разнузданной критике. Во многих советских экономических монографиях и учебниках существовал обязательный раздел «Критика буржуазных теорий». Но западные советологи старались еще и потому, что СССР бросил амбициозный вызов Западу с утверждением о превосходстве социалистического строя, выдвижением задачи «догнать и перегнать» и угрозой мировой революции.

Однако сегодня надо честно признать, что в те годы не советская экономическая наука, а западная советология стояла на научных позициях и давала адекватный анализ на значительно более высоком уровне, ставив реальные, а не заидеологизированные вопросы для исследования.

Так, сам термин «командная экономика», более точно отражающий суть советской экономики, впервые появился не у нас, а в США еще в 1963 г. Он был введен в употребление Г.Гроссманом. Американский советолог Р.Кемпбелл разработал даже «общую теорию административной экономики». Р.Гринслейд пришел к выводу о том, что рост советской экономики может быть объяснен и понят лишь в рамках «теории бюрократизма». Ряд советологов рассматривали экономику СССР как одну большую корпорацию. А в 80-е годы в США развернулись дискуссии об «экономике дефицита» (Я.Корнаи) и «экономике всеобщего разбалансирования» (Р.Порте, Ван Брабант). Ничего подобного в советской экономической науке не было и не могло быть.

На Западе издано множество работ с анализом «сталинистской модели» советской экономики и предсказаниями ее неизбежного краха. Конечно, советологи не сказали, что этот крах произойдет в 1991 г., более того, они делали прогнозы ее развития до 2000 г., за что потом подверглись жесткой критике, но реалистами они были в значительно большей мере, чем советские экономисты. Ведь им нечего было бояться, они могли говорить и писать то, что думали.

Вот, например, как определяли суть СМЭ американские советологи П.Грегори и Р.Стюарт. По их мнению, эта модель включает такие компоненты, как планирование под партийный диктат; структурные изменения в пользу промышленности (за счет сельского хозяйства), особенно тяжелой промышленности; урбанизация и гигантомания; государственный контроль за финансами и новая роль госбанка; перераспределение капиталовложений в пользу промышленности и транспорта; монополия внешней торговли. Как видим, ни слова о преимуществах и успехах нового строя, только суть объекта исследования. А в заключение вывод об огромной цене, заплаченной страной за переход к нерыночной и неэффективной модели.

Другой американский советолог, Р.Эрикссон, специально исследовал силу и слабости советской экономической системы. К ее сильным сторонам он отнес ясность и четкость целей, концентрацию ресурсов на заданном направлении, четкую управленческую иерархию. Все это давало запланированный эффект на определенном отрезке времени и в рамках заданных простых и ясных для понимания целей. Например, создание тяжелой промышленности, коллективизация, стройки коммунизма, «догнать и перегнать» США. Однако при этом обнаружились такие слабости, как неэффективность производства, отсутствие внутренних стимулов и инициатив, отторжение научно-технического прогресса. Постепенно центр терял контроль за разбухавшей экономикой, и она, в конце концов, развалилась в результате исчерпания своего ресурса, внутренней несрабатываемости.

Анализируя опыт экономического развития СССР, крупный английский советолог А.Ноув пишет, что марксизм на деле оказался не научным, а утопическим. Он ошибочно выдвигал идеи создания общества без товарного производства и денег, работающего на основе бюрократической иерархии плановой системы. Опыт СССР показал ее нежизнеспособность, цены выполняли лишь расчетные функции, а сама экономика стала затратной. Попытки перевести ее в русло «рыночного социализма» или соединить государственную собственность с маркетизацией оказались тщетными. «Рыночный социализм на деле оказался

химерой, он не может работать в принципе». Странников «рыночного социализма» на Западе стали называть «наивными реформаторами».

Такого же мнения придерживается и Я.Корнаи, который в результате своих исследований пришел к выводу о том, что «социалистическая система сама воспроизводит неразрешимые внутренние противоречия и конфликты и ведет себя иррационально». Главный институт Системы, считает Корнаи, – партия и ее аппарат с бюрократическим контролем всего общества, который неэффективен уже по определению. Но эта неэффективность частично компенсировалась мессианской идеологией и пропагандой. Марксистская идеология укрепляла социализм подобно тому, как капитализм укрепляла протестантская религия. В системе централизованного планирования автор четко прослеживает следующие приоритеты: инвестиционных товаров над неинвестиционными, отечественных изделий над импортными, производственной сферы над непромышленной, I подразделения над II подразделением, промышленности над сельским хозяйством, тяжелой промышленности над легкой, военного производства над невоенным, нового строительства над ремонтом, всего крупного над малым, важных продуктов над неважными, экстенсивного результата над интенсивным и т.д. Автор забыл ещё сослаться на известную «теорию» ведущих звеньев, воплощавшуюся в каждом советском плане и ставшую обоснованием для сознательного формирования диспропорций и дисбалансов в экономике, а также искусственного стимулирования темпов роста на экстенсивной основе и любой ценой. В результате в советской экономике образовалась такая уродливая структура, которая немыслима в условиях рыночной экономики.

Западные советологи давно поняли, что централизованное планирование в принципе не соответствует потребностям современного экономического роста (термин С.Кузнец) и повышения эффективности производства. Известный американский советолог А.Гершенкрон, например, писал, что темпы и пропорции воспроизводства в социалистических странах устанавливались «не на экономической, а на плановой основе», тогда как только рыночный механизм спроса и предложения «образует эффективную систему контроля и корректировки». Без такого механизма установление реальной сбалансированности и пропорциональности в экономике попросту невозможно.

Лауреат Нобелевской премии американский экономист российского происхождения С.Кузнец рассматривал социалистическое накопление с его высокими темпами как феномен «насильственного роста на основе искусственно создаваемых диспропорций». В частности, постоянным фактором социалистического воспроизводства он считал «недопотребление населения» и предупреждал: «Политика высоких темпов роста чревата опасными последствиями, взрывом антагонистических противоречий в социалистическом обществе».

Многие западные экономисты справедливо подчёркивали, что распределение производственных ресурсов в социалистической экономике подчинено принципу «все для будущего». «Поскольку целью является максимальный рост, — писал известный американский советолог А.Бергсон, — плановики предпочитают настоящее будущему, потребление – накоплению». При этом процесс накопления в стране базируется на субъективистском произволе, а «использование ресурсов в СССР вообще не соответствует абстрактным теоретическим принципам». К тому же само накопление искусственно ориентируется на увеличение производства средств производства, или на всемерное поддержание высоких темпов экономического роста. А.Бергсон одним из первых на Западе вскрыл наличие реального, хотя и скрытого, инфляционного процесса в СССР, в частности, на примере продукции машиностроения. В это время советские экономисты не могли себе позволить не только говорить, но и думать на эту тему.

Такова была реальность советской экономики, отдельные стороны которой критиковались советскими экономистами (если вообще критиковались) лишь фрагментарно, по частям, без обобщений и выводов о несостоятельности всей Системы. Я уже не говорю о ненаучности и полной утопичности главной цели достижения коммунизма – распределения по потребностям. Этот нонсенс не опровергал ни один советский экономист. Большинство из нас хотело усовершенствовать реальный социализм, не понимая, что он не реформируем по сути. Ещё раз повторю: увы, среди нас не было своих Сахаровых.

Второе важное направление исследований западной советологии – это собственные оценки основных макроэкономических показателей и тенденций экономического развития СССР.

Уже до войны на Западе стало ясно, что большая часть советской экономической статистики (за исключением, например, темпов роста сельского хозяйства и транспортных перевозок) сознательно фальсифицируется. По существу, западная советология сформировала альтернативную статистическую базу по советской экономике.

К сожалению, приходится признать, что все прежние работы советских экономистов базировались на искаженной официальной статистике и, следовательно, несут на себе печать фальсификации. Правда, даже на базе официальной статистики можно было делать достаточно убийственные для СМЭ выводы, но этого никто из советских экономистов до периода перестройки так и не сделал. Советологам в каком-то смысле было намного проще: они свободно оперировали неофициальными данными. Но чтобы их получить, пришлось потратить целые десятилетия упорного и весьма кропотливого труда.

Уже в 30-е годы точность и достоверность темпов экономического роста СССР по данным официальной статистики на Западе стала подвергаться сомнению. Похоже, что первым об этом заявил ещё в начале 30-х годов С.Прокопович, известный российский экономист, бывший министром промышленности во Временном правительстве в 1917 г. и находившийся в эмиграции в Праге. Он писал, что официальные данные о темпах роста национального дохода СССР за 20-е годы не учитывают снижения качества советских товаров по сравнению с качеством аналогичных товаров, произведённых в 1913 г., и, следовательно, являются завышенными.

Впоследствии, когда наиболее важная часть советской экономической статистики оказалась засекреченной, недоверие Запада к её качеству и надёжности возросло. Это и вызвало со временем лавину альтернативных оценок, формирование ряда советологических школ на Западе.

В 1939 и 1940 гг. известный английский экономист К.Кларк опубликовал две книги, в которых привёл свои альтернативные оценки темпов роста национального дохода СССР. Они оказались в несколько раз ниже официальных (в 7,2 раза за 1928-1934 гг. и в 4,5 раза за 1934-1937 гг.). Впоследствии оказалось, что эти оценки были явно заниженными.

В 40-50-е годы на Западе стало формироваться следующее мнение о советской экономической статистике: 1) из советской экономической статистики заслуживают доверия лишь некоторые данные (например, выпуск продукции в натуральном выражении, грузооборот транспорта, индекс сельскохозяйственного производства); 2) советская официальная статистика строилась по принципу двойного стандарта – достоверные, но секретные данные предоставляются руководству страны, а недостоверные, приукрашивающие ситуацию в стране, предназначены для публики, публикации и пропаганды. Второй пункт впоследствии не подтвердился жизнью.

В конце 40-х – начале 50-х годов западные и, прежде всего, американские советологи (А.Бергсон, А.Гершенкрон, Г.Гроссман, Н.Ясный и др.) провели обширную серию исследований, результаты которых широко обсуждались на многочисленных семинарах и конференциях, вызвавших серьёзный резонанс в обществе и правительственных кругах. Всё это подогревалось разгоравшейся «холодной войной», борьбой «двух систем» и т.д.

Так, Н.Ясный, используя значительно более широкий набор товаров-представителей, чем К.Кларк, рассчитал индексы цен и выпуска продукции по многим отраслям народного хозяйства и промышленности СССР и получил темпы роста, намного ниже официальных (по его данным, национальный доход СССР за 1927-1940 гг. возрос в 2,2 раза, по официальным данным – в 5,6 раза, за 1947-1953 гг. соответственно в 1,6 и 2,4 раза).

По оценке Ясного, наиболее высокие темпы роста национального дохода и промышленного производства в СССР были не в 30-е, а в 50-е годы, что принципиально отличается от советских официальных данных. Во-вторых, в 30-е годы в СССР имели место абсолютные падения национального дохода (в 1931 и 1932 гг.), что, несомненно, было связано с издержками насильственной коллективизации. Понятно, что ничего подобного советские официальные данные не выявляли. К этому следует добавить, что организованный Сталиным голод в процессе коллективизации был вскрыт публично не в СССР, а на Западе в работах советологов. В-третьих, Н.Ясный обратил внимание на тенденцию к замедлению темпов роста как национального дохода, так и особенно промышленного производства, выявленную им в период 1937-1940 гг. Ничего подобного советские официальные оценки не обнаружили.

Нельзя не отметить и того исследовательского вклада, который внёс Н.Ясный в изучение хода выполнения довоенных пятилетних планов, когда все у нас считали, что они не только успешно выполняются, но и перевыполняются. Он сравнил натуральные показатели производства многих промышленных продуктов по плану и по факту его выполнения и пришёл к выводу о катастрофическом невыполнении принятых до войны в годы индустриализации планов. Это было сделано впервые в мире и подтверждено в нашей стране лишь в последнее перестроечное время.

Постепенно взамен старой теории «двух статистик» в СССР (для начальства и для публики) в западной советологии сформировалась новая теория – «теория айсберга», согласно которой советская официальная статистика состоит из двух частей – небольшой верхней части для публики и пропаганды и огромной нижней – засекреченной части, служащей практическим целям планирования и управления народным хозяйством СССР при единстве статистической методологии, используемой для обеих частей этого айсберга.

С позиций сегодняшнего дня можно утверждать, что эта вторая «теория» западных советологов более или менее близка к реальности, хотя можно спорить о пропорциях между нижней и верхней частями айсберга.

Западные советологи пришли в своём большинстве к выводу и о том, что, несмотря на все недостатки и фальсификации, содержащиеся в советских официальных данных, ими пренебрегать никак нельзя. Более того, без них просто не обойтись при любых альтернативных оценках более или менее реальных показателей развития экономики СССР. Наиболее надёжной частью открытых советских данных было признано считать данные о производстве продукции в натуральном выражении.

Тем не менее и официальные данные о производстве продукции в натуральном выражении требовали весьма внимательного подхода. Так, в результате широко распространённой на советских предприятиях практики приписок объёмы производства в ряде случаев серьёзно искусственно завышались. Классическим примером может служить производство хлопка в Средней Азии, особенно в Узбекистане, отчётный объём которого безбожно преувеличивался (почти на 1 млн. т. в год).

В других случаях производство тех или иных продуктов в натуральном выражении в СССР завышалось по сравнению с данными западной статистики по методологическим и концептуальным причинам. Классическим примером последнего являются данные о производстве и потреблении мяса и зерна в СССР. В данные по мясу ЦСУ СССР включало вес костей и голя, чего на Западе не принято делать, а данные об урожаях зерна ЦСУ СССР в течение долгого времени исчисляло на базе так называемого сначала вида на урожай, затем бункерного веса, т.е. с учётом влаги и засоренности. На Западе принято учитывать урожай по высушенному, очищенному и готовому к употреблению зерну. В этом смысле пересчёты западными советологами советских данных в натуральном выражении были нормальным и полезным деянием, своего рода примером и для советских экономистов.

Что касается советских официальных данных в стоимостном выражении, то за редким исключением на Западе было принято единодушное мнение им не доверять по причине сознательного занижения в СССР индексов цен, неадекватности самой системы цен с точки зрения сравнения с западными стоимостными экономическими показателями, не говоря уже о концептуальных различиях в определении самих этих показателей и использовании специфической методологии для их исчисления. Поэтому все западные альтернативные оценки стоимостных экономических показателей СССР, базирующихся на данных в натуральном выражении, разительно отличаются от советских официальных данных.

Также отвергались на Западе и многие структурные показатели, принятые в советской статистике (норма накопления, доли группы А и I подразделения, доли отраслей в сводных показателях и т.д.). Но особое недоверие и даже саркастическое к себе отношение вызывали на Западе официальные оценки военных расходов в СССР. Здесь в советологии также сложилась целая школа, которая по-своему считала военные расходы, военное производство и военный потенциал бывшего СССР. Нетрудно убедиться, что и эти оценки были намного более реалистичны, чем те, которые нам навязывали официальная статистика и советская пропаганда.

Наиболее солидной и фундаментальной статистической и аналитической работой по созданию более реалистичной картины советской экономики явились работы А.Бергсона и его школы. Своё исследование проф. А.Бергсон начал ещё до войны и после её окончания он его расширил, привлёк много талантливых учёных, знавших русский язык, и при поддержке «Рэнд корпорейшн» в 50 – 60-е годы опубликовал важные результаты и выводы.

В конце 40-х годов он начал большую работу по корректировке советских данных о национальном доходе СССР. Затем эта работа перешла в широкое исследование валового национального продукта СССР, определённого по западной методологии. Число взятых им товаров-представителей для расчётов темпов роста советского ВВП достигало нескольких сотен, что было намного больше, чем у других советологов в то время. Все компоненты использованного национального дохода и ВВП СССР были пересчитаны им в цены 1937 г. (в рублях) с помощью множества специально рассчитанных индексов цен.

А.Бергсон определил, что за период 1928-1955 гг. ВВП СССР возрос в 3,5 раза, в то время, как по официальным данным национальный доход СССР возрос почти в 13 раз.

Весьма детально и хорошо обоснованы оценки темпов роста промышленного производства СССР, произведенные американским советологом У.Наттером (его некоторые советские экономисты называли чуть ли не «эсэсовцем от статистики»). Он взял набор из более 100 продуктов для невоенных отраслей промышленности и, используя весовую базу разных лет, определил рост промышленности СССР за 1928-1955 гг. в 6 раз, в то время как по официальным данным он составил более чем в 18 раз. Разница, как видим, существенная.

Однако самые важные и значительные из всех западных оценок альтернативных темпов экономического роста СССР содержатся в работах Управления по изучению Советского Союза (*Office of Soviet Analysis*) американского ЦРУ.

ЦРУ не только шпионило, собирало секретную информацию, но и проводило серьезные научные исследования на базе обобщения и анализа материалов открытой, вполне доступной печати или опросов общественного мнения. В этом управлении было собрано много квалифицированных специалистов по советской экономике, статистиков-профессионалов, использовавших современную вычислительную технику, единую систему и методику расчетов, единые концепции. Управление располагало обширной библиотекой, где было собрано много советских книг, журналов и специальной информации по советской экономике. По существу, это был аналог ЦСУ в США, созданный для альтернативных расчетов показателей и изучения тенденций развития советской экономики. Общее число товаров-представителей составляло несколько сотен. Например, в набор продуктов для расчётов индексов промышленного производства СССР входило 312

наименований. Мне представляется, что, несмотря на все недостатки, работа ЦРУ дала результаты намного более близкие к реальности, чем официальные публикации ЦСУ СССР.

Если сравнить среднегодовые темпы роста ВВП СССР по расчетам ЦРУ и среднегодовые темпы роста национального дохода СССР по официальным расчетам ЦСУ СССР, то получится следующая картина (табл.1).

Таблица 1

Сравнение среднегодовых темпов роста национального дохода и ВВП СССР по расчётам ЦСУ СССР и ЦРУ США (%)*

Годы	Официальные данные СССР (произведенный национальный доход)	Данные ЦРУ (ВВП)
1951-1960	10,2	5,1
1961-1965	6,5	4,8
1966-1970	7,8	5,0
1971-1975	5,7	3,1
1976-1980	4,3	2,2
1981-1985	3,2	1,8

И с т о ч н и к: Economic Statistics for Economics in Transition: Eastern Europe in 1990^s, p. 108.

* ВВП США отличается от национального дохода на величину стоимости услуг и амортизации основного капитала. В те годы это были наиболее близкие друг другу макроэкономические показатели в СССР и США.

Эти данные показывают, что альтернативные оценки среднегодовых темпов экономического роста СССР, произведенные ЦРУ, существенно ниже официальных данных СССР (в 1951-1960 гг. в 2 раза, в 1976-1985 гг. почти в 2 раза).

Альтернативные оценки ЦРУ не только подробно изложены и объяснены в методических комментариях, но и содержат дробную структуру сводных макропоказателей почти за 40-летний период времени, чего, естественно, нет в публикациях ЦСУ СССР. Все данные ЦРУ достаточно прозрачны, т.е. при желании или необходимости их можно проверить и исправить.

Оценки ЦРУ отражают заметное замедление темпов роста не только ВВП и промышленности СССР в целом, но и отраслей тяжелой промышленности СССР (черная металлургия, топливная и химическая промышленность, машиностроение и даже производство электроэнергии). Среднегодовые темпы роста машиностроения с 1951-1965 гг. по 1981-1985 гг. снизились более чем в 3,6 раза – с 7,3 до 2,0%. В легкой и пищевой промышленности замедление темпов роста также было весьма существенным (соответственно с 6,2 до 1,6% и с 8,4 до 1,8% за те же годы).

Как обычно, низкие темпы роста были зафиксированы в сельском хозяйстве СССР. Здесь выделяется лишь урожайный 1986 г. (прирост более чем на 10%), в остальное время темпы были значительно ниже: в 1951-1965 гг. – 3%, а в последующие годы совсем плохо (рост всего лишь менее 1% в год). В 1987 г. был спад производства в отрасли на 4%. Что касается сферы услуг и связи, то здесь не было столь серьезного замедления темпов, за исключением, пожалуй, науки, где произошел резкий спад темпов роста (более чем в 6 раз). Это значит, что не только для нынешнего российского, но и для прежнего советского руководства уже давно развитие науки перестало быть приоритетным и важным делом.

Однако помимо темпов экономического роста особое внимание западных советологов привлекали альтернативные сопоставления объемов производимой продукции в СССР и США, будь то ВВП, национальный доход, промышленное или сельскохозяйственное производство, а также таких макроэкономических показателей, как основной капитал, занятость и т.д. Не в последнюю очередь это связано с тем, что как реалистичное представление о темпах экономического роста, так и реалистичное представление о соотношении объемов производимой продукции было необходимо для выработки соответствующих направлений и шагов во внешней политике США. Ведь система главных макроэкономических показателей, по существу, определяет экономическую мощь, а взятая в расчёте на душу населения – уровень экономического развития страны. Для таких сопоставлений нужно иметь паритеты реальной покупательной способности рубля и доллара применительно к разным стоимостным показателям.

Как и в случае с альтернативными расчетами темпов роста экономики СССР, расчеты западных советологов соотношений между СССР и США по ВВП и другим важным макроэкономическим показателям

имеют давнюю историю. Еще в 1956 г. бывший директор ЦРУ А. Даллес сообщил, что советский ВВП в 1955 г. составил $\frac{1}{3}$ от уровня США. В это время уже вовсю работала исследовательская команда в рамках проекта А. Бергсона и Рэнд Корпорейшн, которые имели целью сопоставить не только темпы экономического роста СССР и США (и других стран Запада), но и абсолютные объемы производимой продукции в двух странах.

Известный американский советолог М. Борнштейн обобщил результаты работы группы Бергсона и Рэнд и сообщил, что советский ВВП в 1955 г. составил 27% от уровня США при расчетах в рублях и 53% при расчетах в долларах. Средняя геометрическая этих двух соотношений была равна 37,5% (в расчете на душу населения – 32%). Военные расходы составили 84% от уровня США (средняя), капиталовложения 58%, а потребление населения всего 28% (24% в расчете на душу населения).

Здесь нельзя не сказать и о том, что в некоторых высокопоставленных кругах США уже тогда кое-кто считал эти соотношения завышенными. Поэтому вслед за запуском в 1957 г. советского спутника президент Эйзенхауэр назначил специальную комиссию во главе с президентом «Форд фаундейшн» Гейзером. В своем докладе комиссия Гейзера заключила, что размер советского ВВП превышает $\frac{1}{3}$ американского уровня, повторив тем самым оценку А. Даллеса. Но более реалистичную оценку в то время сделал вице-президент «Чейз Манхэттен Бэнк» У. Батлер, который заявил, что советское производство достигает лишь не более 20-25% от уровня США, а не 40%, как это стало широко признаваться в 60-х годах.

В начале 60-х годов в США было опубликовано много детальных сравнений объемов капитальных вложений, потребления населения, строительства, выпуска машин и оборудования, основного капитала в СССР и США. Продолжались и сравнения ВВП обеих стран. Так, А. Бергсон опубликовал статью, в которой соотношение ВВП за 1955 г. определено в размере 26% при расчете в рублях и 45% при расчете в долларах, что дает среднегеометрическую величину, равную 35%. В 1972 г. он опубликовал сравнения за 1965 г. Теперь оказалось, что при расчете в рублях соотношение ВВП двух стран составило 35%, при расчёте в долларах – 57,5%, а средняя – 45,0%. Как пишет известный советолог Г. Шрудер, по разным причинам сам автор считал эти соотношения завышенными. У разных западных авторов эти завышенные оценки стали повторяться.

Тем не менее не приходится отвергать того очевидного факта, что на Западе, и особенно в США, в целом сложилась весьма активная и профессионально хорошо подобранная и подготовленная школа советологов-компаративистов, которая снабжала общественность и государственные органы США более или менее реалистичной информацией о советской экономике, да ещё сравнимой с соответствующей информацией по экономике США. В запасе у нее имелся обширный набор паритетов реальной покупательной способности рубля и доллара, который можно было использовать для сравнения практически любых стоимостных экономических показателей СССР и США. В таких масштабах, деталях и таком качестве ничего подобного в СССР не было.

Представители советологической школы работали в ведущих университетах, в государственных органах, специальных исследовательских центрах, проводили конференции, симпозиумы, консультировали правительственные инстанции, широко публиковались. Были, конечно, в США и непрофессионалы среди советологов, пропагандисты, которые легковесно рассуждали на тему «соревнования двух систем» в духе советской пропаганды. Только, наоборот, в духе непримиримого отрицания тех реальных производственных достижений, которые безусловно были в бывшем СССР. Но главное – это создание прочной профессиональной базы для советологических исследований.

Именно эти исследования были положены в США в основу известной на весь мир деятельности Объединенного экономического комитета Конгресса, проводившего начиная с 1959 г. регулярные слушания докладов и дискуссий советологов о развитии советской экономики, включая сравнения объемов производства, или экономической мощи СССР и США. Затем к слушаниям по СССР добавились слушания по странам Восточной Европы и по Китаю. Эти доклады (так называемые зеленые и белые книги) какое-то время публиковались даже после развала Советского Союза.

Порою сравнительные исследования западных советологов уходили далеко в глубь истории. Так, согласно оценкам американского советолога Г. Блока, в 1860 г. ВВП России и США был практически одинаков. Но поскольку численность населения России тогда была в 2,3 раза больше, чем в США, ВВП в расчете на душу населения в России составлял чуть более 40% американского уровня.

В 1913 г. ВВП России был уже намного меньше американского и достигал, по оценке Блока, 39% от него в результате отставания России от США по темпам экономического роста. Однако, поскольку численность населения России в этом году лишь на 62% превышала численность населения в США, душевой ВВП России был равен всего 24% от уровня США.

В годы первой мировой войны и особенно в годы «военного коммунизма» и гражданской войны в России соотношение экономической мощи России к уровню этой мощи в США значительно уменьшилось. Однако уже в 1928 г., по оценке Блока, ВВП СССР достиг 27% американского уровня. Перед войной, в 1940 г., это соотношение уже составляло 42%, т.е. превышало уровень 1913 г. в результате превосходства СССР над США по темпам экономического роста. В годы Великой Отечественной войны, когда ВВП СССР сократился, а

ВВП США резко возрос, рассматриваемое соотношение, естественно, снизилось и в 1948 г. составило не более 29%, что было чуть выше соотношения 1928 г. Однако в 1948 г. численность населения СССР была лишь на 19% выше, чем в США, и поэтому ВВП на душу населения в СССР составил всего 24% от уровня США, т.е. как и в 1913 г.

В послевоенные годы, по оценкам Блока, соотношение между ВВП СССР и США постепенно увеличивалось в пользу СССР в результате нашего превосходства по темпам экономического роста. Этот процесс он проследил до 1975 г., т.е. до резкого снижения темпов экономического роста в СССР. Так, в 1950 г. указанное соотношение составило 33%, в 1960 г. – 40, в 1970 – 49 и в 1975 г. – 53%.

Начиная с 60-х гг. западные советологи все возрастающее внимание стали уделять не только сравнению объемных макроэкономических показателей СССР и США, но и сравнению показателей эффективности производства (производительности труда, фондоотдачи, факторной производительности и т.д.), что в СССР делалось лишь частично (как правило, только производительности труда). Главный источник неэффективности советской экономики проф. Бергсон, например, видел в отсутствии трудовой мотивации. Он писал, что исторически одна из причин превосходства США над Западной Европой по эффективности производства заключалась в более высокой мотивации к производительному труду, заставляющей американского рабочего более прилежно и заинтересованно трудиться. А в СССР общественная собственность на деле не привела к увеличению степени заинтересованности работника в своем труде. Он считал, что социализм не создал собственных рычагов повышения эффективности труда и производства. И все попытки ослабить уравниловку в области оплаты труда, увеличить ее дифференциацию, повысить долю сдельной оплаты в противовес повременной и т.д. не дали, да и не могли дать результатов. В свою очередь советское государство не заботилось о психологии, культуре труда, оно заботилось прежде всего о контроле над рабочей силой, ее образовании, лояльности и т.д. Практически, писал проф. Бергсон, советские рабочие, как рабочие не ориентируемые свободно, не были заинтересованы ни в зарплате, ни в научно-техническом прогрессе. Директора же советских предприятий стремились лишь к выполнению и перевыполнению планов и к удачному рапортованию.

Сейчас делать такие выводы стало обычным делом в России. А в 60-е годы советские экономисты в своем большинстве так не думали, да и не могли думать (тем более публиковать). Советологи же пришли к этим выводам сами, и, надо сказать, своевременно, не в последнюю очередь на базе изучения фактов, черпаемых из советской экономической литературы и своих статистических сопоставлений.

В 1981 г. ЦРУ провело фундаментальный анализ и сравнение потребления населения в СССР и США и пришло к выводу, что в расчете на душу населения потребление населения в СССР в 1976 г. составило 34,4% от уровня США. Эта цифра стала объектом детальной проверки и острой критики со стороны И.Бирмана (американский советолог, эмигрант из СССР, позже вернувшийся на родину). Хотя последний сам и не проводил собственных прямых сопоставлений потребления населения в СССР и США, он весьма тщательно прошёлся по расчётам ЦРУ и сделал ряд поправок на различия в качестве товаров и услуг, их доступность для потребителя, на различия в товарном ассортименте в обеих странах и т.д. В результате этих поправок, соотношение, полученное ЦРУ по душевому потреблению мяса и рыбы в СССР и США, было уменьшено, например, вдвое (!), соотношение по потреблению молока на 7%, овощей и фруктов на 20%, безалкогольных напитков, табака и обуви тоже вдвое и т.д. В целом Бирман уменьшил общее соотношение душевого потребления в СССР и США с 34,4 до 22,4%. Это послужило началом политических обвинений в адрес ЦРУ по вопросам международных экономических сопоставлений прежде всего со стороны Минобороны США и ряда конгрессменов.

Как уже говорилось, начиная с 70-х годов главную роль в области сопоставлений экономики СССР и США стало играть ЦРУ, в оценках которого постепенно тоже стали складываться соответствующие стереотипы. ЦРУ регулярно давало свои оценки соотношения ВВП СССР и США. Минимальное соотношение (40%) было определено им за 1955 г., максимальное (62%) – за 1975 г. За 1989 г. это соотношение было равно 51%. С 1975 по 1989 г. (за 14 лет) оно было снижено на 11 процентных пунктов. Тем не менее обращает на себя внимание определенный стереотип в цифрах: за 1965 г. оценки, произведенные в разные годы, давали соотношения в рамках 44-50%, за 1975 г. – в рамках 56-62%, за 1985 г. – 52-55%. Нечто подобное было и в расчетах ЦСУ СССР.

В 80-е годы параллельно с работой ЦРУ стала разворачиваться Программа международных сопоставлений ВВП разных стран под эгидой ООН. И хотя СССР не участвовал в этом проекте вплоть до 1990 г., ООН оценила объем ВВП СССР за 1965 г. в размере 41,5% от уровня США. За 1973 г. ООН получила соотношение этого показателя уже в 45%.

В 1994 г. Европейская экономическая комиссия ООН опубликовала результаты сравнения ВВП СССР и США за 1990 г., в котором СССР уже официально принял участие. Все расчеты проводились не напрямую с США, а через Австрию. Методология расчётов, проводимых в рамках Программы международных сопоставлений ООН, основывалась на репрезентативной выборке товаров-представителей с корректировкой

цен на различия в качестве сравниваемых товаров. Оптимальным считался набор из 600-800 потребительских товаров и услуг, 200-300 видов машин и оборудования и 10-20 строительных объектов-представителей.

В результате этих сопоставлений оказалось, что душевой ВВП СССР составил в 1990 г. 34% от уровня США. Учитывая, что население СССР в то время составляло 289 млн. человек против 250 млн. человек в США, можно заключить, что по общему объему ВВП уровень СССР составлял около 40% от уровня США. Это соотношение оказалось значительно меньше прежних оценок ООН и ЦРУ, хотя и оно, несомненно, завышено.

ЦРУ тоже стало пересматривать свои прежние оценки, и на слушания в Конгрессе в 1990 г. представило новую оценку – 35%, заметив при этом, что и она может быть завышена на 10%. Известный шведский советолог А.Ослунд считал, что душевой ВВП СССР в 1986 г. равнялся 33% от уровня США, что означает, что соотношение двух стран по ВВП в целом составляло 38%. Исследование, проведенное Мировым банком, определило душевой ВВП СССР за 1980г. в размере 37% от американского уровня. Это значит, что соотношение ВВП в целом составило 43%. По мнению американского советолога Р.Эриксона, ВВП СССР в 1989 и 1990 гг. был равен $1/3$ от ВВП США.

Таковы общая хронология и масштаб статистических оценок стоимостных макроэкономических показателей СССР и США, проведенных западными советологами. Из рассмотренного нами советологического опыта можно сделать вывод о том, что наиболее добротная и тщательная работа по сопоставлению ВВП СССР и США, проведенная ЦРУ и ООН, как правило, давала по сравнению с реалиями результат, завышенный на 10-30 процентных пунктов. Отдельные исследователи получали более низкий, т.е. более правдоподобный результат. Были и такие, которые, наоборот, давали еще более завышенные оценки.

Однако в целом надо признать, что западная советология внесла свой ценный вклад в формирование более реалистичного понимания сути и конкретных процессов развития советской экономики и СМЭ. Поэтому именно она, а не советская экономическая наука, заслуживает награды за проделанную работу.

Исследования западных советологов велись на фоне явной фальсификации, которую упорно и настойчиво проводила советская официальная статистика. Напор победных реляций и шапкозакидательских выводов в отношении якобы победного хода экономического соревнования двух систем в СССР, по-видимому, был настолько силен, что он не мог не сказаться на результатах работы большинства западных советологов.

И вот только теперь пришло, по-видимому, время реального сотрудничества экономистов и статистиков обеих стран в проведении более точных и современных сравнений с США основных макроэкономических показателей бывшего СССР и новой России. Нужно совместно пересчитать все прежние прямые двусторонние сопоставления СССР с США и начать новые – для России и США.

В заключение напомним, что по советским официальным данным объем произведенного национального дохода СССР определялся в размере $2/3$ от уровня США, а промышленного производства — в 80 %. Это вдвое преувеличивало реальное положение вещей.

7. Советская модель экономики в других социалистических странах

Анализ СМЭ был бы неполным без рассмотрения её функционирования в других социалистических странах после второй мировой войны. Ряду стран эта модель была, по существу, навязана Советским Союзом, войска которого находились на их территории. Но огромную роль сыграл и внутренний фактор: оживление и укрепление оппозиционных коммунистических сил в годы войны и в первые послевоенные годы, когда международный авторитет Советского Союза – главного победителя в войне – был велик как никогда.

Рассмотрю этот вопрос на примере стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), имевших в прошлом основательные демократические традиции.

По решению Ялтинской конференции в феврале 1945 г. все эти страны попали в орбиту СССР и в большинстве из них «новый прогрессивный общественный строй» устанавливался с помощью Советской Армии. Можно утверждать, что социализм в этих странах не имел внутренних корней, был *привнесён* извне, став поистине *привнесённой* концепцией и режимом. Этот социализм был замешан на антидемократизме и командно-административной практике, уже десятилетия процветавшими в СССР.

На прошедших после войны выборах коммунистические партии в странах ЦВЕ, бывшие важным фактором борьбы против фашистской оккупации в годы войны, как правило, получали первое место по числу собранных голосов по сравнению с любой другой партией, взятой в отдельности. Но они не имели абсолютного большинства голосов. Тем не менее они сумели оттеснить, а позднее и распустить другие партии, провести чистку государственного аппарата и утвердиться в своём всевластии по примеру однопартийной системы в Советском Союзе. Позже других стран ЦВЕ на путь однопартийного коммунистического правления встала Чехословакия (февраль 1948 г.).

Как пишет российский историк В.Алексеев, «отсутствие легальной избирательной борьбы и соперничества партий и их кандидатов, невозможность безнаказанно вести открытую агитацию против выдвинутых кандидатов и тем более против программы «народной демократии», пропагандировать контрпредложения и выдвигать контркандидатов сводили для противников всё более утверждавшегося строя возможности воздействовать на колеблющуюся или аполитичную часть избирателей, сплачивать и воодушевлять тайных приверженцев оппозиции к минимуму. Даже у заядлых врагов социализма, по-видимому, не было охоты рисковать в таком заведомо безнадежном деле, как подача перечёркнутого бюллетеня... Лишив оппозицию – далёко не парламентскими методами – возможности легально действовать, правящая партия стала представлять (не только в публичной пропаганде, но и для себя самой) ситуацию, вытекающую из серьёзного ослабления противника, результатом всенародной поддержки линии партии и новой власти». Это написано о Венгрии, но справедливо в отношении всех социалистических стран ЦВЕ.

Как и в Советском Союзе, на руководящую работу в этих странах стали выдвигаться коммунисты, представители рабочих и крестьян, старые кадры специалистов уходили на другую работу. Люстрация, или чистка кадров, стала нормой. Присутствие советских войск помогало коммунистам захватить власть сверху донизу. Во всех странах ЦВЕ были созданы карательные органы для тотального контроля за людьми. Впоследствии эти органы с подачи из Москвы стали проводить шумные процессы над инакомыслящими и несогласными (процесс Р.Сланского в Чехословакии, Л.Райка в Венгрии, Т.Костова в Болгарии, Кочи Дзодзе в Албании). Многие представители буржуазных классов и интеллигенции оказались за решёткой.

Всё это также повторяло вехи процесса укрепления большевистского правления в СССР. Работала известная сталинская «теория» обострения классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата, обосновывающая террор. И хотя террор в этих странах никогда не достигал тех параметров, которые были в СССР, тем не менее опыт «старшего брата», передаваемый, в частности, через многочисленных советских дипломатов, советников и агентов в этих странах, был использован в огромной мере. Напомню, что говорил И.Сталин по этому поводу в 1937 году:

«...Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперёд классовая борьба у нас должна будто бы всё более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы всё более и более ручным.

Это не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу даёт возможность оправиться для борьбы с Советской властью.

Наоборот, чем больше мы будем продвигаться вперёд, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обречённых».

Обращение к силе или угроза силой стала для коммунистических правителей социалистических стран ЦВЕ простой, понятной, а главное, проверенной на примере «старшего брата» внутренней политикой. Это вопиющим образом отличалось от того, что было во многих этих странах до войны, когда уже фактически были заложены основы демократии, законности и рыночной системы.

В спорах и дискуссиях по вопросам внутренней политики или развития экономики верх одерживали не доказательность или авторитет специалистов и их аргументов, а номенклатурность, социальное и политическое положение, элитность нового нарождающегося эксплуататорского класса. В полемике часто звучали прямые и скрытые угрозы и обиды, выставлялись счёты, накопившиеся за время прохождения во власть новых правителей разных уровней. И всё прикрывалось или «обосновывалось» марксизмом-ленинизмом, опытом «большого брата», который радовался, видя формирование значительного слоя чиновничества, подобного тому, который уже был создан в СССР. Узкие группы лиц, часто с невысокой общей культурой и низким профессионализмом утверждались в монопольной и чуть ли не пожизненной власти, они не брезговали ничем во имя её укрепления и достижения своих, часто просто корыстных целей. Ведь неограниченная власть – это тоже корысть и даже сладость. А поиски «врагов» и борьба с ними стали нормой такой системы авторитарного управления.

«Жертвами произвольных репрессий, — пишет В.Алексеев, — были, разумеется, отнюдь не только партийно-государственные руководители высокого ранга. Их характерной чертой было огульное смешение в одну общую кучу обвинений и наказаний за самые разнообразные действительные и мнимые провинности и преступления: за шпионаж и за невыполнение сельскохозяйственных поставок, за попытку диверсии и за производственный брак. В местах заключения вперемежку сидели нацисты и коммунисты, социал-демократы и военные преступники, помещики и крестьяне, рабочие и монахи, югославы – сторонники Тито и югославы – противники Тито». Наряду с борьбой против «чуждых элементов» во всех социалистических странах ЦВЕ велась оголтелая пропаганда социализма, как высшего общественного строя, шло широкомасштабное «воспитание» народа в духе любви и преданности к своим руководителям, к своим компартиям и, конечно, к Советскому Союзу, «великому Сталину» и последующим советским вождям, к ВКП(б), советскому народу, советским учёным и т.д. Города, улицы и площади переименовывались в честь Ленина, Сталина, Ворошилова, Калинина, советских маршалов, генералов и пр.

Всячески подчёркивалась мысль, что социалистические страны развиваются быстрее и эффективнее капиталистических, что на путь социализма вскоре вступят многие другие страны, более того, образуется единое всемирное социалистическое братство. И в то же время стали проявляться тенденции высокомерия, чванства и поучительства в отношении стран ЦВЕ со стороны руководителей Советского Союза, что вызвало, в частности, резкое обострение отношений между СССР и Югославией, отход последней от «лагеря социализма» в 1948 г.

В сфере управления экономикой в социалистических странах ЦВЕ насаждались централизм, командно-административные методы, внедрялась советская модель экономики. Во всех социалистических странах ЦВЕ был учреждён прежде всего тотальный партконтроль над экономикой и обществом. Огромную роль играла партийная идеология (марксизм-ленинизм) и быстро сформировавшаяся правящая номенклатура – новый эксплуататорский класс со всеми своими привилегиями, иерархией руководящих или управленческих органов. Везде были созданы экономические отделы в ЦК правящей коммунистической (она могла называться и иначе) партии, Госплан, Госснаб и т.д.

Всё это называлось установлением диктатуры пролетариата, получившей в этих странах лицемерное название народной демократии. Как писал в 1948 г. генеральный секретарь Болгарской коммунистической партии Г.Димитров, «переход к социализму не может произойти без диктатуры пролетариата для подавления капиталистических элементов и для организации социалистического хозяйства. В то время как буржуазная демократия является диктатурой капиталистов, народная демократия выполняет функции диктатуры пролетариата в интересах огромного большинства трудящихся и является самой широкой и полной демократией – социалистической демократией. Сходство народной демократии и советской власти в том, что они являются властью рабочего класса в союзе с трудящимися при руководящей роли рабочего класса».

Советский Союз оказывал масштабную помощь всем новым социалистическим странам, странам «народной демократии» в виде специального финансирования, списания долгов, поставок сельхозтехники, удобрений, технической и научно-технической помощи в деле формирования социалистической системы, социалистической экономики с присущей ей СМЭ.

Везде, кроме Югославии, в процессе национализации была создана государственная собственность, которую было принято считать и общественной. Проводилась широкомасштабная конфискация имущества

состоятельных слоёв населения. Государственная собственность стала основой экономической системы, её модели, всего централизованного управления и планирования. Доля её в экономике была преобладающей. Правда, в отличие от СССР, ни в одной из этих стран не было сплошной государственной собственности на землю. В результате экспроприации крупных помещичьих хозяйств земля либо была отдана крестьянам-единоличникам, либо затем перешла во владение сельскохозяйственных кооперативов – прообразов советских колхозов. Государственные сельские хозяйства, или совхозы, в этих странах развития не получили. При этом ни в Югославии, ни в Польше коллективизации вообще не было. Но, как и в СССР, были колхозные рынки, теневая экономика и, конечно, коррупция.

Во всех социалистических странах ЦВЕ по примеру Советского Союза была создана система централизованного планирования, рассчитывались тысячи материальных, стоимостных и трудовых балансов. Применялись изящные математические методы (линейное программирование, искусственное формирование оптимальных планов и цен и т.д.), фальсифицировалась статистическая база. Всё это противопоставлялось рынку и его механизмам, точнее, было призвано их заменить. Однако, в отличие от СССР, в этих странах довольно быстро стало ясно, что делать это надо не тотально, а в меру. Поэтому в таких странах ЦВЕ, как Венгрия, Югославия и Польша, конкретные рыночные инструменты, как, например, цены, прибыль, кредит и даже конкуренция на деле использовались намного шире, чем в СССР. А попытки их искоренить, равно как и отбросить старые демократические традиции, приводили к серьёзным внутривластным коллизиям, вооружённому народному сопротивлению насильственной социализации. Речь идёт о событиях 1953 года в ГДР, 1956 года в Венгрии, 1968 года в Чехословакии и о многочисленных акциях гражданского неповиновения в Польше.

Система «одна партия – одна собственность – одна идеология – один план» лучше всего могла существовать в условиях изоляции от несоциалистического мира, т.е. в условиях «капиталистического окружения», в условиях постоянной подготовки к возможной войне. В СССР всё это могло существовать в течение нескольких десятилетий диктаторского правления Сталина, в социалистических странах ЦВЕ, за исключением Албании и Румынии, такая система просуществовала лишь несколько лет и сразу же после смерти Сталина там появились мощные движения за реформирование командно-административной системы.

Реформирование СМЭ в социалистических странах ЦВЕ, как, кстати, и в СССР, оказывалось невозможным, если в обществе оппозиционные силы открыто ставили вопрос о ликвидации ведущей роли, точнее, абсолютной власти компартии или советского влияния. Когда в Чехословакии вопрос встал в такой плоскости, немедленно были введены войска «братских стран», применена «доктрина Брежнева», согласно которой мировая социалистическая система обязана использовать любые средства, чтобы предотвратить отрыв от неё любой её части, не считаясь с волей народа. На Западе такая позиция получила название доктрины ограниченного суверенитета. Но частичное реформирование на путях «рыночного социализма» оказалось вполне возможным, если не ставить под сомнение монопольную коммунистическую власть и роль СССР. Недаром именно в этих странах (Венгрия после 1956 г. прежде всего) частичные, фрагментарные реформы стали более активной практикой и продвигались значительно дальше, чем в СССР.

Экономическое развитие социалистических стран ЦВЕ в послевоенный период прошло четыре этапа. Первый этап (50-60-е годы), когда происходил быстрый экстенсивный рост, искусственно подстегиваемый централизованным планированием за счёт закачивания в экономику ресурсов и политикой ускоренной индустриализации в пользу, прежде всего, тяжёлой промышленности. Второй этап (70-е годы), когда появились признаки исчерпания факторов экстенсивного развития, а темпы роста экономики резко замедлились. Третий этап (80-е годы), когда экономический рост практически уже прекратился, началась стагнация, появились признаки агонии отживающей общественной системы. Четвёртый этап (90-е годы) – начало революционных преобразований, связанных с переходом от реального социализма к демократии, становлением рыночной системы с эффективной экономикой.

На первом этапе среднегодовые темпы роста основных макроэкономических показателей были весьма высокие: от 6 до 11% для национального дохода и 9-16% для капитальных вложений по разным странам. Создавалась мировая социалистическая система как альтернатива мировой капиталистической системе, новый плацдарм для реализации старых марксистских идей мировой революции.

Экономическое развитие стран носило исключительно экстенсивный характер, постоянно росла норма накопления. Как писали чехословацкие экономисты В.Комарек и Л.Ржига, такой «тип экономического развития ведёт к гигантскому увеличению роста материального производства в общественном труде и частично к омертвлению этого труда в средствах производства в I подразделении. С точки зрения фактора времени это представляет большую опасность и может привести к непредвиденным народнохозяйственным потерям, неэффективно поглощающим существенную часть фонда накопления». И далее: Такой тип экономического развития «консервирует технический уровень, т.е. вынуждает общество продолжать эксплуатировать неэффективные участки, воспроизводя, таким образом, неэффективное развитие, и тем самым замедлять рост эффективности общественного производства».

Сразу же после смерти Сталина в июне 1953 г. в Берлине недовольные рабочие вышли на улицы города с требованием улучшения их социального положения. Против демонстрантов были применены советские вооруженные силы, размещенные в ГДР. Погибло не менее 25 человек, но политические гайки закручивались потом многие годы.

Летом 1956 г. произошли волнения в Польше в Познани, которые также были подавлены с помощью военной силы. Но самое страшное – это кровавые события в октябре-ноябре 1956 г. в Венгрии, где советские войска вместе с венгерскими прокоммунистическими силами жестоко подавили широкомасштабное народное восстание, когда число жертв исчислялось тысячами.

В августе 1968 г. произошли известные события в Чехословакии. В этой стране давно зрели силы во главе с О.Шиком, ориентированные на «обновление социализма», на построение «социализма с человеческим лицом» на базе развития товарно-рыночных отношений. Они критиковали СМЭ, утвердившуюся в СССР, призывали к более широким экономическим связям с Западом. В СССР подобные внутренние тенденции вылились наружу в период горбачевской перестройки. Но в Чехословакии в 1968 г. всё это закончилось оккупацией страны войсками Варшавского договора и утверждением ультраконсервативной линии в руководстве страной. Отзвуки этих событий слышны и до сих пор.

В СССР подобных масштабных протестов, социальных взрывов не было, хотя более мелкие и жестоко подавленные, конечно, были. О многих мы не знаем, но знаем о Новочеркасске, где погибло также более двух десятков человек, о Темиртау и т.д.

Все рассмотренные акции протеста относятся к периоду становления и в общем-то достаточно успешного и быстрого развития социализма в странах ЦВЕ. В этот период Советский Союз оказывал огромную экономическую помощь этим странам, которая составляла порядка 5-10 млрд. долл. в год.

На втором этапе произошло значительное замедление темпов экономического роста стран ЦВЕ. Например, среднегодовой прирост национального дохода в 1976-1980 гг. составил 1,2-6,0 %, это, как минимум, вдвое ниже, чем на первом этапе. Типичными стали призывы к интенсификации производства, ускорению НТП, но дело не шло. Особенно плохо экономика развивалась в Польше, где за все 70-е годы национальный доход возрос, по официальным данным, в 1,7 раза, что меньше, чем в 50-е годы (в 2,1 раза) и в 60-е годы (в 1,8 раза). К концу 70-х годов экономический рост здесь практически вообще прекратился.

На третьем этапе произошло дальнейшее замедление темпов роста экономики и эффективности производства в странах ЦВЕ, а в Польше и некоторых других странах производство попросту стало снижаться. По расчётам, проведённым в Институте экономики Болгарской академии наук, среднегодовые темпы роста факторной производительности в экономике Болгарии в 1966-1975 гг. составили 4,1%, в 1976-1980 гг. они снизились до 2,0%. Доля интенсивных факторов в приросте национального дохода в 1971-1975 гг. была равна 52,5%, в 1976-1980 гг. – 33,6%. И никакие меры, предпринимаемые сверху, ни нарастающая помощь со стороны Советского Союза не смогли преодолеть эту неблагоприятную тенденцию.

Для многих экономистов этих стран стало ясно, что не работает сама система реального социализма. Эта тоталитарная система партийного государства экономически держится на государственной собственности, на принуждении, т.е. на командах сверху. Политически эта система держится на всевластии партийных органов, чиновничьего аппарата министерств и ведомств, органов внутреннего сыска. Организационно она строится на жёсткой партийной дисциплине, культивации страха наказаний, натуральном распределении производимой продукции. Идеологически – на марксизме-ленинизме, влияние и роль которого в соседней Западной Европе повсеместно к этому времени уже шли на убыль. Большинство экономистов в таких странах, как Венгрия и Польша, пришли к выводу, что системный кризис может быть преодолён только на путях к реальной рыночной экономике.

Правящие компартии стран ЦВЕ по примеру КПСС соорудили миллионы памятников своим руководителям, развесили миллионы их портретов, переименовали многие города, улицы и целые территории в угоду этим руководителям, всячески изображали себя борцами за народное благо и народные интересы. На деле же они творили зло, загоняли общество и экономику в тупик, угнетали свой народ. Коммунистическая идеология, преданность Советскому Союзу и экономическая зависимость от него насаждались искусственно. «Трудовой энтузиазм» и одобрение народом всех решений партии и правительства пропагандировались и превозносились официальной пропагандой широко, назойливо и повсеместно.

Всё это не могло не вызывать нового сопротивления, которое, однако, после печального опыта 50-60-х годов со временем уже не выливалось в вооружённые столкновения, а принимало более цивилизованную форму давления на руководящую элиту, которая вынуждалась таким образом к проведению частичных реформ сверху. Сказанное особенно характерно для Польши, где летом 1980 г. возник независимый профсоюз «Солидарность», который путём гласности, завоевания общественного доверия и политического давления на власть сумел добиться перехода власти в свои руки, подвиг прежнее коммунистическое руководство Польши на ускорение проведения экономических реформ в 1982-1989 гг.

В целом можно выделить два типа экономических реформ в рассматриваемых странах.

Первый тип – либеральные реформы в Венгрии и Польше, связанные со значительной экономической либерализацией и децентрализацией управления. Экономическая либерализация выражалась в постепенном увеличении роли рыночных инструментов и механизмов (процент, прибыль, налоги и пр.), в частичном переходе к более гибкому ценообразованию и даже разрешению мелкой частной собственности, поддержке мелкого предпринимательства. Децентрализация управления выражалась в ослаблении жёсткости, директивности централизованного планирования, сокращении числа планируемых показателей, предоставлении нижестоящим звеньям больше прав и т.д. Однако в любом случае сохранялась абсолютная власть партийно-хозяйственной номенклатуры.

С января 1968 г. под руководством Я.Кадара в Венгрии стала проводиться политика по созданию нового экономического механизма (НЭМ). Этому предшествовала большая дискуссия среди венгерских учёных, управленцев, плановиков и других специалистов. В результате введения НЭМ предприятия получили довольно большую экономическую самостоятельность, получили право во многом самим решать, что и как производить, где и кому продавать свою продукцию, у кого покупать сырьё и полуфабрикаты. Появились элементы конкуренции между предприятиями, которые стимулировали рост эффективности производства, степень удовлетворения спроса. Стал расширяться частный сектор в экономике, особенно в сфере услуг. Цены стали играть более активную роль, балансируя спрос и предложение. Норма прибыли и рентабельность постепенно завоевали свою естественную роль важного критерия эффективности производства и деловой активности. Нераспределенная прибыль предприятий стала использоваться для инвестиций и дополнительного материального поощрения работников. Предприятия получили более широкие возможности брать кредит в банке, нанимать работников, но если рост средней заработной платы начинал превышать установленный норматив, то фонд зарплаты облагался налогом в 3% в год. Стала возрастать роль внешней торговли, в частности, торговли с Западом, международный туризм.

Были отменены многие обязательные плановые показатели по производству той или иной продукции, административное распределение материальных ресурсов. Экономика перешла на оптовую торговлю материальными ресурсами. Но директора заводов по-прежнему находились в подчинении своих министерств и могли быть уволенными по их приказу, а центр (Госплан) оставлял за собой главный рычаг – основную часть капиталовложений, которые направлялись по плану в соответствующие отрасли и производства.

В сельском хозяйстве Венгрии были отменены обязательные поставки продукции государству, колхозам предоставлено право самим определять, что производить и продавать. Отменены ограничения на численность скота в частной собственности, на продажу продукции в городах, крестьяне получили право на несельскохозяйственную деятельность (строительство, промышленная переработка, ремонт техники, предприятия общественного питания и т.д.).

Заметные перемены произошли в ценообразовании. Административный контроль над ценами был ослаблен. Появились цены 4-х видов: фиксированные, максимальные, лимитные и свободные. Фиксированные цены устанавливались на основные продовольственные товары, на сырьё и топливо. Был либерализован импорт, появилось много иностранных товаров, часто довольно дорогих. Постепенно фактически была отменена и монополия внешней торговли.

Тем не менее сохранялось централизованное стратегическое управление и планирование экономики, монополия крупных предприятий, не было практически банкротств, многие государственные предприятия получали субсидии за счёт бюджета, и их размеры нарастали, рабочие получали заработную плату, даже если предприятие плохо работало и выпускало не то, что нужно. Уравниловка в оплате труда сохранялась, как один из принципов социализма. Но уже появлялись предприниматели и бизнесмены. И этим правящая партийная номенклатура была недовольна.

В целом Венгрия на путях формирования «рыночного социализма» создавала своеобразную смесь из централизованного управления и планирования экономики с квазирыночной децентрализацией и расширением хозяйственных прав предприятий.

В том же направлении шло реформирование и экономики Польши. Дискуссии о реформе здесь начались, пожалуй, раньше, чем в других странах ЦВЕ. В них участвовали такие видные польские экономисты, как О.Ланге, М.Калецкий, В.Брус, К.Ласки. Постепенно предприятия получали всё большую хозяйственную самостоятельность, но общественное мнение страны было настроено критически по отношению к социализму и однопартийному правлению. Из-за этого с самого начала в Польше не проводилась коллективизация в сельском хозяйстве. Крестьянство её попросту бы не приняло.

В 1969 г. была объявлена экономическая реформа, включая реформу цен, цены значительно выросли. В декабре 1970 г. польское руководство было шокировано волнениями среди населения, и новый генеральный секретарь партии Э.Герек ввёл амбициозную программу повышения жизненного уровня. Это привело к серьёзному наращиванию внешнего долга и инфляции в стране. Страна стала вводить по примеру Югославии рабочее самоуправление, которое не принесло положительных результатов. Одновременно строились крупные предприятия и формировались по примеру ГДР и СССР крупные промышленные объединения (реформа

планирования в промышленности в 1974-1975 гг.). В целях противостояния набравшей силу инфляции была проведена увязка роста фонда заработной платы с ростом чистой продукции (установлен коэффициент 0,6). Но тем не менее это не стимулировало повышение эффективности производства, в частности, нормы рентабельности, из-за расточительного использования ресурсов.

Более решительный характер попытки экономических реформ в Польше приобрели лишь в 80-х гг., когда стало набирать силу и крепнуть массовое политическое движение «Солидарность». В 1982 и 1987 гг. были приняты решения о расширении хозрасчётных прав предприятий. Однако в стране всё более укреплялось убеждение в том, что «трансплантация» элементов рынка в социалистическую экономику, в СМЭ не работает, не принимается последней. Начались ещё более бурные дискуссии, приведшие к радикальной смене экономической модели в 1989 г.

Второй тип – неопределённые экономические эксперименты в Болгарии, проводившиеся под советским контролем и весьма напоминавшие несостоявшиеся косыгинские реформы в СССР в 1965 и 1979 гг. Эти эксперименты лишь с большой натяжкой можно назвать реформами, они не меняли сути сложившейся экономической модели.

Тем не менее в качестве альтернативы СМЭ в ряде стран ЦВЕ уже на этом этапе, как мы уже видели, стали проводиться практические эксперименты в духе «рыночного социализма». Это были вначале робкие и даже наивные попытки реформировать укрепляющуюся социалистическую систему. Смысл этих попыток сводился к частичному внедрению в социалистическую экономику элементов рынка под видом хозрасчёта, увеличения хозяйственной самостоятельности предприятий. Эти эксперименты затем были подхвачены либеральными кругами и в Советском Союзе. Теперь уж прямо можно сказать, что всё это были псевдореформы, иллюзорные и даже фальшивые перестроечные процессы.

Что же касается таких социалистических стран, как Чехословакия (после 1968 г.), Румыния, ГДР и Албания, то никаких экономических, или рыночных, реформ в период до 90-х годов здесь попросту не было. В Чехословакии, и особенно в Албании, осуществлялся консервативный тип экономического развития, основанный на классической СМЭ, что не помешало, кстати, Албании в конце 50-х годов выйти из орбиты Советского Союза. О рынке или рыночных механизмах в Албании, например, говорить было не принято. В Чехословакии осталась лишь рыночная риторика. В Румынии выделялся тоталитарный характер экономического и всего общественного развития, основанный на предельно абсолютной власти одного диктатора. Эта страна могла себе позволить, находясь в советской орбите, критические замечания в адрес Советского Союза и довольно острые элементы независимой внутренней и внешней политики, что вызывало явное недовольство в Советском Союзе (например, отказ от участия в Варшавском договоре, от ввода войск в Чехословакию в 1968 г. и т.д.). Я помню, у нас ходила такая шутка: румыны – это не национальность, это – профессия.

Никаких реформ в Румынии, как в Албании, не проводилось. В стране существовал жёсткий репрессивный режим.

По-другому развивалась ГДР. Здесь были созданы «социалистические картели» – крупные объединения промышленных предприятий (всего более 70) по продуктовым группам – комбинаты. Эти монополистические объединения были противниками конкуренции и рынка. В 1963 г. был объявлен лозунг ориентации на экономические рычаги и стимулы, но вскоре всё вернулось к количественным показателям централизованного планирования. Комбинаты имели право самостоятельного выхода на внешние рынки. И самое главное: ГДР имела особые отношения с ФРГ, получая от последней негласно существенную экономическую поддержку. Что, впрочем, не мешало руководителям ГДР обвинять ФРГ во всех смертных грехах и критиковать её экономику, как хаотичную, неэффективную, расточительную и т.д.

Экономисты ГДР оказались наиболее догматичными и по марксистско-ленински ориентированными среди всех учёных-экономистов стран ЦВЕ. Они категорически выступали против экспериментов с «рыночным социализмом» в Югославии, Венгрии и Польше, косо смотрели на частичные рыночные эксперименты в СССР и стояли на страже «чистоты» марксистско-ленинской экономической теории. Правящие круги ГДР выступали против каких-либо рыночных реформ в своей стране.

Совсем особняком из социалистических стран ЦВЕ стоит Югославия, которая в 1948 г. покинула «лагерь социализма» из-за неожиданно возникшей ссоры между Сталиным и Тито в Москве. Югославия стала строить свой югославский реальный социализм, основанный на коллективной собственности, рабочем самоуправлении, широком использовании рыночных механизмов, но при сохранении авторитаризма, монополии коммунистической партии и марксистско-ленинской идеологии. Это была попытка сформировать альтернативу советской практике строительства «реального социализма», советской модели экономики. Это был широкомасштабный и долгий эксперимент с «рыночным социализмом», который не только провалился концептуально и экономически, но и привёл к известным кровавым событиям и распаду страны.

Последние события в Югославии заставляют более подробно остановиться на опыте социалистического строительства в этой стране.

Югославская модель экономики существенно отличалась от советской и её вариантов в таких странах, как Польша и Венгрия. Во-первых, роль рыночных сил в экономике этой страны была много больше, а роль централизованного планирования соответственно меньше. Во-вторых, в многонациональной Югославии была велика роль территориальных образований – республик, краёв и коммун. В-третьих, большое развитие в стране получило рабочее самоуправление на предприятиях. В-четвёртых, доходы работников предприятий в большей степени зависели от результатов их хозяйственной деятельности. В-пятых, в Югославии доля свободных цен была выше, чем в других странах ЦВЕ. И, наконец, в-шестых, в отличие от большинства других стран ЦВЕ, в Югославии, как уже говорилось, не было коллективизации сельского хозяйства, производство в этой отрасли осталось в руках мелких земельных собственников, которые работали на рынок, производя то, что им подсказывали спрос и конъюнктура.

В Югославии практиковалась самая децентрализованная и рыночная форма социализма из всех стран «мировой социалистической системы». Атмосфера в экономике и обществе была наиболее либеральной из всех этих стран, несмотря на однопартийную систему. Государственному социализму в других странах ЦВЕ Югославия противопоставила самоуправляющийся, или «прямой» социализм.

Это была уникальная балканская страна, 80% населения которой составляли славяне. В неё входили 6 республик и две провинции. Сербия освободилась от турецкого ига с помощью России в 1878 г., Македония – в 1912 г. Велики были религиозные и культурные различия населения, живущего в разных республиках.

В годы второй мировой войны Югославия оказала героическое сопротивление немецким оккупантам, и сразу же после войны коммунисты, пришедшие к власти, провели национализацию промышленности, установили централизованное управление экономикой. Первый пятилетний план на 1947-1951 г. предусматривал рост промышленного производства в 5 раз по сравнению с довоенным уровнем, высокие темпы роста капиталовложений. На селе стала проводиться коллективизация, крестьяне должны были выполнять обязательные поставки своей продукции государству, как и в СССР.

Однако после разрыва отношений с СССР страна оказалась не только в изоляции, но и в экономической блокаде. Если в первые послевоенные годы около 50% югославской внешней торговли приходилось на СССР и страны ЦВЕ, то уже к 1948 г. намного меньше, а в 1950 г. – 0. И так продолжалось до 1955 г., когда Н.Хрущёв нанёс свой первый визит в Югославию после смерти Сталина.

В годы изоляции Югославия стала искать собственную модель строительства социализма, весной 1950 г. идея самоуправления получила поддержку, и 26 июня того же года был принят закон о рабочем самоуправлении. Главными идеологами реформ были Э.Кардель и Б.Кидрич. В апреле 1951 г. был упразднён Госплан, в декабре того же года централизованное планирование утратило свой директивный характер, формировались рынки, цены на большинство товаров стали свободными, предприятия стали сами решать, что им производить, что покупать, кому и по какой цене продавать.

В сельском хозяйстве в 1950 г. колхозы занимали около 20% обрабатываемых земель, но потом было признано, что они не эффективны, и колхозники могут из них уйти. Предел частного земельного надела был установлен в 10 га.

Концепция югославского социализма как «свободного объединения производителей» была распространена и на внутреннюю политику страны. Республики получили большую самостоятельность, но за центром при этом остался контроль за капиталовложениями. Да и предприятия вплоть до 1965 г. имели мало прав в этом отношении. В начале 60-х годов 60% всех капиталовложений финансировало государство, 35% — сами предприятия, и лишь оставшиеся 5% приходилось на счёт банковского кредита. Государство регулировало соотношение между прибылью и фондом заработной платы на предприятиях, не разрешало повышать зарплату по собственной инициативе, прибыли делились между предприятиями и местными органами власти, которые сами определяли свою долю. Государство получало свой налог на прибыль и 6% — плату за фонды. В итоге предприятиям оставалось не так уж и много.

Тем не менее производство быстро росло. Среднегодовой прирост совокупного общественного продукта в 1954-1965 г. составил 7,5%. Однако внешнеторговый баланс был дефицитным, и страна стала вползать во внешний долг, который, в конце концов, достиг 20 млрд.долл. (1982 г.). К тому же социалистические предприятия и особенно местные органы власти не очень заботились о рентабельности производства, его эффективности. Рычаг конкуренции был слабым. Поэтому, как и в других социалистических странах, экономическая рациональность многих инвестиционных проектов часто была весьма сомнительна и служила лишь поддержанию полной занятости, а экономический рост носил ярко выраженный экстенсивный характер. Югославы часто называли свои предприятия «политическими фабриками». Норма производственного накопления нарастала.

Однако постепенно темпы экономического роста стали снижаться, с начала 60-х годов появилась официальная безработица, ускорялась инфляция. В этих условиях крепились настроения в пользу придания предприятиям страны ещё большей свободы, распространив её и на капвложения, в пользу дальнейшего

развития системы рабочего самоуправления. На этой волне в 1965 г. была проведена новая экономическая реформа.

Как пишет югославский экономист К. Михайлович, «оттеснив планирование, рынок быстро завоевал экономические позиции... Возникла пустота в сфере макроэкономических отношений. Уже в начале 60-х годов были отмечены крупные структурные нарушения, которые в порядке обратного воздействия отразились на микроуровне экономики и функционировании всех основных институтов экономической системы». Иными словами, многонациональная Югославия теряла силу государственных институтов, входила в полосу стихийности и смуты. Предприятия и их трудовые коллективы получили ещё большую самостоятельность, был отменен государственный контроль за распределением их чистого дохода. Предприятия получили больше прав и в отношении распределения своих доходов и инвестирования. Принцип самоуправления распространился и на сектор социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование и пр.), который перестал финансироваться за счёт федерального бюджета.

Экономика страны становилась всё более атомизированной. К концу 60-х гг. лишь менее 10% капиталовложений финансировалась государством, остальные 90% примерно поровну распределялись между прибылью самих предприятий и банковским кредитом. Предприятия брали кредиты вроде бы на поддержание и рост производства. На деле же кредиты покрывали расходы по потерям, по низкой эффективности, по сверхзанятости, поддержке практически обанкротившихся предприятий и т.д.

Свою автономию предприятия использовали в рамках философии группового эгоизма в целях роста фонда заработной платы. В результате стали нарастать темпы инфляции, усиливался национализм в республиках, особенно в Хорватии. В ответ на это укреплялся традиционный шовинизм сербов. Всё это происходило на фоне ослабления роли государства и его институтов в экономике и обществе. К началу 70-х гг. федеральная ответственность концентрировалась лишь на обороне страны, пенсионном обеспечении, обслуживании внешнего долга и на фонде развития отсталых районов страны. Всё это, как потом оказалось, имело драматические последствия, создавалась иллюзия, будто местные и региональные партийные власти могут обеспечить защиту интересов всей страны и создать условия для её прогресса.

Тем не менее возрастала политическая и экономическая роль национальных республик, национальный вопрос встал во весь рост впервые после 1945 г. Принятые поправки к конституции давали республикам право вето по многим вопросам, почти каждый вопрос в республиках стал приобретать этническую окраску. Национализм резко проявил себя в 1971 г., когда Тито провёл акцию против части руководства Хорватии. Тенденция к распаду федерации усиливалась. Одновременно уже с 60-х гг. росла безработица, началась массовая эмиграция излишней рабочей силы.

В 1974 г. была принята новая Конституция страны, в 1976 г. – закон об объединенном труде. В соответствии с этим законом первичным звеном всей общественной, экономической и политической системы были объявлены не отдельные уже существующие предприятия и их трудовые коллективы, а основные организации объединенного труда (ОООТ), представляющие собой хозяйственные единицы с законченным технологическим циклом, где может быть реализован принцип хозрасчёта (цехи, участки и т.д.). Речь, по существу, шла о ещё большей атомизации в экономике страны. Помимо ОООТ создавались и так называемые сложные организации объединенного труда в виде объединений ряда трудовых организаций или их ОООТ в одной или нескольких взаимосвязанных отраслях. Предприятия были переименованы в «рабочие организации объединенного труда» и могли входить одновременно в разные ОООТ. По закону только коллектив, а не отдельные работники, мог иметь собственность из состава имущества ОООТ. Бесконечные собрания и переговоры внутри коллектива снижали и без того ослабленную роль директоров и менеджеров.

Между ОООТ возникла сложная система контрактных взаимоотношений. В эти контракты включались не только сами ОООТ, но и профсоюзы, торговые организации и властные структуры на разных уровнях. Местные контракты объединялись в республиканские, последние в федеральные. Создавалась новая неэффективная бюрократическая система при сохранении руководящей роли уже существующей партийной иерархии. Всё это происходило в рамках концепции «рыночного социализма», и в реальных условиях многонациональной страны вело к нарастанию центробежных тенденций, разделению экономики и общества на многочисленные мелкие группы по интересам.

Опыт построения югославской экономической модели оказался неудачным. Он в значительной мере способствовал развалу страны в 1991 г., межнациональным войнам и становлению затем диктаторского режима в новой Югославии в составе Сербии и Черногории, а также последующим драматическим событиям (ввод экономических санкций, военные операции НАТО, исход беженцев и т.д.). Диктаторский режим С. Милошевича со всеми его этническими чистками, железной волей и дисциплиной стал реакцией, своего рода национальным комплексом, на разрушительные дезинтеграционные процессы в послевоенном развитии Югославии.

На протяжении третьего периода послевоенного экономического развития стран ЦВЕ проявил себя в полной мере общий кризис социализма, общий кризис мировой социалистической системы, которая подошла к последней грани своего неизбежного развала. Ни в одной из социалистических стран ЦВЕ реальный социализм,

реальная модель развития национальной экономики не только не доказали своих преимуществ по сравнению с реальным капитализмом, реальной рыночной экономикой, но и довели свои страны до истощения, прекращения экономического роста. На протяжении четырёх десятилетий экономика социалистических стран ЦВЕ развивалась не эффективно, демонстрировала производство ради производства, точнее, ради укрепления коммунистической власти.

В целом за рассмотренные три периода экономического развития социалистических стран ЦВЕ темпы их экономического роста были следующими (табл.2).

Таблица 2

Среднегодовые темпы роста национального дохода бывших социалистических стран, 1950-1990 гг. (в %)

Годы	Болгария	Чехословакия	ГДР	Венгрия	Польша	Румыния	СССР
1951-1955	12,2	8,1	13,2	5,7	8,6	14,2	11,3
1956-1960	9,6	7,0	4,4	6,0	6,6	6,6	9,2
1961-1965	6,6	1,9	3,5	4,5	6,2	9,1	5,7
1966-1970	8,7	6,9	5,0	6,7	5,9	7,7	7,1
1971-1975	7,9	5,7	5,4	6,3	9,7	11,3	5,1
1976-1980	6,1	3,7	4,1	2,8	1,2	7,2	3,7
1981-1985	3,7	1,8	4,5	1,4	— 0,8	3,0	3,2
1986-1990	— 0,5	1,0	— 1,8	— 0,5	— 0,5	— 3,5	1,3

Источники: Статистический Ежегодник СЭВ с 1971 по 1978 гг.; Economic Survey of Europe, 1990-1991, UN., Geneva, p. 41.

В 70-е – 80-е годы уже многие экономисты стран ЦВЕ стали понимать, что годы «строительства социализма» – это годы регресса, годы дискредитации ценностей смешанной конкурентной экономики и гражданского общества, что не могло быть компенсировано количественным ростом производства, строительством новых предприятий. В 1989 г. Я.Корнаи писал: «теперь мы должны расплачиваться за десятилетиями копившиеся проблемы. Из сознания нескольких поколений вытравливали гражданские чувства и ценности, тесно связанные с правами частного владения, частной собственностью и рынком. С этим обстоятельством нельзя не считаться».

Четвёртый период – крах реального социализма во всех социалистических странах ЦВЕ, вступление их в длительный трансформационный период, который продолжается и в наши дни. Повсеместно начало трансформации было связано с серьёзным падением производства. Однако, по сравнению с Россией, это падение было намного меньше, а реальные рыночные реформы успешны. Они нашли поддержку у большинства населения рассматриваемых стран. В 1989-1990 гг. во всех из них почти дружно и безболезненно прошли «бархатные революции», правящие коммунистические партии ушли не только из власти, но и практически с политической арены, превратившись в цивилизованную социал-демократию западного образца.

Ничего подобно, к сожалению, не произошло в России, где опыт строительства «реального социализма» был почти вдвое больше, чем в странах ЦВЕ, и его корни намного глубже вросли в землю. Выкорчевывать эти корни нам, похоже, предстоит ещё долгое время. За этот период многие бывшие социалистические страны ЦВЕ войдут в состав Европейского Союза на правах его полных членов и пополнят мировое сообщество экономически развитых, цивилизованных стран мира. Нам же предстоит ещё долгий путь в этом направлении, если, конечно, и само направление в силу внутренних причин не будет изменено. Но автор считает себя оптимистом и не верит в попятное развитие российского общества.

В заключение особо хотелось бы сказать о Совете Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

СЭВ был создан в 1949 г. Сталиным в ответ на «план Маршалла» с намерением сформировать мировую социалистическую систему хозяйства, которая должна превзойти по экономическим параметрам мировую капиталистическую систему хозяйства и стать важнейшим фактором коммунистического преобразования всего мира. Несомненно, что создание СЭВ стимулировало интеграционные процессы на Западе. Однако интеграционные экономические процессы на Западе в своей основе имели налаживание хозяйственного взаимодействия фирм и предприятий разных стран путем отмены таможенных пошлин, развития кооперирования, дележа рынков сбыта, взаимного кредитования и т.д. Эта интеграция шла как сверху, так и снизу на базе рыночного механизма.

Интеграционные экономические процессы в рамках СЭВ в своей основе имели налаживание хозяйственного взаимодействия между министерствами и госпланами разных стран, т.е. на государственном уровне. Совместно решались вопросы координации народнохозяйственных планов, согласования

внешнеторгового оборота, предоставления государственных кредитов, организации научно-технического сотрудничества и т.д. Нечего и говорить, что все эти вопросы решались на базе командно-административного механизма в условиях централизованного планирования. И если все это не срабатывало в рамках каждой из социалистических стран, то не могло быть должного эффекта и на уровне международного сотрудничества. «Социалистическая экономическая интеграция» носила нерыночный, неэкономический и даже бюрократический характер.

Во внешней торговле социалистических стран производители непосредственно не участвовали, всё шло через государственные торговые объединения. При этом не нужна была ни единая валюта, ни деньги вообще. Был организован многосторонний клиринг на базе так называемого переводного рубля в качестве общей расчётной единицы. Каждая страна имела свою монополию внешней торговли и выступала как организованная автаркия. Неконвертабельность валют не позволяла сформировать оптимальную структуру экспорта и импорта. К тому же не было связи между внутренними и внешнеторговыми ценами, что не позволяло внешней торговле оказывать действенное влияние на структуру национального производства в каждой стране.

Несмотря на декларации об углублении и расширении «социалистической экономической интеграции», о необходимости развития производственной кооперации и специализации, все страны-члены СЭВ (на деле каждая у себя) создавали самодостаточные, комплексные экономики по примеру Советского Союза, не очень-то рассчитывая на международную специализацию. Это было ещё одним фактором низкой экономической эффективности мировой системы социализма и ее как бы «общего рынка».

Как пишет известный французский советолог М.Лавинь, СЭВ не был рынком, а тем более общим. Практически были лишь двусторонние связи и две системы денежных единиц – внешнеторговые цены и переводной рубль. Однако за основу брались средние мировые цены за последние 5 лет и официальный курс рубля. Не приходится забывать, что товары, производимые в социалистических странах, за исключением природного сырья, были низкого качества и неконкурентоспособны на мировом рынке. Уже одно это делало СЭВ изолированным экономическим сообществом, международной коммуной, где можно было жить, не заботясь ни об эффективности, ни о качестве, ни о НТП, не боясь конкуренции. Слабых и серых такая жизнь, похоже, вполне устраивала.

Недаром процесс экономического выравнивания стран-членов СЭВ проходил не по высокому уровню, как, например, в ЕЭС, где планка была на уровне Германии, Великобритании и Франции, а на уровне СССР, который по показателю ВНП на душу населения уступал всем странам-членам СЭВ, за исключением Болгарии и Румынии. В то же время СССР нёс основную нагрузку в СЭВ, оказывая существенную помощь своим партнёрам, которые, однако, предъявили ему серьёзные материальные и финансовые претензии после развала этой организации в 1990 г.

На Западе всегда делалось много прогнозов относительно будущего СЭВ. Почти все они были самыми пессимистическими. Однако никто не ожидал столь дружного, можно сказать, коллективного краха этого международного сообщества. Так было покончено с ещё одним столпом мирового социализма: он был разрушен под собственной тяжестью.

* * *

Если обобщить основные тенденции экономического развития социалистических стран ЦВЕ в послевоенный период, то генеральная линия этого развития видится в попытках сначала копирования опыта СССР, советской модели экономики, а затем в стараниях перехода к модели «рыночного социализма». Последняя представляет собой частичный отход от СМЭ и стремление использовать рыночные механизмы и стимулы в рамках централизованного планирования, командно-административной системы. Особо активные попытки в этом направлении предпринимались в Польше, Венгрии и Югославии. По существу, это были попытки вдохнуть в умирающий «реальный социализм» кислород нормальной рыночной экономики с внутренним мотивационным механизмом. Но и этот гибрид оказался нежизнеспособным.

Напомню читателю, что Маркс считал капитализм нежизнеспособной экономической и общественной системой, которая порождает в экономике стихию и хаос, обнищание рабочего класса. Последний в конечном счёте расправляется с эксплуататорским классом – буржуазией – и устанавливает справедливый общественный строй – социализм, в котором господствует диктатура пролетариата и функционирует плановая, нерыночная экономика.

Ленин и Сталин осуществили построение социализма в одной отдельно взятой стране и считали, что плановая социалистическая экономика – самая эффективная в мире. Они полагали, что по примеру Советского Союза многие другие страны встанут на путь социализма и свершится мировая социалистическая революция, которая даст импульс для ликвидации эксплуатации в мировом масштабе и построения коммунистического общества, где все люди будут трудиться и получать за свой труд по потребностям.

Но уже в начале 20-х годов австрийский экономист Л.Мизес показал, что коммунизм – это блеф и утопия, что социалистическая экономика, лишённая рыночных механизмов и базирующаяся на

субъективистских решениях чиновников, никогда не создаст эффективного производства и распределения благ, отсутствие экономической свободы приведёт экономику в тупик, к разочарованию трудящихся масс.

Как уже упоминалось, в середине 30-х годов польский экономист О.Ланге, базируясь на опыте НЭПа в СССР, собственных оценках функционирования централизованной плановой системы в нашей стране, а также опыте мирового экономического кризиса 1929-1933 гг., выдвинул теорию «рыночного социализма». Эта теория, в отличие от взглядов Мизеса, опиралась на социалистическую идею, на социализм, как общественную и экономическую систему, предлагала внедрить в неё частично рыночные рычаги и стимулы, даже искусственные цены спроса и предложения, соединить план и рынок. Она была поддержана и работами таких польских экономистов, как М.Калецкий, В.Брус, К.Ласки.

Австрийский экономист Ф.Хайек также безоговорочно выступил против теории «рыночного социализма», доказывая, что это дорога в рабство. Однако после войны взгляды О.Ланге получили поддержку в Югославии, Польше и Венгрии, которые и начали практические эксперименты с теорией «рыночного социализма». Чем всё это закончилось, теперь хорошо известно.

Со временем эти страны отказались от этой теории и от пути, к которому призывали О.Ланге и его последователи. Как писал известный английский советолог А.Ноув, теория «рыночного социализма», которая на практике наиболее полно реализовывалась в Венгрии после 1968 г. в рамках так называемого «нового экономического механизма», не только не решила проблем реального реформирования командно-административной экономики, но и отвлекала от их решения. Другой крупный западный специалист в области социалистической экономики, венгерский экономист Я.Корнаи, считает, что на самом деле нет никакого «третьего пути» в развитии экономики, нет альтернативы западной рыночной экономике ни в одном из её вариантов. Опыт Венгрии продемонстрировал «полный провал попыток соединить общественную собственность с рынком». Система «рыночного социализма» на деле лишь симулировала рынок, а не создавала его реально, не отменяла авторитаризм, однопартийность и командование сверху. Естественно, что она не смогла закрепиться нигде, где с нею проводились эксперименты.

Таковы результаты функционирования СМЭ в условиях реального социализма, имевшего место в странах Центральной и Восточной Европы. Так же как и Советский Союз, эти страны построили у себя именно то, что и хотели, что и было задумано. Но эта попытка оказалась исторически несостоятельной, глубоко ошибочной. Коммунистический эксперимент, где бы он ни проводился, был изначально обречён, нигде не закрепился и не дал ожидаемых результатов. Поистине у него нет и не будет перспектив ни в мире, ни в нашей стране. Сегодня уже ясно, что работоспособная и эффективная экономика требует широкой предпринимательской свободы и предпринимательского духа, конкурентной среды, разнообразия форм собственности, полной автономии выбора, зрелой рыночной инфраструктуры, конструктивного государственного регулирования и, конечно, партнёрства в рамках современного мирового хозяйства.

Заключение

Дав анализ содержания и генезиса формирования советской модели экономики, тех тенденций и факторов, которые к ней привели, я хочу прямо ответить на вопрос: А почему мы от неё отказались? Ведь эта модель в значительной мере ещё практикуется в Китае и в ещё большей степени в КНДР и на Кубе. По ней ностальгирует значительная часть наших сограждан, активно голосуя за КПРФ.

Я убеждён, что она, эта модель, умерла у нас естественной смертью, выработав весь свой ресурс и проявив полную свою неэффективность. То есть она могла приносить эффект в условиях короткого периода мирного времени для решения конкретных, часто больших задач с использованием чрезвычайных и мобилизационных методов. Она могла приносить эффект в условиях военного времени, когда требовалось собрать в один кулак все необходимые ресурсы и силы. Но в нормальных условиях она просто не выдерживала никакого сравнения с рыночной моделью.

Во-первых, советская экономическая модель истощала ресурсную базу страны, требовала перерасхода (по сравнению с рыночной) ресурсов всех видов: труда, капитала, инвестиций, земли. Какой ресурс ни возьмёшь – везде мы расходовали его больше на единицу конечного выпуска (ВНП), чем в странах с рыночной экономикой. Иными словами, советская экономическая модель адекватна экстенсивному типу производства, она хороша для искусственного стимулирования (на первых этапах), расширяющихся, количественных объёмов производимой продукции. Но она не годится для интенсивного типа производства, базирующегося на экономии используемых ресурсов, и, следовательно, на прибыли. Однако именно от прибыли зависят перспективы развития производства.

Во-вторых, советская экономическая модель не приемлет ускоренного и широкомасштабного научно-технического прогресса, ибо не содержит внутренней мотивации к качественному совершенствованию.

В-третьих, эта модель порождает массовый дефицит, она не ориентирована на меняющийся спрос, она ориентирована на плановый показатель, который меняется лишь раз в год, а то и в пять лет.

В-четвертых, для своего функционирования эта модель нуждается в тоталитарном или в лучшем случае авторитарном политическом устройстве. Социально-экономический или общественный строй в этом случае не может быть демократическим. Уже одно это исключало сохранение советской экономической модели в условиях гласности и других демократических процессов в нашей стране, которые начались в период горбачёвской перестройки.

В-пятых, эта модель привела сначала к искусственному наркотическому взлету, то затем к постепенному затуханию темпов экономического роста СССР, более того – к спаду производства, серьёзному отставанию нашей страны от стран Запада. Наше прогрессирующее отставание обнаружилось не в 80-е или 90-е годы, оно обнаружилось ещё в конце 50-х – начале 60-х годов. В период брежневского застоя это отставание стало особенно нарастать. Мы пытались его замедлить с помощью огромного экспорта нефти и газа. Но мы не хотели всерьёз заняться совершенствованием нашей экономической модели, как это начали делать Венгрия с 1968 г., Польша с 1971 г., Китай с 1978 г. Мы потеряли много времени, и период, когда можно было бы постепенно и безболезненно перейти на рыночную модель, бездарно прошёл. Так что, нечего на зеркало пенять...

Централизованное планирование в рамках жёсткого режима единоличной власти очень напоминает фирму монополиста с вертикальной системой управления всеми нижестоящими звеньями. В этом смысле бывший СССР – это корпорация-монополист, главная задача которой – удержаться и выстоять в этом мире всеобщей вражды и конкуренции, сконцентрировать свои силы на достижении главной цели – обеспечении самоподдерживающегося роста, внутренней согласованности всех своих звеньев с помощью действенного контроля и искусственного подстёгивания.

На кого работала советская модель экономики? Конечно, не на народ, не на рабочий класс. Она работала прежде всего на хозяина страны, советскую номенклатуру, на партию, на укрепление их власти, положительного имиджа, на мощь страны. И здесь она достигла своих целей, пока внутренняя болезнь и начавшаяся эрозия всей системы реального социализма не ослабила, а затем и не разрушила её.

А теперь уместно задать такой вопрос: если старая СМЭ себя не оправдала, почему нынешние экономические реформы не принесли успеха, почему до сих пор страна не имеет эффективной рыночной экономики и почему объём производства и уровень жизни народа снижаются и в настоящее время существенно ниже, чем в советском прошлом?

Сегодня рыночная трансформация в России идёт и медленнее, и противоречивее, и неизмеримо дороже, и неэффективнее, чем в Польше, Венгрии, Чехии и в странах Балтии. Реальный социализм у нас был

намного дольше по времени, чем в этих странах, идеологическая, психологическая и ментальная заданность оказались намного сильнее. Эта историческая аномалия проросла глубокими корнями в стране и обществе. Россия получила в наследство кадры могучей советской номенклатуры, идейно «подготовленных» директоров и учёных, не заклеила социализм как неэффективную, бесчеловечную и аномальную систему, не запретила компартию, не принесла покаяние, что помогло бы ей сейчас двигаться по рыночному пути.

Доставшиеся в наследство производственный аппарат, уродливая структура производства и гигантские по своим размерам предприятия вместе с вытравленными административно-командной системой предпринимательскими и инновационными стимулами оказались серьёзной преградой на пути российской рыночной трансформации.

Ведь всё, что происходило у нас после октябрьского переворота 1917 г., находилось в стороне от главной дороги развития мировой цивилизации, мы сами загнали себя в тупик, в изоляцию от этой цивилизации, изобрели нечто такое, что не прижилось в мире и было разрушено у нас самих. Марксизм-ленинизм тоже оказался в стороне, на обочине магистрального пути развития мировой науки. И сегодня во весь рост стоит вопрос о возврате страны и общества на круги своя.

Но это не значит, что мы грамотно и без серьёзных ошибок идём по пути рыночной трансформации. Слабость политической воли по поддержке реальных реформ, разгул оппозиции, пытающейся создавать непреодолимые преграды на этом пути, распространение коррупции и отсутствие убедительной экономической программы у нового российского правительства являются плохим фоном для движения в правильном направлении. Предстоит ещё много сделать по преодолению всех этих трудностей и недостатков. Но страна не сошла с пути реформ и, уверен, ещё сделает необходимые и решительные шаги в этом направлении.

Необходимо признать, что строй и экономическая модель, которые создали большевики, оказались самыми неразумными не только в нашей стране, но и в истории тех стран, которые также экспериментировали с ними на горе своих сограждан. Этот строй и эту модель мы не только приняли, но и отказались от них в XX в. Но на эксперимент было потрачено более 70 лет и очень много человеческих жизней. Поэтому великая революция в нашей стране – это не революция большевиков, не создание советской политической системы или экономической модели, а переход от этой модели к рынку. Однако научный анализ «реального социализма» и его экономической модели ещё пока слабо разработан в нашей стране и поэтому нуждается в дальнейшем развитии. Не следует забывать, что настоящий научный подход к изучению советской экономики был начисто исключен в течение долгого времени. Поэтому роль нынешних российских ученых должна быть в этом отношении весомой. Мы должны действовать по нормам, стандартам и правилам, принятым в цивилизованном мире, широко взаимодействовать с этим миром и не стремиться к якобы спасительной самоизоляции, или, что ещё хуже, к частичному возврату в прошлое. Путь назад – это путь в исторический и экономический тупик.

И тем не менее не следует забывать, что тоталитарная СМЭ – всего лишь часть того тоталитарного строя, который большевики создали в нашей стране. Она далеко не определяет всех его важных черт. И вопрос о тоталитарном строе «реального социализма» также нуждается в новом изучении, новом подходе с позиций уже свершившейся, но не совсем ещё нами осмысленной советской экономической и политической истории.

Я убеждён, что самые значительные события XX в. – это не две разрушительные мировые войны, не гениальные открытия учёных, не те или иные конкретные воплощения научно-технического прогресса, а вхождение значительной части человечества в реальный социализм (1917 г.) и выход из него (1989-1991 гг.). Вхождение в социализм на деле осуществили российские большевики. По их стопам потом пошли многие другие страны. В XX в. большевики держали в своих руках не только одну нашу огромную страну, но и одну треть мира (мировая социалистическая система). Они распространили своё влияние практически на весь мир, на всю планету, обладая ядерным оружием и теорией мировой революции, не говоря уже о «самой передовой в мире идеологии».

Это беспрецедентный факт, феномен всемирно исторического значения. Большевизм – это особая форма тоталитаризма, базирующаяся на всеохватывающей власти одной партии и государства, социалистической экономической модели и на всеохватывающей партийной идеологии, пропаганде и воспитании. По существу, большевизм возродил и неимоверно усилил систему государственного гнёта и насилия, всевластия центра, которые были характерны для царской России и с которыми боролись российские народники и ранние марксисты.

Вся советская система держалась на принуждении, планировании сверху, небывалой эксплуатации. В беспощадном терроре страна теряла лучших своих представителей, экономика уродовалась плановыми предначертаниями, исходящими не из реальных потребностей, а из идеологических и политических целеуказаний, страна производила сплошь и рядом то, что не нужно, то, что несовременно. Ресурсопожирание и экономическая неэффективность не знали предела и только огромные природные богатства и избыточное трудообеспечение спасали нашу страну от близкой катастрофы. Катастрофа наступила лишь по прошествии более чем семи десятилетий. И хотя в историческом масштабе этот период времени незначителен, мы успели наломать немало дров, испортить несколько поколений людей.

Ранние российские марксисты-большевики в теории хотели уничтожить классы и государство, дать людям реальную свободу, политическую демократию, они были против империализма и монополий. На деле же большевики и их последователи создали всепоглощающее тоталитарное государство, уничтожили личность и свободу, сформировали ярко выраженное классовое общество с эксплуататорами и эксплуатируемыми, с неравенством и принуждением, создали невиданные монополии в виде министерств и крупных предприятий, а также реальную угрозу всему миру. А советская общественная наука верой и правдой служила укреплению и якобы процветанию нового общественного строя, всячески восхваляя и обильно цитируя вождей партии и страны. Приближаясь так или иначе к вождям, работая непосредственно на них, советские академики-обществоведы, говоря словами академика Г.Арбатова, «онаучивали» советскую власть и руководство страны. На деле же, представляется, они им прислуживали, помогали, преследуя не в последнюю очередь и корыстные интересы. К тому же свои академические погоны они и получали с прямой подачи ЦК КПСС, выполняя тем самым роль агентов ЦК в Академии наук СССР.

Важно напомнить, что когда реальные рыночные реформы начались в 1990 г. в Польше, ведущие советские экономисты, бывшие тогда советниками М.Горбачёва или занимавшие высокие государственные посты, как правило, были против следования польскому опыту, считая его непригодным для СССР. Как заявил в апреле 1990 г. один из советников М.Горбачёва в интервью польской газете «Рабочая трибуна», «советский народ одобряет карточную систему, стояние в очередях (особенно в рабочее время), но он против повышения цен». А если отменить государственный контроль над ценами, то инфляция неизбежна. Но уже тогда известный шведский советолог А.Ослунд заметил, что «освобождение цен будет, естественно, непопулярной мерой, однако опасности, связанные с его задержкой, намного серьезнее».

К сожалению, правдой является и тот факт, что такие российские писатели, как А.Солженицын и В.Солоухин, не будучи экономистами, обществоведами и вообще учёными, дали в своих произведениях анализ сути советской экономики намного глубже и правдивее любого советского экономиста.

Советские учёные-обществоведы всегда поддерживали партию и правительство, никого из них не было в числе диссидентов. Более того, к последним они, как правило, относились отрицательно. Не случайно поэтому, что в числе 43 советских академиков, подписавших в 1979 г. позорное письмо с осуждением А.Сахарова и требованием лишить его звания академика, было немало обществоведов, в том числе экономистов и международников.

В период постсоветской трансформации наши юристы, в частности (вспомним председателя Конституционного Суда Зорькина!), сделали всё, чтобы не допустить общественного осуждения коммунизма, запрещения компартии. И сегодня, когда не только на местном, но и на государственном уровне происходят экстремистские акции по разжиганию национальной розни, формированию и укреплению фашистских настроений и течений в российском обществе, среди наших обществоведов не находится борцов против этих явлений. Их нет, например, среди подписавших открытое письмо академиков РАН против доморощенных антисемитов, пользующихся поддержкой значительной части населения страны.

Чтобы продлить свое существование, советский режим умело маневрировал, из года в год придумывались (не в последнюю очередь с помощью советской общественной науки) новые и новые цели, призывы и лозунги, зовущие к новым свершениям. Но народ уставал и постепенно перестал им верить. Темпы роста производства снижались, социальная неустроенность не уменьшалась, разрыв между социализмом и капитализмом нарастал. И большинство людей, наконец, всё это стало понимать.

По существу, была создана система тотального рабства, всевластия и произвола партийных и иных верхов, система тотального обмана народа и цинизма. Никогда ещё в истории человечества эксплуатация собственного народа не достигала такой степени, как в условиях «реального социализма». Никогда извращения изначально нормальной и даже благородной социалистической идеи не достигали такого размера, как в условиях «реального социализма». И, наконец, нигде и никогда раньше сам «реальный социализм» не был так превращён в злостную карикатуру и пугало для всего человечества (вместо заявляемой «братской поддержки» со стороны народов всего мира), как это было в бывшем Советском Союзе. Однако позднее коммунисты Китая, и особенно Камбоджи, покажут не менее, если не более яркие образцы извращений.

Страна понесла неисчислимые потери за годы советской власти. Прежде всего это выражается в десятках миллионов человеческих жизней. Далее, в разрушениях нормального хозяйственного уклада и духовного наследия. Наконец, в создании тупиковой и бесперспективной СМЭ. И чего мы добились? Чего достигли? Низкого уровня жизни, полной неконкурентоспособности готовой продукции, порчи людей. Во имя чего? Во имя неограниченной власти вождей, великодержавности государства, военной мощи. А где же «во имя человека», «в интересах удовлетворения постоянно растущих потребностей»? Всё это оказалось попросту вздором.

В то же время, вплоть до 70-х гг., советский народ не породил ни одного сколь-нибудь серьёзного и влиятельного идейного протеста против большевизма. В стране вообще не было создано альтернативной марксизму или большевизму теории или концепции, способной разрушить их идеологию, показать лживость их

философских, политэкономических и иных основ. И режим большевиков был свергнут не идеей или научной теорией, а самой практикой жизни. Тем более сегодня важно рационально и реально осмыслить наше недавнее прошлое.

Как справедливо пишет Я.Певзнер, после октябрьского переворота 1917 г. «власть в России была на ряд десятилетий захвачена кучкой безответственных демагогов, принесших стране и её народу неисчислимые бедствия. История знает и такие случаи, когда подобный губительный поворот дел заканчивался гибелью целых народов. Но если жизнь сохраняется, раньше или позже дорогу пробивает разум. Сколь ни сложен, ни противоречив и ни болезнен выход из октябрьского тупика, начавшийся во второй половине 80-х годов процесс, продолжается, и его революционное содержание, его финал только в одном – в скорейшем выходе на общий цивилизационный путь политической и экономической демократии».

Советский Союз только чисто внешне мог считаться великой и могучей страной, прежде всего благодаря своей военной и политической силе. Что же касается внутренней силы, то о ней говорить не приходится, если иметь в виду, не забывать террор и насилие, навязывание народу обязательной идеологии, принудительное планирование и рабский труд, постоянный контроль над всем и вся сверху, отсутствие органической мотивации к труду и нововведениям, постоянный страх и прислуживание начальству.

Всё это стало поистине тяжким наследством для новой России, вставшей на путь реформ в 1992 г., и сегодня перед нашей страной стоят те же самые задачи, которые не смогли решить большевики в течение трех четвертей нынешнего столетия.

В апреле 1998 г. была опубликована статья бывшего первого вице-преьера правительства Российской Федерации Ю.Маслюкова с оценкой среднесрочных перспектив развития российской экономики до 2002 г. В ней справедливо говорилось, что «если мы хотим жить в условиях рынка и демократии, мы должны осуществить качественные, глубокие преобразования. Надо поднять уровень жизни. Создать массовый «средний класс»..., «модернизировать Россию и вывести ее на новый путь развития».

Всё верно. Но почему-то в нашем сознании стали забываться важные исторические вехи, когда Россия ставила перед собой такие же вопросы. Не буду говорить о реформах 1992-1998 гг., которые до конца не решили, к сожалению, этих задач в значительной мере в результате огромного и всё нарастающего сопротивления со стороны оппозиции, возглавляемой КПРФ. Задумаемся о том, что было раньше.

100 лет назад, а именно в марте 1899 г. вышла известная книга В.Ильина (В.Ленина) «Развитие капитализма в России». В ней автор четко высказал свое мнение о том, что развитие рынка, товарно-денежных отношений и частной собственности «имеет глубоко прогрессивное значение по отношению к старым формам жизни», что капитализм выполняет в России историческую миссию «повышения производительных сил общественного труда и обобществления его». Всё это было важно в то время не только для оценки нормальных перспектив развития нашей страны, но и для идейной дискредитации народничества. Как уже говорилось, народники отрицали объективную необходимость развития капитализма в России, говорили о возможности построения социалистического общества, минуя капитализм, на базе крестьянской общины. Всё это Ленин справедливо назвал «азиатчиной».

Тем временем капитализм в России набирал силу. В конце 19 в. страна переживала второй после Петровских времен виток модернизации за счет индустриализации. Страна в начале нашего века уже занимала первое место в мире по сбору и экспорту зерна, добыче нефти, протяженности железных дорог. Надежным было и финансовое положение страны, имевшей значительный запас золота и принявшей в 1897 г. систему золотого стандарта для своей валюты. Темпы роста ВВП (3,0-3,5% в год), сельского хозяйства (3,0%), промышленного производства (4,0-5,5%), в 1885-1913 гг. были не ниже, чем в странах Запада, а порой и заметно выше. Рыночные отношения быстро развивались и охватывали не только промышленность и финансовую сферу, но и сельское хозяйство, где крестьянство активно расслаивалось.

В 1913 году Россия была страной среднего уровня экономического развития. Её ВВП, как уже говорилось, был равен 25% от уровня США, или 17% в расчете на душу населения, промышленное производство соответственно 16 и 11%. Казалось, страна набирала силы, быстро индустриализировалась и нуждалась в политической стабильности, компетентном государственном управлении (как и сейчас). Но большевики прервали этот процесс и, воспользовавшись состоянием войны, разрухой, огромной внутриполитической смутой, совершили в 1917 г. революционный переворот. Несмотря на первоначальную поддержку с их стороны, развитие капитализма в России оказалось абортированным.

Социалистическая революция в России не была подготовлена ни развитием производительных сил, ни развитием рабочего класса, ни поддержкой пролетариата Европы. Против нее однозначно высказывались ведущие социал-демократы Запада, включая К.Каутского, Р.Люксембург и Г.Плеханова, которых Ленин и Троцкий хорошо знали лично. Они предупреждали большевиков о неизбежности в этом случае гражданской войны и террора в России, о страшных невзгодах и потерях для её народа.

Сразу же после октябрьского переворота большевики ликвидировали товарно-денежные отношения, сами деньги, установили «военный коммунизм», диктатуру одной партии, одной идеологии, одного плана и

порядка, положив начало формированию особой советской модели экономики. Убежден, это был неверный, ошибочный политический выбор, который логически привёл к сталинизму, командно-административной, или тоталитарной системе.

Таким образом, вместо развития рынка и товарно-денежных отношений большевики применили иную, а вернее, прямо противоположную стратегию – методами мобилизации, чрезвычайщины и даже террора создали три вертикали власти (партийную, хозяйственную и сыскную, или кагебешную), вместо нормальных горизонтальных связей, сформировали тоталитарную систему, централизованное управление и планирование, выдвинули задачу «догнать и перегнать» страны Запада в экономическом отношении любой ценой.

Эта стратегия, базирующаяся на нетоварной советской модели экономики, провалилась везде, где она применялась, включая Китай, который с 1978 г. стал создавать частный сектор в своей экономике параллельно давно существующему государственному. Но беда в том, что последний, будучи неэффективным, стал поддерживаться за счёт частного, и эта коллизия ещё ждет своего разрешения. В нашей же стране советская модель, лишившая экономику внутренней мотивации к качественному труду, интенсификации производства и научно-техническому прогрессу, привела к долговременной тенденции замедления темпов экономического роста с конца 50-х годов, к прекращению последнего (по реальной оценке) с конца 70-х годов и развалу СССР.

Конечно, искусственное, плановое, идеологическое, дисциплинарное и иное подстёгивание темпов экономического роста привело к огромному количественному наращиванию «вала» советской продукции, как правило, неконкурентоспособной по стандартам мирового рынка. Ведь это правда, что конкурентоспособной была лишь продукция добывающей промышленности и военно-промышленного комплекса (как, впрочем, и сейчас). Тем не менее советский ВВП в лучшие времена достигал не менее 35-40% от уровня США по реальной оценке. Но постепенно это соотношение уменьшалось, а после развала СССР Россия в 1992 г. по своему ВВП оказалась на уровне всего лишь 13% к ВВП США, т.е. почти вдвое ниже, чем в 1913 году.

Сегодня перед Россией, как и 100 лет назад, вновь во весь рост стоит задача создания эффективной экономики на базе расширения товарно-денежных отношений, формирования современной рыночной инфраструктуры, и на этой основе уверенного движения вперёд. Только рынок, основанный на многообразии форм собственности, смешанной экономике и механизме конкуренции, стимулирующий личную инициативу, предприимчивость, ответственность и НТП, как и 100 лет назад, может сегодня помочь нашей стране встать на истинный путь здорового экономического и демократического развития. Как писал Б.Бруцкус, «рынок является совершенно незаменимым орудием всякого построенного на сложном разделении труда народного хозяйства и, кроме того, он является одной из важнейших гарантий личной свободы в таком обществе». С этим были согласны такие российские экономисты, как Н.Кондратьев, А.Чаянов и др., являющиеся гордостью нашей науки. И сегодня наша задача заключается в том, чтобы не уйти в очередной раз с этого правильного пути, прислушаться, наконец, к голосу разума.

Роль государства в процессе формирования зрелых рыночных отношений должна проявиться в огромной мере. Ведь в конце прошлого века государство широко участвовало в строительстве железных дорог, развитии фабрик и заводов в промышленности, форсировании экспорта, формировании здоровой финансово-банковской системы. Никто не говорил о том, что государство надо устранить от этого. И сегодня не может быть и речи об устранении государства от формирования эффективной рыночной модели для российской экономики.

Но участие государства в этом процессе не должно быть направлено на массовое восстановление государственной собственности, централизованного управления и планирования хозяйства, на вмешательство во все стороны нормальных экономических процессов. Создайте условия, а не плановые цифры, дайте стимулы, а не задания, поставьте на ноги развалившуюся кредитно-банковскую систему, возьмитесь, наконец, за научно-технический прогресс, начните поднимать лежащую ряд лет российскую науку – вот тогда наша экономика заработает, вот тогда в начале будущего века можно будет вздохнуть и с надеждой смотреть вперёд. В прошлом большевики надежд страны и своего народа не оправдали, не оправдали этих надежд и попытки «младореформаторов» в 1992-1998 гг.

А теперь посмотрим, какое место Россия занимает в мире в конце 20 в. по важнейшим макроэкономическим показателям и что может измениться в этом отношении к 2015 г.

По оценке экспертов Всемирного банка, ВВП России в 1998 г. был равен всего 7,5% от уровня США, т.е. в 3 раза меньше, чем в 1913 г. Прямые сопоставления объёмов промышленного производства и уровней производительности труда в промышленности России, США, Германии, Франции и Великобритании показали, что объём производства в промышленности России в 1998 г. составил к уровню США 8,2%, Германии – 36, Франции – 61 и Великобритании – 73%, уровень производительности труда в промышленности соответственно 12, 18, 16 и 23%. Всё это свидетельствует о крайне низких уровнях нашего экономического развития в сравнении с главными западными странами, что необходимо учитывать не только во внутренней, но и внешней политике.

Проведенные сопоставительные расчёты дают базу для некоторых прогнозных оценок. По моим представлениям, если взять долгосрочный горизонт для прогноза в рамках 15-летнего периода до 2015 г., то, будучи оптимистом, можно исходить из того, что среднегодовой прирост ВВП в России ориентировочно составит 5%, промышленного производства 6%. Восстановительный экономический рост не потребует немедленных крупных капиталовложений, он будет опираться сначала на ввод неиспользуемых пока мощностей и иных ресурсов. Потом должны заработать такие факторы, как широкомасштабная предпринимательская инициатива, поддерживаемая государством, инвестиции, форсированный рост экспорта готовых изделий, включая продукты машиностроения, ускорение НТП.

Опираясь на анализ «исторических» темпов роста ВВП, производства и производительности труда в промышленности рассматриваемых стран Запада, можно предположить, что среднегодовой прирост ВВП в США в 1998-2015 гг. составит 2,4% (промышленного производства – 1,7%), в Германии соответственно – 2,6 (1,8), во Франции – 2,5 (1,2) и в Великобритании – 2,3 (1,1). На базе этих допущений и уже известных соотношений России и стран Запада по ВВП, промышленному производству и производительности труда в промышленности можно определить, что в 2015 г. ВВП России к уровню США составит 12%, к уровню Германии – 48, Франции – 67 и Великобритании – 74%, промышленное производство соответственно 17, 71, 134 и 163%, а производительность труда в промышленности – 25, 36, 35 и 51%.

Да, и в 2015 г. наша страна не достигнет соотношения с США по ВВП, которое было в 1913 г., но достигнет соотношения этого года по общему объёму промышленного производства. По уровню производительности труда в промышленности мы будем отставать от США в 4 раза.

Ну и что? Мы потеряли не год. Мы потеряли не 10 лет. Мы потеряли век, прожив XX век как смутный, революционный, иллюзорный и утопический век, на протяжении которого наша страна отвернулась от истинных интересов своего народа. И очень бы хотелось, чтобы у нас, наконец, дело пошло, начался нормальный экономический рост и общественное развитие в правильном направлении, то есть не назад, а вперёд.

Как и 100 лет назад, сегодня перед нами вновь стоит серьёзный и далекоидущий выбор: либо влиться в широкий поток развития мировой экономики и цивилизации (и получать в этом контексте не только поддержку, но и право на достойное и равноправное сотрудничество и партнерство с Западом), либо опять отойти в сторонку и где-то на окраине или периферии мировой экономики и цивилизации благоговеть над своей «самобытностью», или ещё хуже над своими «преимуществами», уповая на свои «национальные особенности» и «передовитость». Раньше в это многие искренне верили, теперь не поверят – это точно.

Хочется надеяться, что Россия, как и в конце XIX в., не будет коснеть в изоляции и национальной исключительности и выйдет в XXI в. на широкую дорогу эффективного экономического и социального прогресса, с которого она сошла в начале нынешнего столетия.

В 1991 г. закончилась история российского большевизма и созданной им советской модели экономики, которая, в конце концов, была отвергнута Историей человеческой цивилизации. Видимо, нецивилизованные сущности в итоге надолго не приживаются. И в этом заключается важная сторона жизни.

В последние годы российский народ на фоне падения производства и жизненного уровня всё же смог хотя бы чуть-чуть испробовать реальные прелести новой жизни в виде изобилия предложения товаров и услуг, внутренней свободы, свободы слова и печати. Но при этом он был ввергнут в новые испытания и трудности. И самое главное – он не увидел и не услышал покаяния за все созданное большевиками в советском прошлом, а значит, и не понял огромную меру той трагедии, которую мы испытали. А значит, в обществе не сложился здоровый иммунитет против возврата к прошлому. На этом и живет нынешняя левая оппозиция. Остаётся фактом и другой вывод: человечеству понадобился почти век, чтобы рационально убедиться в несостоятельности СМЭ и социализма, как системы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

КУДРОВ Валентин Михайлович — профессор, доктор экономических наук, академик Академии экономических наук и предпринимательской деятельности России, руководитель Центра международных социально-экономических сопоставлений Института Европы РАН.

Родился в 1932 г., окончил экономический факультет МГУ в 1954 г. Работал в 1956 — 1967 гг. в Научно-исследовательском экономическом институте (НИЭИ) при Госплане СССР, в 1967 — 1979 гг. — в ИМЭМО АН СССР, в 1979 — 1988 гг. — в Институте США и Канады АН СССР, в 1988 — 1990 гг. — в Европейской экономической комиссии ООН в Женеве, с 1990 г. по настоящее время работает в Институте Европы РАН. Лауреат Государственной премии СССР за 1977 год.

Автор девяти книг, восьми брошюр и более 200 статей по проблемам мировой экономики, международных экономических сопоставлений, экономических реформ в постсоциалистических странах. Автор известного учебника «Мировая экономика» (М., БЕК, 1999 и 2000 гг.), а также монографии «Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления» (М., Наука, 1997.).